Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 15 ЯНВАРЯ № 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

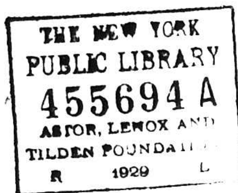
СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—26518. Тираж 70.000 экз.

Типография газеты „Правда", Тверская, 48.

К пятилетию смерти В. И. Ленина.

I. Период смерти Ленина и нынешний период.

Наша партия и Коминтерн потеряли величайшего после Маркса теоретика и вождя пролетарской революции—В. И. Ленина в исторический момент, существенно отличный от того, который переживает теперь пролетарская диктатура в нашей стране и мировое революционное движение. В нашей стране мы только что вступили тогда в тот период, когда—как это отмечено в решениях XV с'езда,—на базе роста производительных сил вообще и социалистической промышленности в первую очередь, происходила перегруппировка сил и хозяйственных форм в сторону усиления роли социалистических элементов, когда поднималась «роль командных высот», но не поднялась еще «настолько, чтобы достигнуть прочного союза с середняком и решительно повести его за собой, оторвав его от кулака». И на почве трудностей этой «перегруппировки сил и хозяйственных форм» наша партия переживала некоторый кризис, вызванный первым ожесточенным нападением на ее руководство, на ее ленинскую линию со стороны об'единившихся под флагом троцкистской «левизны» осколков прежних «левых» и правых оппозиционных группировок. Международное революционное движение, в свою очередь, переживало переломный момент, когда часть стран Запада, особенно Германия, только-что пережила «непосредственную революционную ситуацию» и ряд поражений пролетариата в схватках с буржуазией, и в то же время намечались явные признаки относительной, частичной стабилизации капитализма. И здесь, на почве трудностей, в свою очередь, завязывалась борьба с уклонами внутри компартий Запада, при чем наши «левые» уклонисты, напр., Радек, смыкались с правым уклоном в германской компартии, беря на себя его поддержку и пытаясь возглавить его.

С тех пор положение резко изменилось.

Через период «перегруппировки сил и хозяйственных форм» мы пришли к восстановлению нашего народного хозяйства до его довоенного уровня, и затем, перешагнувши через этот уровень в социалистическом секторе, пришли к решительному преобладанию этого сектора над капиталистическим, к более тесной экономической связи его с сектором мелко-хозяйским, крестьянским сектором, к еще более руководящей роли первого по отношению ко второму, к созданию

действительных условий для прочности союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком, отрыва его от кулачества и изоляции последнего. И на этой же базе мы вступили в новый период нашего развития, — в период интенсивной работы над индустриализацией страны, в период социалистической реконструкции нашего народного хозяйства, более интенсивного, чем в прежние периоды нэпа, наступления на капиталистические элементы города и деревни и непосредственного социалистического строительства в деревне—ее производственного кооперирования и развития в ней, на ряду с первичными формами этого кооперирования, колхоз- и совхозстроительства.

Руководя закладкой фундамента социализма, партия подвергалась жесточайшему обстрелу левых маловеров,—снова об'единенным фронтом, снова под знаменем троцкистской «левизны», — в течение двух лет пытавшихся совлечь партию с ленинского пути строительства социализма в лево-меньшевистское болото. Партия преодолела напор этих социал-демократических элементов в ней, стряхнула эти социал-демократические гири со своих ног, чтобы свободно итти по своему тяжелому пути в новый, реконструктивный период строительства, соединенный с новыми трудностями, которые создаются чрезмерным отставанием сельского, главным образом, зернового, хозяйства и растущим сопротивлением капиталистических элементов города и деревни победоносному наступлению на них социалистического сектора нашего хозяйства.

На международной арене за это же время, с момента смерти Владимира Ильича, произошли не менее серьезные изменения Начавшийся еще при его жизни, но тогда еще не выявившийся вполне, период относительной стабилизации капитализма привел к восстановлению хозяйства империалистических стран, к превышению ими довоенного уровня развития, а вместе с тем и к новому крупному обострению всех противоречий империализма на расширенной базе. Этим положено начало новому, нынешнему периоду послевоенной эпохи. Он характеризуется VI конгрессом Коминтерна, как «период который ведет через дальнейшее развитие противоречий капиталистической стабилизации к дальнейшему ее расшатыванию и к резкому обострению общего кризиса империализма». Чрезвычайно обостряются противоречия между СССР и империалистическими странами, противоречия между странами империализма и внутри них, обостряется классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, развязываются колониальные движения, и —в силу всего этого —приближается становящаяся неизбежной «новая полоса империалистических войн между империалистическими государствами, их войн против СССР, национально-освободительных войн против империализма и интервенции империалистов, гигантских классовых битв». Перед лицом таких революционных перспектив стоят, несомненно, гораздо более окрепшие, гораздо более закаленные, чем к моменту смерти В. И., растущие и приобретающие со дня на день все большее влияние серди пролетарских масс коммунистические партии капиталистических стран. И в этих условиях для них особенную важность приобретает борьба с тоже окрепшими за период стабилизации партиями II Интернационала, этими орудиями буржуазии против надвигающейся грозы, этими громоотводами пролетарской революции.

В условиях обострения классовой борьбы и на международной арене и внутри СССР, по-новому ставится вопрос и о борьбе с уклонами внутри компартий. Если в предшествующий период и у нас и в компартиях капиталистических стран на первом плане стояла борьба с псевдо-«левыми», действовавшими под руководством троцкизма, то теперь, когда «левая» опасность в основном преодолена, и когда величайшую опасность представляет всякий уклон, замазывающий классовую борьбу, льющий воду на мельницу классового мира и хотя бы невольно, но об'ективно играющий на-руку классового врага,—теперь и ВКП(б) и Коминтерн в целом, отнюдь не оставляя борьбы с «левыми», направляют свой главный удар против **правых** уклонов в своих рядах.

Только ленинизм, только ленинское учение о пролетарской революции, о пролетарской диктатуре, о социалистическом строительстве, только верное применение этого учения к сложнейшей обстановке момента и решительная борьба со всяким его искажением, со всякой попыткой отклониться от него, может обеспечить преодоление очередных трудностей.

II. Ленин и мировая пролетарская революция.

Послевоенная эпоха международного революционного движения характеризуется сочетанием в нем классовой борьбы пролетариата против буржуазии в империалистических странах с борьбой против гнета остатков феодализма и против гнета иностранного империализма в колониях, сочетанием пролетарского движения в странах «передового» капитализма с антиимпериалистическими, но по существу своему еще буржуазно-демократическими движениями в странах отсталых, колониальных и зависимых. Этим сочетанием вне всяких сомнений будет характеризоваться и тот новый период «гигантских классовых битв», в преддверие которого вступает теперь международное революционное движение. Это как раз то сочетание, которое было предусмотрено В. И. Лениным в те годы империалистической войны, когда он с такой силой подчеркнул значение для пролетарской революции национального и национально-колониального вопроса.

... «Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. д. гнета,—

думать так, значит отрекаться от социальной революции. Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется»,—писал В. И. в 1916 г. в своих «Итогах дискуссии о самоопределении». «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»,—выражал он в другой форме ту же мысль в статье «О карикатуре на марксизм», в том же 1916 году.

Неизбежность в эпоху пролетарских революций «сочетания» гражданской войны пролетариата с буржуазией в «передовых» странах с «демократическими и революционными движениями» в странах «неразвитых» В. И. выводил из того же закона неравномерности развития капитализма, из которого выводил он свое положение о возможности победы социализма «первоначально» в одной стране. Ставя вопрос, почему неизбежно такое сочетание, он отвечал: «Потому, что капитализм развивается неравномерно и об'ективная действительность показывает нам, на ряду с высоко развитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций очень слабо и совсем неразвитых капиталистически». У этого-то «целого ряда наций» не разрешены еще к эпохе пролетарских революций задачи революций буржуазно-демократических, и в них-то «демократические и революционные движения», направленные к уничтожению «помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета» превращаются в неразрывную часть мировой пролетарский революции.

Но в эпоху этой революции сами эти движения терпят под ее влиянием изменения в своем ходе и исходе. К сравнительно слабо развитым капиталистическим странам В. И. причислял и Россию, для нее же он еще в 1905 г. рисовал возможность перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, а в условиях 1917 года—возможность слияния буржуазно-демократической «крестьянской революции против помещиков», ее завершения с революцией пролетарской, и Октябрь эту возможность осуществил. И не только для России, а на основе ее опыта, для других, гораздо менее развитых стран В. И. предрекал такой исход буржуазно-демократических революционных движений в эпоху империализма и пролетарских революций, который может обеспечить их переход с капиталистического на социалистический путь развития. «Коммунистический Интернационал,—говорил он о колониях на II Конгрессе Коминтерна,—должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». Такой исход освободительных движений в колониях, очевидно, мыслим лишь при условии именно перерастания буржуазно-демократических революций в пролетарские.

Это ленинское учение, подтвержденное опытом борьбы, дало возможность VI конгрессу Коминтерна в принятой им программе наметить путь к пролетарской диктатуре для стран, не разрешивших еще задач буржуазно-демократической революции, как путь перерастания этой революции в пролетарскую, то более длительного, то более быстрого, то, наконец, сливающего буржуазно-демократический переворот с пролетарским,—в зависимости от большей или меньшей степени отсталости этих стран, от большей или меньшей степени сохранения остатков крепостничества и степени развития капитализма, а на этой основе—определить тактику компартий колониального и полуколониального Востока.

В дни пятилетия смерти В. И., в период, когда самим об'ективным ходом вещей подготовляется «резкое обострение общего кризиса империализма», а вместе с ним и возможность непосредственной схватки пролетариата с буржуазией в той или иной передовой стране за захват власти, за пролетарскую диктатуру, нельзя не вспомнить то, что говорил. В. И. по вопросу о том, «в чем должна состоять немедленная и повсеместная подготовка к диктатуре пролетариата», в своих тезисах к II конгрессу Коминтерна об его основных задачах.

Что должна по этим указаниям В. И. делать каждая коммунистическая партия?

Первое: «ускорять революцию, однако, не вызывая ее искусственно, без достаточной подготовки»; усилить эту подготовку «действием»; удесятерить свою работу для нее, но и удесятерить так, чтобы она действительно была направлена «к завоеванию государственной власти и притом именно в форме диктатуры пролетариата».

Второе: ради этого открыть беспощадный огонь по проповедникам сотрудничества с буржуазией и защитникам «свободы» и «равенства» при сохранении частной собственности на «средства производства», то-есть буржуазной демократии, по реформистам и «центровикам» [1]), отнюдь не удовлетворяясь простым «выяснением ошибочности» и «буржуазного характера» их взглядов, а беспощадно разоблачая каждого такого деятеля, каждого такого вождя, чтобы массы видели, за кем нельзя итти, добиваясь смены таких вождей со всех постов в рабочем движении; беспощадное разоблачение и изгнание этих вождей из рабочего движения—эту первую задачу компартий по отношению к партиям II Интернационала—сочетать с тоже беспощадной «систематической, широкой, открытой борьбой» с более широким слоем «рабочей аристократии» и «обуржуазившихся рабочих», этой «настоящей социальной опоры II Интернационала».

---

[1]) Роль «центровиков» теперь, как известно, с успехом выполняют так называемые «левые» социал-демократы.

Третье: завоевать на свою сторону прежде всего пролетарские, а потом все трудящиеся и эксплоатируемые массы, проводя в жизнь «во что бы то ни стало» лозунг «глубже в массы», «теснее связь с массами», и для этого вести разностороннюю работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, систематически воспитывая такой работой «и себя (—партийные ячейки и группы—ред.) и партию, и класс, и массы»; в частности, проводить «всестороннюю и самоотверженную поддержку... по отношению к широкому, стихийному массовому стачечному движению».

Четвертое: Во всех этих целях входить «во все без из'ятия организации, союзы, об'единения, в первую голову пролетарских, а затем и непролетарской трудящейся и эксплоатируемой массы (в том числе и такие партии, как «Рабочая партия» Англии, пока сохраняется в них свобода критики и разоблачения оппортунистических вождей и свобода «пропагандистской, агитационной деятельности за диктатуру пролетариата») и образовывать во всех этих об'единениях свои группы и ячейки.

Пятое: В тех же целях—и в целях обеспечения возможности работы компартии в период обострения классовой борьбы и преследований буржуазии—сочетать легальную организацию с нелегальной, легальные методы работы с нелегальными.

Вся вот эта совокупность мер и способов «немедленной и повсеместной подготовки к диктатуре пролетариата»—не являлась ли она лежащей в основе тактики и методов действий Коминтерна и наиболее правильно проводящих его тактическую линию компартий «передовых» капиталистических стран? Не являлась ли она, в частности, основой тактики единого фронта, до сих пор проводившейся Коминтерном, и его борьбы с правыми, а за недавнее время—особенно с «левыми», срывавшими эту тактику? Да, являлась. И, в итоге, например, в Германии создалась действительно влиятельная, приобретающая все большее доверие масс компартия, а в Англии очень слабая численно компартия со дня на день расширяла свое влияние на массы.

А в настоящий период стабилизации капитализма, подготовляющей «передовые» страны к новым штурмам капитализма со стороны пролетариата, именно указания В. И., «в чем должна состоять немедленная и повсеместная подготовка к диктатуре пролетариата», определили собой—опять применительно к особенностям момента и особенностям отдельных стран — тактику, диктуемую компартиям VI Конгрессом Коминтерна: более, чем когда бы то ни было до сих пор, беспощадную борьбу с руководящими кадрами II Интернационала, более, чем когда бы то ни было, систематическое и настойчивое завоевание левеющих масс пролетариата всесторонней работой среди них, всесторонним руководством обостряющейся классовой борьбой и особенно массовым стачечным движением, систематическое сочетание легальных и нелегальных методов борьбы.

III. Ленин и диктатура пролетариата.

В тех же тезисах «Об основных задачах Коминтерна» В. И. Ленин подчеркнул перед компартиями то свое основное положение, касающееся диктатуры пролетариата, которое, по существу дела, забывается или смазывается современными представителями правого уклона в нашей партии, как раз в момент обострения классовой борьбы в нашей стране. Он подчеркнул, что «завоевание политической власти пролетариатом не прекращает классовой борьбы его против буржуазии, а наоборот делает эту борьбу особенно широкой, острой, беспощадной», и что «диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма борьбы пролетариата».

Это положение В. И. Ленин, как известно, с настойчивостью не раз подчеркивал и перед нашей партией как в эпоху военного коммунизма, так и в период нэпа.

«Диктатура пролетариата,—писал он, например, в предисловии к своей речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства»,—есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии». А на первых шагах нэпа, на XI с'езде партии он предостерегал партию против того, чтобы считать уже изжитым, пройденным этапом «последний и решительный бой» с капитализмом в нашей стране. Говоря о «соревновании» с допущенным в известной степени и на известных условиях капитализмом, что «тут соревнование серьезное и решающее», и что «больше у нас никаких выходов нет», он продолжал: «Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле действительно «последний решительный бой» не с международным капитализмом,—там еще много будет «последних и решительных боев»,—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается, вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить». Но независимо и от этого «последнего и решительного боя», который «предстоит», он и само «соревнование» и «состязание» с допускаемым капитализмом называл в этой же речи не чем иным, как «еще одной формой борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу», «формой борьбы буржуазии с пролетариатом».

Меняются формы борьбы, но диктатура пролетариата ни на минуту не перестает быть ожесточенной классовой борьбой с буржуазией. В этом основная из тех черт, которыми характеризуется по учению Ленина пролетарская диктатура. Но это—борьба за социалистическое переустройство всего народного хозяйства, всего общества, и стало быть в том числе мелкого хозяйства, а мелкое хозяйство нельзя перестроить без самого мелкого хозяина, который,—говорит Ленин—нам «не враг», но колеблется между пролета-

риатом и его врагом—буржуазией, нельзя перестроить без союза с этим мелким хозяином. Поэтому—особенно в стране с таким преобладанием мелкого крестьянского хозяйства, какое имеется в нашей стране—приобретает чрезвычайную важность союз пролетариата и близких ему полупролетарских масс с «самостоятельным» мелким производителем—по преимуществу и в первую очередь с мелким крестьянином.

По отношению к деревне этот союз, как лозунг нашей партии, В. И. выдвинул еще в 1918 г., когда дал ему известную формулу «уметь достигнуть соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»,—формулу, которой так злоупотребляла троцкистская оппозиция в своих нападках на ленинскую линию партии в осуществлении союза с середняком. С VIII с'езда партии эта формула В. И. Ленина стала руководящей формулой политики партии в деревне. Менялись формы соглашения, союз с середняком, опоры на бедноту и борьбы с кулаком, менялся—в зависимости от соотношения социалистических, капиталистических и мелкохозяйских элементов народного хозяйства—упор в ту или иную часть этого ленинского лозунга, но не менялся, неуклонно проводился в жизнь весь этот лозунг в целом.

Тогда же, осенью 1918 г., говоря о «соглашении» с середняком, Ленин добавлял: «То же относится и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам и—в особенности—к интеллигенции». Исходя из этого, он в другой, более поздней (1919 г.) статье определял диктатуру пролетариата, как «особую форму классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся». Но это союз не мирный, а боевой, союз борьбы: «союз против капитала, союз в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны (—конечно не только вооруженных и не только политических, но и экономических «сопротивления» и «попыток реставрации»—ред.), союз в целях окончательного создания и упрочения социализма».

Опора на полупролетарские массы и союз с непролетарскими массами трудящихся для борьбы с буржуазией за «создание и упрочение социализма» под руководством пролетариата, это—вторая основная черта пролетарской диктатуры по-Ленину. Не напоминать указаний В. И. Ленина на боевой характер этого союза теперь опять-таки нельзя, в виду забывчивости носителей правого уклона в рядах партии и наличия примиренчества с ним.

Наконец, третья, не менее важная черта пролетарской диктатуры, которую тоже не уставал подчеркивать В. И. и которая неотделима от первых двух. Эта та черта, без которой невозможно социалистическое перевоспитание массы, невозможно в силу этого сколько-ни-

будь развернутое и сколько-нибудь успешное строительство социализма, это—привлечение всех трудящихся к «постоянному и безусловному участию» в государственном управлении и в социалистическом строительстве. Это—«невиданное в мире распространение действительного использования демократизма на порабощенные капитализмом трудящиеся классы». Это—«демократия для бедных», для трудящихся под обязательным руководством пролетариата и его партии, это—пролетарская демократия.

Советская форма государства тем и хороша для пролетариата, потому и является совершенной формой пролетарской диктатуры по учению Ленина, что она «приноровлена» к развертыванию всех трех основных свойств этой диктатуры—классовой борьбы пролетариата с буржуазией за социализм, союза пролетариата и полупролетариев с остальной трудящейся массой для этой борьбы и пролетарской демократии—и притом «приноровлена» так, «чтобы пролетариат, как класс, наиболее сплоченный под влиянием капитализма и наиболее сознательный, занял руководящую роль в государстве».

Все эти основные черты пролетарской диктатуры систематически развертывались усилиями нашей партии в ее работе по советскому строительству. В органах государственной власти пролетариата еще есть много наследий прошлого—бюрократизма, волокиты и пр., но они от этого не перестают быть мощными органами классовой борьбы с буржуазией за социалистическое строительство. Самой советской системой нашего государственного строя и усилиями партии систематически создавались условия для того, чтобы этот государственный строй обеспечивал подлинный боевой союз пролетариев и полупролетариев с остальной массой трудящихся и прежде всего с середняцкой массой деревни. Этот союз рос и креп, в свою очередь, содействуя борьбе за под'ем хозяйства и за социалистический путь этого под'ема. Вместе с тем развертывалась демократия нового, еще «невиданного» в мире типа,—пролетарская демократия в советском государстве, это—по учению Ленина—основное орудие уничтожения таких язв, как бюрократизм и волокита.

Работа по развертыванию в советском государственном строительстве тех основных свойств пролетарской диктатуры, на которые с особенной настойчивостью указывал В. И., еще далеко не закончена. Еще много—особенно в деревне—в нашем советском строительстве то загибов «влево», и наоборот—особенно в данный момент загибов вправо, миротворческих. Еще чрезвычайно много бюрократизма в советах города и деревни и еще слишком мало самокритики в области советского строительства. Но как раз теперь, в полном соответствии с условиями обострения борьбы пролетарской диктатуры против капиталистических элементов,—партия с большей, чем когда бы то ни было энергией развивает работу по обеспечению правильной постановкой советского строительства классового отпора капиталистическим элементам и наступления на них, прочного союза пролетариата

с остальной массой трудящихся, последовательного развития пролетарской демократии и самокритики, как одной из основных форм проявления этой демократии. Партия требует от всех своих организаций, от всех партийных и советских работников «четкой классовой линии и решительного преодоления всяких колебаний и уклонов от ленинской линии в сторону попустительства кулачеству и фактической капитуляция перед капиталистическими элементами или в сторону недооценки союза рабочего класса с основной массой крестьянства (середняком) и извращения политики партии по отношению к середняку» (обращение Ц. К. ко всем партийным организациям «О перевыборах советов»).

«Только такая четкая линия,—говорит ЦК партии,—дает партии возможность оказать необходимый решительный отпор кулаку и всем антисоветским элементам. Повести за рабочим классом широкие массы крестьянства против кулака и нэпмана, против вредителя и спекулянта, преодолевая мелкобуржуазные шатания в среде отдельных слоев трудящихся, усиливающиеся в результате воздействия враждебных пролетариату элементов, на почве переживаемых трудностей».

Это и есть подлинное осуществление пролетарской диктатуры, как классовой борьбы, как боевого союза пролетариата с остальной массой трудящихся, как пролетарской демократии.

IV. Ленин и социалистическая революция.

Осуществление пролетарской диктатуры и ее основной задачи— социалистического строительства в нашей первой и пока единственной стране, совершившей пролетарскую революцию—дело величайшей трудности, и главная трудность здесь, как всегда указывал В. И., в нашей (сравнительной с «передовыми» капиталистическими странами) экономической отсталости, в численном преобладании мелкого сельского хозяйства. Недаром Троцкий с его архи-«революционной» теорией «перманентной революции» скептически откладывал возможность «подлинного» социалистического под'ема хозяйства СССР до победы и государственной помощи западного пролетариата и пророчил гибель или перерождение «рабочего правительства», если не придет эта победа и помощь. И недаром теми же пророчествами о гибели, о термидоре и проч. и проч., уснащенными площадной бранью по адресу большевистской партии и пролетарской диктатуры в СССР, занимались подлинные родоначальники теории термидорианского перерождения и гибели нашей революции, международные меньшевики всех мастей.

Однако, ленинское учение о пролетарской революции, учение революционного марксизма современной эпохи дало нашей партии и пролетариату достаточно твердую теоретическую базу для того, чтобы с презрением отбросить все эти будто бы марксистские теории ренегатов марксизма, ставшие подлинным орудием буржуазной контрреволюции, и на деле показать, как может осуществить свое дело пролетарская диктатура и в нашей крестьянской стране.

Ленинское применение марксизма к условиям империалистической эпохи говорит нам, что 1) победа социализма, при неравномерности развития капитализма, «возможна первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой стране», и что 2) этой «одной, отдельно взятой страной», может быть даже сравнительно отсталая страна, если в нее уже проник (до революции) империализм, если в ней уже есть хотя бы частично сконцентрированная крупная промышленность—эта «единственная база» социализма, если в ней есть также сконцентрированный в городах, революционный пролетариат, руководимый централизованной, скованной железною дисциплиною, партией, и способный увлечь своей беззаветной борьбой с капиталом полупролетарские массы.

Только ленинское применение марксизма к условиям, создавшимся в нашей стране после победы, одержанной пролетариатом над буржуазией в трехлетней, жестокой гражданской войне, дало возможность Ленину сказать, что «политической власти» в руках пролетариата и «экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму». Основным условием этого перехода В. И. Ленин, как это известно каждому партийцу, ставил «правильные взаимоотношения с крестьянством», такие взаимоотношения, при которых пролетариат мог бы «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством», сомкнуться так, чтобы «действительно двигалась вся масса с нами». С экономической точки зрения это означало «установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы»,—взятие этой старой крестьянской экономики на буксир экономики «новой», социалистической на почве правильного товарооборота между городом и деревней. С точки зрения классовой политики пролетариата и его партии это означало все тот же союз с середняком при прочной опоре на бедноту и «ни на минуту» не прерываемой борьбе с кулаком, тот же союз, о котором говорил В. И. еще в 1918 г., но только уже на твердой экономической базе, и с борьбой не только против кулака но и его нового союзника—городского нэпмана. С обеих точек зрения это означало всемерное развитие и укрепление социалистических элементов народного хозяйства и их борьбу с допущенными нэпом капиталистическими элементами за социалистическое переустройство деревни.

Два основных противоречия переходной эпохи, противоречие между социализмом и побежденным, но не уничтоженным капитализмом, с одной стороны, и между социализмом и мелким крестьянским хозяйством, с другой, не могут быть преодолены, разрешены одно без другого, ибо одно держится другим: если мелким товарным хозяйством ежечасно рождаются, его существованием поддержива-

ются капиталистические элементы, то они в свою очередь влекут это хозяйство на капиталистический путь с того социалистического, по которому ведет его пролетарская диктатура. Поэтому процесс социалистического строительства не может не быть двусторонним процессом одновременного разрешения обоих этих противоречий. И эта одновременность достижима при помощи лишь таких орудий, которые являются в одно и тоже время и орудиями социалистической переделки крестьянского хозяйства, перевоспитания мелкого товаропроизводителя в деревне, и орудиями борьбы с новой буржуазии переходной эпохи.

Эти орудия—командные хозяйственные высоты, перешедшие из рук буржуазии в руки пролетариата, и среди них прежде всего крупная социалистическая промышленность, а затем такие—тоже социалистические по своей роли,—приводные ремни между этой промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, как госторговля и кооперация. Экономическая связь между социалистическим городом и крестьянской деревней с ее миллионами мелких хозяйств возможна только на почве развития товарооборота между ними. И весь ленинский план социалистического строительства на почве нэпа был рассчитан на эту возможность, при наличии «командных высот» в руках пролетариата. Ленинский план предполагал при этом ряд этапов на пути социалистического строительства, прежде, чем «мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.», прежде чем на эту лошадь пересядет в индустриализованной стране и сам мелкий крестьянин в м а с с е, заменив свое мелкое хозяйство крупным коллективным.

Уже то ленинское отступление, перегруппировка сил и наступлений, о котором так много говорилось в период XIV с'езда, против ревизии ленинского учения о нэпе «новой оппозицией», уже эта триада показывает, каким сложным и многоэтапным представлялся В. И. Ленину путь нашей страны к социализму. Различие между его кооперативным планом 1918—1921 г. и тем же планом 1923 г. и различие в его отношении к госкапитализму в пролетарском государстве в эти же годы, о котором также много говорилось во время борьбы с «новой оппозицией», указывает на то же самое. Эти два кооперативных плана отнюдь не исключают, а взаимно пополняют друг друга. Первый из них говорит о «кооперативном капитализме», как особом виде государственного капитализма, позволяющем и здесь, в кооперации, на ряду со всем хозяйственным строительством «и с п о л ь з о в а т ь капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом» (слова Ленина о задаче по отношению к капиталистическим элементам народного хозяйства,—в первый период нэпа). Но в перспективе этого «кооперативного капитализма» уже тогда, в 1921 году намечается В. И. Лениным п р е о д о л е н и е капиталистических элементов в кооперации: ... «кооперация, как форма торговли,—говорит он,—...облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем населения поголовно, а это обстоятельство в свою очередь есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму». Второй же план,—план 1923 года,—говорит уже о следующих этапах развития кооперации, тех этапах, когда она превращается действительно в поголовное кооперирование всего крестьянского населения (о нем идет в первую голову речь), и не только в области товарооборота, но и в области производства, когда кооперативные предприятия превращаются в равнозначащие социалистическим, как работающие на государственной земле и государственными средствами производства (кооперативные предприятия «ничем не отличаются,—говорит В. И.,—от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е., рабочему классу»).

Решающий этап нашей экономической борьбы с капитализмом, преодоления и вытеснения его, наступает в период социалистической реконструкции хозяйства, создающей условия для действительной пересадки с лошади мужицкой на лошадь крупной машинной индустрии. Это этап, когда—по Ленину,—э л е к т р и ф и к а ц и е й с т р а н ы и ее индустриализацией (развитие крупной индустрии, производящей средства производства) создается материальная база и для полного технического переоборудования всей промышленности, и для перехода мелкого крестьянского хозяйства от массового кооперирования в области товарооборота, закуп-сбыта и—главным образом,—первичных форм производственного кооперирования к м а с с о в о м у производственному кооперированию в форме крупного коллективного хозяйства. «Если мы построим десятки районных электрических станций,—говорит Ленин,—если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму или почти не потребуется».

А красноречивые цифры и факты,—тот итог этих цифр и фактов, который дан последним, ноябрьским пленумом ЦК,—показывают, что всего за пять лет без Ленина пролетарская диктатура действительно смогла создать необходимейшие материальные предпосылки для того, чтобы уже теперь начать переходить к социалистической реконструкции промышленности на базе более высокой техники, чтобы уже теперь начать вести деревню по пути не только первичного производственного кооперирования, но и по пути прямой, гораздо более широкой и интенсивной, чем до сих пор, коллективи-

зации хозяйств ее бедняцких и передовых середняцких кадров. В отдельных ветвях народного хозяйства (цензовая промышленность, хлебозаготовки и т. п.) она уже перешла к прямому вытеснению капиталистических элементов. Не значит ли это, что, вопреки всему паникерству «правых» и «левых» уклонистов, ленинский метод социалистического строительства, ленинский метод разрешения основных противоречий переходной эпохи не только до конца усвоен партией, которая руководит пролетарской диктатурой, но и правильно применяется ею?

Чем ближе мы к этапу вытеснения капиталистических элементов, тем больше они вооружаются для борьбы против нас, тем ожесточеннее их попытки сопротивления наступлению социализма и тем острее классовая борьба на почве этого сопротивления. Именно такой период, именно этими причинами вызванного обострения классовой борьбы переживаем мы теперь. Это неизбежное обострение осложняется и усиливается тем обстоятельством, что при всех успехах нашего социалистического строительства, при всей неуклонности, с которой руководилась наша партия учением Ленина о социалистическом строительстве, мы, благодаря ряду обстоятельств, благодаря наследию хозяйственного и политического прошлого нашей страны и т. д. имеем чрезмерное отставание сельского хозяйства от промышленности и неизжитый еще товарный голод. Это, создает еще возможности—правда, в неизмеримо меньших пределах, чем это было четыре—пять лет тому назад, но все-таки возможности—известного возрождения и «маневрирования» для капиталистических элементов города и деревни. Но именно это обязывает пролетарское государство, на данной ступени его социалистических достижений, с тем большей энергией развивать наступление на капиталистические элементы, в частности на кулака. Именно поэтому в ленинской формуле расстановки классовых сил в переходную эпоху партия делает сейчас особое ударение на борьбе с кулаком. Именно поэтому совершенным непониманием условий момента звучат крики правых уклонистов и примиренцев с ними о приостановке или ослаблении этой борьбы, этого нашего наступления на капиталистические элементы и о приостановке или ослабления нашего колхоз- и совхозстроительства. Но именно потому, что середняк все еще проявляет частичные колебания, а сельское хозяйство еще чрезмерно отстает от промышленности, тоже непониманием условий момента звучат и выкрики «левых» уклонистов, игнорирующих задачу дальнейшего укрепления союза с середняком, дальнейшего под'ема индивидуального хозяйства бедняцких и середняцких слоев деревни (с обязательным введением его в русло кооперации, с обязательным усилением колхоз- и совхозстроительства) и дальнейшего изживания товарного голода (без какого-либо снижения темпа развития тяжелой промышленности, темпа индустриализации).

V. Ленин и борьба за партию.

Если «диктатура пролетариата, есть самая ожесточенная, самая бешеная борьба», если социалистическое строительство есть «борьба еще более ожесточенная, еще более жестокая, чем борьба с Колчаком и Деникиным», и притом борьба еще более трудная, то для этой борьбы необходима та же централизованная, единая, спаянная железной дисциплиной партия-авангард, какая необходима для самого завоевания пролетарской диктатуры. И поэтому В. И. Ленин на всякую попытку подорвать «безусловную» централизацию, единство и дисциплину в партии при диктатуре пролетариата смотрел, как на попытку сломать диктатуру пролетариата, подорвать основное условие его победы в борьбе, оказать услугу классовому врагу. Поэтому В. И. Ленин оставался и при диктатуре пролетариата тем непреклонным, «бешеным» борцом за партию и единство, каким он был во всю жизнь. Но единство, за которое он боролся, никогда не было тем механическим об'единением в одних рядах разношерстных течений и теченьиц, групп и группочек, которое было «единством» для меньшевизма и для его троцкистской разновидности, которое является квинт-эссенцией организационной мудрости сапроновцев. Против *такого* единства Ленин вел такую же борьбу, какую вел против всей совокупности взглядов меньшевизма, троцкизма, сапроновщины и т. д. Единство, на охране которого стоял Ленин, было всегда единством на почве революционно-марксистской идейной выдержанности большевизма.

Борьба со всяким отклонением от большевистской линии неразрывно соединялась для него с борьбой за единство. Идейный уклон от этой линии для него являлся уже предпосылкой к возможности нарушения единства. И не было в партии никого, кто бы с таким вниманием, с такой зоркостью следил за отступлениями от большевизма в рядах партии. Он улавливал всякий уклон в зародыше, ибо знал, что каждое, даже маленькое разногласие, если дать ему разрастись, может вырасти в большой уклон, и каждая маленькая трещина в партии, порожденная этим разногласием, может вырасти в раскол. Он перед лицом всей партии и самих уклонистов всегда беспощадно вскрывал теоретические корни их заблуждения и перспективы той политической опасности, которую несло с собой это заблуждение. Так было на протяжении всей борьбы Ленина за идейную выдержанность партии, начиная с борьбы против струвизма 90-х годов и кончая последними боями В. И. с уклонами 1920—22 годов: с «рабочей оппозицией», троцкизмом и группой демократического централизма.

Но при беспощадной *идейной* борьбе со всяким уклоном с самого момента его проявления, В. И. Ленин в то же время с величайшей осторожностью шел на *разрыв* с носителями этих уклонов; он не порывал с ними, пока оставалась еще какая-нибудь надежда на возможность исправления ошибок уклонистов, или какая-нибудь

надежда выпрямлять их линию на совместной работе и борьбе. Известно, на какие жертвы шел В. И. Ленин после II с'езда прежде, чем порвать с редакцией «Искры» и меньшевистским крылом тогдашней партии. И, наоборот, он шел на открытый разрыв, на раскол, на беспощадное изгнание из партии, если течение, с которым он боролся, или если уклонисты внутри самой большевистской партии, вступали на путь службы классовому врагу, становились — вольно или невольно—прямыми соучастниками борьбы этого врага против пролетариата и его партии. Известно, как шел он еще на об'единение с меньшевиками в 1906 году, и как бесповоротно он рвал с теми же меньшевиками-ликвидаторами в период реакции и нового под'ема. Известно, какую позицию открытого раскола занял В. И. вместе со всей большевистской партией по отношению к II Интернационалу, по отношению ко всем социал-шовинистам всех типов и оттенков в период империалистической войны. Известно, как он вел только идейную борьбу с. тов. Каменевым и его сторонниками в апреле и осенью 1917 года (по поводу участия в демократическом совещании и в предпарламенте), а потом требовал изгнания того же тов. Каменева уже вместе с тов. Зиновьевым из партии за штрейкбрехерство в октябре 1917 года. Известно, какую идейную борьбу вел он с «рабочей оппозицией» и с троцкизмом в период X с'езда, и как в то же время проводил в ЦК и т. Шляпникова и Троцкого, а позднее, при прямом нарушении т. Шляпниковым решений X с'езда о «рабочей оппозиции», требовал исключения его из партии.

Таковы были ленинские методы борьбы с враждебными большевизму течениями и уклонами. Проводя эту борьбу, В. И. различал две основных линии этих враждебных течений внутри рабочего движения: одну—правую, открыто оппортунистическую, представленную западноевропейским и русским, меньшевистским ревизионизмом; другую—«левую», представляющую тот же оппортунизм «на изнанку», имеющую те же мелкобуржуазные корни, но не в мелком буржуа, идущем на сделку, на сотрудничество с буржуазией капиталистической, а в мелком буржуа, «взбесившемся» от бед и гнета капитала. Уклоны в нашей, большевистской партии были для Ленина всегда уклонами к одному из этих двух основных «врагов внутри рабочего движения». Они всплывали в партии то разновременно, то вместе, рядом друг с другом, и В. И., открывая борьбу против каждого из них, всегда расценивал их относительную опасность в соответствии с особенностями момента. Если имелись налицо оба эти уклона, он, открывая огонь на оба фронта, основные удары направлял по тому из них, который в данных условиях мог нанести или уже наносил наибольший вред осуществлению очередных задач партии.

Борясь «на два фронта», В. И. свою идейную и в определенных условиях организационную борьбу с враждебными течениями внутри рабочего движения и с уклонами внутри партии распространял и на примиренчество с ним. Примиренчество было для него всегда выражением политической беспринципности, тем более вредной и опасной, чем более соблюдалась примиренцами ортодоксальная внешность, чем более прикрывалась эта беспринципность революционной фразой. В обычных для примиренцев «криках об единстве», которые направлялись ими против идейной непримиримости большевизма, он видел и разоблачал прикрытие оппортунизма, поощрение его и оппортунистическое стремление превратить партию в парламент мнений.

Эти ленинские методы борьбы с уклонами и примиренчеством к ним и ленинский выбор направления главного огня в этой борьбе в зависимости от условий момента, наша партия усвоила в достаточном совершенстве сама и сумела передать Коминтерну, ими проникнуть непрерывную борьбу Коминтерна за большевизацию компартий.

Однако, беспощадная борьба с уклонами далеко не исчерпывает всех ленинских средств способов борьбы за сплоченность партии.

Не кто иной, как В. И. Ленин выдвигал в качестве одного из основных условий сохранения единства, дисциплины и большевистской выдержанности партии регулирование ее роста в направлении решительного преобладания рабочих. Не кто иной, как В. И. Ленин, в качестве одного из средств урегулирования состава партии, рекомендовал чистку ее рядов от примазавшихся к ней, разложившихся и чуждых коммунизму элементов. Не кто другой, как В. И., выдвигал такое важнейшее средство развития политической активности, сознательности, а стало-быть большевистской выдержанности партийных рядов, как внутрипартийную демократию, всецело подчиняя эту идею идее безусловной централизации и железной дисциплины в партии. И, наконец, не кто иной, как он, был последовательным проводником идеи самокритики в партии, как оружия исправления ошибок и недостатков в работе, как орудия борьбы с отклонениями от ее большевистской линии и как орудия идейно-политического воспитания партийной массы.

Развертывание всей этой совокупности этих средств борьбы за единство и идейную выдержанность партии становится тем необходимее, чем дальше развертывается социалистическое строительство, чем глубже захватывает оно все стороны хозяйственной, политической и культурной жизни страны, чем сильнее поднимает оно к активному участию в этой жизни, в ее переустройстве все более широкие и глубокие пласты трудящегося населения страны. Чем дальше продвигаются победы социалистических элементов над капиталистическими, чем прочнее и всестороннее «крестьянская экономика» смыкается с экономикой социалистической, и чем ожесточенней становится сопротивление капиталистических элементов города и деревни, чем сложнее становятся задачи, стоящие перед пролетариатом, тем активнее должен быть и пролетариат и его авангард—партия, и тем крепче должно быть ее единство, тем менее допустимы колебания в ее рядах, тем большей должна быть политическая устойчивость, большевистская выдержанность каждого члена партии.

С. Бергавинов.
И. Н. Козлов.

О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте.

(Пути увеличения поступления валюты).

«Обеспечить такой рост экспорта, который был бы увязан в 5-ти летнем плане с нуждами импорта и накоплением валютных ресурсов».

«Вместе с тем, план должен предусмотреть мероприятия в области лесного хозяйства, в особенности, в части рационального ведения (лесомелиоративные, лесокультурные и лесоустроительные работы), в целях правильного и более полного использования лесных богатств страны».

(Из резолюции 15-го с'езда ВКП(б) о директивах по составлению 5-ти летнего плана народного хозяйства, п. 7).

Говорить о значении валютных резервов, значит повторять общеизвестные истины. И все же тот факт, что этот вопрос сейчас перед страной стоит, как актуальнейшая проблема, плотно связанная с общим темпом индустриализации,—это вряд ли всеми серьезно осознано и понято.

Так же общеизвестно, что огромный источник поступления валюты,—экспортный хлеб,—на ближайший период отпадает. Но не всеми организациями (и прежде всего центральными) приняты достаточно твердые меры к замене этого источника накопления валюты другими, вполне реальными мерами по экспорту.

Хотя истекший 1927—28 год и дал значительное превышение промышленного экспорта, превзошедшего довоенный уровень, мы все же утверждаем, что наши планирующие и оперативные органы **не сделали** всего того, что можно и должно, без особого труда, сделать. Такое утверждение мы, практические работники мест, базируем на состоянии лесного хозяйства, его промышленности и экспорта. В подтверждение попробуем разобрать весь «лесной» вопрос по частям.

I.

Лесному хозяйству за последнее время уделяется некоторое внимание в печати, при чем все больше и больше внедряется мысль, что лесной экспорт и лесная промышленность (и в целом—лесное хозяйство) должны играть **все большую** роль в ряду экономических «вышек» страны. И цифры это подтверждают.

Вся валовая продукция лесного хозяйства СССР оценивается суммой около 1.500 млн. руб. Экспорт в 1927—28 г. будет равняться, примерно, 95—97 млн руб.; оборот внутреннего рынка—около 800 млн. руб., побочные лесные пользования—свыше 300 млн. руб., продажа леса на корню будет,

примерно,—223 млн. руб. Все это говорит о большом удельном весе лесного хозяйства в общем балансе доходов СССР. Доходы в бюджет от отпуска леса за 5-летие выражаются (в млн. руб.) [1]:

	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
По СССР	215,7	228,8	250,9	261,5	271,6
(В процентах	100,0	106,0	116,0	121,2	125,7)
В т. ч. по РСФСР, с авт. республиками	170,0	180,0	205,0	213,0	220,0

По другим источникам цифры лесного дохода исчисляются несколько выше. Во всяком случае, он по СССР в 1928—29 году, очевидно, будет около 270—330 млн. рублей, что составляет внушительный процент от общих бюджетных поступлений по СССР; особенно это заметно по РСФСР. И все же эти цифры, при наличии бесконечных богатейших лесных массивов в стране надо назвать явно недостаточными, и немалая причина этого заключается в нашей невнимательности к лесному делу.

Если бы мы сумели добиться в ближайшие годы резкого повышения отпуска леса, хотя бы за счет некоторого понижения попенной платы, то и тогда доходы только попенщины, по нашему мнению, могут удвоиться и составят цифру в 400—450 млн. руб.

Но дело эксплоатации леса у нас страдает от его неустроенности. Во многих областях нашего Союза, особенно на Севере, Дальнем Востоке и Сибири громадные лесные площади еще совершенно не устроены и даже не обследованы. Безусловно пора пересмотреть размер отпуска средств на дело обследования и устройства наших лесов и прежде всего в районах ныне используемых, как основные экспортные районы. Те средства, которые до сего времени отпускались на это дело, чрезвычайно скудны. Мы имеем по лесной площади РСФСР следующую картину:

Устроено	10%
Обследовано	20%
Не обследовано	70%

Мы имеем совершенно неподдающиеся подсчету ценности в нашем лесу, о которых у нас нет даже представления; а работа по обследованию наших лесов и их устройству не находится в разряде особо трудных работ, так как тут мы имеем дело не с недрами, которые требуют предварительной разведки в подземельи, либо закладки целых шахт, а с тем, что мы видим, что растет на земле.

Затраты на мероприятия по лесному хозяйству у нас составляют всего лишь 0,9 коп. на гектар. «Сумма» эта чрезвычайно недостаточна. Во всяком случае, для того, чтобы вывести лесную промышленность и лесной экспорт из того низкого уровня, в котором они сейчас находятся, нужно обратить внимание и на лесное хозяйство. Нам представляется, что в ближайшие 2—3 года надо поставить, как обязательную задачу — устроить и обследовать до 50% всей лесной площади РСФСР, и прежде всего, в основных лесопромышленных, экспортных районах—Северо-Двинском, в Северо-Восточном и Северо-Западном.

Наша страна, обладая богатейшими в мире лесными площадями, может и должна **на базе леса** (которому не страшен дождь или засуха,—его «урожай» стоит веками и ждет «жатвы») развивать мощную лесообрабатывающую и лесохимическую промышленность, главным образом, на экспорт.

---

[1]) См. журнал «Лесное Хозяйство» № 2 за 1928 г., стр. 4.

II.

Перейдем к лесной промышленности. Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что органы ВСНХ ей почти не уделяли внимания. Лесная промышленность была на «задворках» и на нее смотрели, как на «дело девятое». Отсюда и все «качества»; отсюда, хотя бы тот факт, что в настоящее время ощущается большой кризис с пиломатериалом и на внутреннем рынке, дефицит которого на будущий год будет примерно 1½—2 млн. кубометров. Аналогично—и с круглым лесом (не говоря уже о лесоэкспорте, о котором речь будет дальше). Если сейчас не забить серьезную тревогу, мы можем пережить тяжелые моменты при осуществлении капитального строительства промышленности и жилищного строительства в 1928—29 г. из-за положения дел с лесными материалами. Надо уже сейчас принимать все меры к тому, чтобы этот кризис ослабить, ибо нехватка лесных материалов в размере до 25—30% от общей потребности, это—серьезный прорыв при наших напряженных планах строительства.

Мы уже не говорим о том, что лес нужен будет и для сельского строительства. Изношенность строений деревни за годы войны и революции, тем более в безлесных районах, как Северный Кавказ, Украина и Юго-Восток, вызвала чрезвычайно огромный спрос на лесные товары; этому способствовала и возросшая покупательная способность деревни. В связи с напряженным положением на рынке промтоваров приток хлеба из деревни мог бы итти гораздо большим темпом, если бы у нас были лишние запасы пиломатериалов—продукции лесной промышленности. В такие районы хлеба, как Сев. Кавказ и Украина, надо на ряду с промтоварами обязательно готовить и немалые запасы лесоматериалов, это несомненно усилит получение хлебофуража. Во всяком случае, внутренний рынок требует к себе чрезвычайно вдумчивого отношения. И надо сказать, что те рамки, в которых запроектирована лесная продукция для внутреннего рынка, являются недостаточными для удовлетворения нашего рынка.

Лесосырьевые возможности у нас неисчислимы. Но в то же время, сплошь и рядом, лесопромышленность не получает достаточного сырья только потому, что органы Наркомзема «берегут» лес, давая его в таких местах, в которых лес нельзя взять, ибо для этого там нужно произвести капитальные сооружения, канатные дороги, подвесные сооружения, узкоколейки и проч.

На эту тему достаточно много говорилось и писалось. Мы обращаем внимание читателей на довольно подробное освещение этого вопроса в нашей прессе [1]).

Во всяком случае, лесопромышленность не стоит вровень с нуждами внутреннего рынка и особенно с потребностями экспорта. Нужен кардинальный перелом во взглядах работников ВСНХ на лесопромышленность, при чем перелом на практике, с тем, чтобы результаты этого перелома отразились в самое ближайшее время на темпах строительства и переоборудования этой отрасли промышленности. Только при таких условиях можно реально обеспечить потребности внутреннего строительства, а главное—выступить на внешнем рынке в таком виде и об'еме, которые соответствовали бы и удельному весу нашей страны, нашим общим запасам леса вообще и задаче накопления валютных резервов.

---

[1]) См. «Торг.-Промышл. Газету» № 266 от 16/XI—28 г. Этой темы касался в своей статье тов. Яковлев, когда он говорил о хозяйственных задачах предстоящего года. («Правда» от 28/X за № 252).

III.

ЭКСПОРТ ЛЕСА.

Ударной задачей нашей экономики в настоящее время является максимальное увеличение всех видов промышленного и сельскохозяйственного экспорта. Экспорт увеличивает наше валютное накопление и укрепляет наши финансы, он же является и лимитом для импорта, необходимого оборудования нашей промышленности, и т. д. Экспортные возможности СССР огромны и неиссякаемы. В то же время экспортная проблема является наиболее отсталым участком народного хозяйства, а среди этого отсталого участка особливо запущено важнейшее звено экспортной цепи—лес, по которому мы еще далеко не догнали довоенный уровень царской России, имея в 1928 году только 60% довоенного размера лесоэкспорта.

Мы можем без труда не только догнать, но и перегнать довоенный уровень и вытеснить наших соседей, которые благодаря нашей невнимательности к делу экспорта леса и негибкости заняли на мировом рынке прочные места. Чтобы иллюстрировать это, приводим данные о сырьевых ресурсах лесоэкспортирующих стран и о степени использования этого леса на экспорт:

	Удобная лесная площ.	Годовой прирост	Экспорт. леса 1927 г.	Экспорт 1927 г. сост. от прироста
	в тыс. гект.	в тыс. кубометров		в %
По СССР.				
Белое море и Ледовитый океан (Архангельск)	60.374	61.988	2.078	3,4
Сев.-Зап. район (Ленинград)	19.275	29.207	1.101	3,8
Зап. район—Белорус.	5.940	13.300	347	2,6
Кавказ	2.709	7.283	38	0,5
Карск. море (Обь, Енис.)	133.019	77.279	11	0,015
Дальне-Восточ. область	80.973	64.181	541	0,084
Всего по СССР	301.973	252.238	4.116	1,632
Швеция	23.520	48.900	5.910	12,1
Финляндия	25.300	43.000	10.525	24,5
Норвегия	7.344	9.700	800	8,2
Польша	7.600	21.000	10.700	51,0

Для иллюстрации того, как у нас развивается экспорт, приведем цифры его стоимости за несколько лет:

В 1924—25 г. . . . . . . 73,8 милл. руб.
„ 1925—26 „ . . . . . . 58,7 „
„ 1926—27 „ . . . . . . 80,6 „
„ 1927—28 „ . . . . . . 96—97 „

Из этого столбца мы просим читателей и руководящие органы обратить внимание на цифру экспорта 73,8 млн. руб.—в 1924—25 г. и 58,7 млн. руб.—в 1925—26 г. В самом деле, как могло случиться, что при общем под'еме народного хозяйства, при общем увеличении всех статей нашего вывоза мы имели в 1925—26 г. прорыв нашего лесного экспорта, примерно, на 15 с лишним млн. руб.? Больше того,—мы знаем, что

эта цифра не вызвала удивления и пристального внимания со стороны органов, планирующих лесную промышленность и лесной экспорт, не вызвала особого беспокойства о причинах «жизни такой». Уменьшение лесного экспорта на 15 с лишним миллионов валютных рублей в 1925—26 г. должно было бы стать предметом особого разбирательства, предметом пристального анализа в органах всей лесной и прежде всего экспортной промышленности. Но, к сожалению, этого до сего времени сделано не было и все прошло «спокойно», незаметно. Это ли не образец нашего чиновничьего благодушия и, мы бы сказали, комчванства? К сожалению, мы и теперь не можем сказать, следствием какой именно причины было такое резкое понижение экспорта леса и чем оно было возмещено со стороны промышленности?

Этому мы можем противопоставить то, что думал и писал Владимир Ильич о лесе в статье «Об едином хозяйственном плане», подвергая подробному анализу план «Гоэлро»:

«Увеличение заготовок леса и сплава его за границу могло бы дать при этих условиях до полумиллиарда валютных рублей в год в ближайшее время».

«Ежегодная выручка за северный лес может в ближайшие же годы достигнуть величины нашего золотого запаса». (Ленин, том XVIII, часть 1, стр. 84. Курсив наш. *Б.* и *К.*).

Так писал и думал о лесе Владимир Ильич в феврале 1921 г. И как это расходится с цифрами и фактами по лесному экспорту в 1924—25 г. и в последующих годах!

Во всяком случае, наши конкуренты, наши противники, пользуясь этакой нашей обломовщиной, из года в год повышали вывоз леса, о чем красноречиво и говорит таблица о развитии лесного экспорта СССР и других стран по сравнению с 1913 г. [1]).

Годы	СССР		Финляндия		Швеция		Польша		Чехо-Словакия	
	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%	в тыс. кубмет.	%
1913	7.330	100	8.590	100	6.805	100	4 000	100	4.000	100
1922	755	10	6.700	78	6.050	89	3.350	84	3 550	89
1923	1.755	23	7.570	88	5 590	87	4.525	113	6.310	159
1924	3.585	46	7.845	91	5.600	82	3.320	83	6.725	168
1925	3.925	51	8.560	100	5.695	84	5 410	135	5.910	148
1926	3 310	43	8.925	104	5.050	74	8.450	206	3.720	93
1927	4.117	53	10.525	123	5.910	87	10.700	268	5.315	133

Из этой таблицы видно, как чрезвычайно медленно, бюрократически развивается наш экспорт и как быстро подымают свой экспорт такие страны, как Польша, Финляндия и Чехо-Словакия. Отсюда приходится делать печальные выводы, что благоприятные условия в смысле эксплоатации и в смысле общих запасов нашего леса, нами не только в достаточной степени не используются, но в буквальном смысле слова — игнорируются. Эта таблица может наглядно характеризовать нам: 1) как мы очень медленно увеличиваем наш бюджет — наши поступления от лесных доходов, 2) как мы отказываемся от притока валюты, в которой мы сильно нуждаемся и 3) как мы способствуем укреплению позиции на международном лесном рынке наших капиталистических конкурентов. Конечно, у нас

[1]) Из матер. междун. лесн. торг. Книга «Лесн. эксп. СССР в 1926—27 г.». Изд. Сов. Лесн. Трестов.

нет твердых оснований обвинять кого-либо, что снижение лесного экспорта, его чрезвычайно медленный темп развития кем-то делается сознательно. Но одну из больших причин черепашьего развертывания лесного экспорта надо бесспорно искать в самой промышленности и капитальных затратах на нее.

Капитальные затраты на промышленность по лесоэкспорту были произведены.

В 1925/26 г. на сумму $7^1/_2$ млн. руб.
„ 1926/27 „ „ „ $10^1/_2$ „ „
„ 1927/28 „ „ „ 12 „ „

Эти цифры ярко говорят, что капитальные затраты на лесоэкспортную промышленность были до безобразия мизерны. Всем, кто соприкасается с этой промышленностью, с лесным экспортом, известно, что большинство наших заводов построены в 80—90 годах прошлого столетия. Ожидать от этих заводов и дешевизны продукции, и большего эффекта невозможно, и даже диву даешься, что они за последние 7 лет все же дали не одну сотню миллионов валютных рублей. Лесной экспорт властно требует, чтобы заводы, работающие на экспорт, были в кратчайший срок переоборудованы и построены новые.

Все те цифры, которые мы приводили, говорят исключительно за то, что до сего времени было мало уделено внимания этому больному запущенному вопросу. Лесная промышленность относится к числу тех немногих и почти единственных отраслей промышленности, которая на один затраченный рубль в червонцах может через год и максимум через полтора давать 80—90 коп. в валюте. Завод, строительство которого обойдется в $3^1/_2$—4 млн. руб., в первый же год своей работы может давать продукцию на 3—4 млн. руб. валюты.

Это как будто считается совершенно бесспорным фактом, а между тем капитальное строительство лесной промышленности продолжает влачить свое, поистине, жалкое существование. Нам нужен такой план, который обеспечивал бы стройное развертывание капитального строительства лесоэкспортной промышленности из года в год. На существующих заводах мы многого сделать не можем. Сплошь и рядом мы не можем произвести рационализацию производства только потому, что имеем чрезвычайно устаревшие заводы, которые выпускают дорогую продукцию. На таких заводах, подобных старым галошам, трудно проделать серьезную рационализацию и реконструкцию производства, ибо здесь мы имеем самую отсталую, самую азиатскую и дорогую технику, которая осложняет и выполнение задач по снижению себестоимости и удешевлению продукции, т.-е. директив XV партийного с'езда.

На все эти вопросы неоднократно указывалось, в частности и на XV с'езде ВКП(б) также были попытки поставить этот вопрос, получившие одобрение руководителей нашей промышленности. Тов. Куйбышев заявил: «Я думаю, что товарищ, выступавший здесь от архангельской организации, был совершенно прав, заявляя, что нам нужно обратить сугубое внимание на развитие лесной промышленности». Или в другом месте: «Во всяком случае, тот темп, который взят нами, не может считаться преувеличенным, а скорее преуменьшенным, его нужно постараться превзойти, тем более, что в лесной промышленности много зависит от вложения средств, не достигающих особенно больших размеров».

За последнее время нашей прессой этому вопросу было уделено достаточно много внимания. Мы обращаем внимание читателей на передовую «Правды» от 26 августа 1928 г., где по вопросу о лесе говорится:

«Действительно, может ли наша страна, хотя бы в малейшей мере, довольствоваться, например, «достижениями» в области экспорта леса? Ко-

нечно, нет. Ведь нынешний экспорт леса значительно отстает от довоенного, а сравнительно с экспортом такой мелкой страны, как Финляндия, где ресурсы в несколько десятков раз ограниченнее ресурсов союзных, он в несколько раз меньше. Разве такое положение свидетельствует о действительно серьезном подходе к проблеме экспорта? Конечно, нет».

И несколько ниже:

«Наши органы далеко еще не подошли вполне конкретно к путям и методам поднятия экспорта в своем районе, в своем округе. Этот из'ян— под руководством партийных органов, ответственность которых за успех экспорта исключительная,—должен быть спешно исправлен».

Нельзя также пройти мимо и передовицы «Экономической Жизни» от 5 сентября 1928 г., которая посвящена разбору капитального строительства в лесной промышленности, работающей на экспорт, и в нефтяной, а также импорту для этих отраслей промышленности. В статье говорится: «Для примера укажем, что в нашем общем импорте оборудования ввоз для нефтяной промышленности составлял в 1926—27 г.—15,2%, а для лесной промышленности лишь около 2%».

Мы добавим к этому, что импорт для нефтяной промышленности за 1925—26, 1926—27 и 1927—28 г. составлял, примерно, 61½ млн. руб., а для всей лесной промышленности за эти же три года — всего лишь 7.700 тыс. руб., в то время, как товарная продукция лесной промышленности за эти годы составляла, примерно, в 1—1½, а в некоторых случаях и в два раза больше нефтяной промышленности. Или другое сравнение: экспорт нефти за эти три года дает, примерно, 259 млн. руб. валютной выручки, а лес за эти же три года дает 238 млн. руб. валютной выручки. Чтобы нагляднее иллюстрировать картину, как мало обращалось внимания со стороны органов Наркомторга и ВСНХ на импорт для лесной промышленности, и иллюстрировать всю однобокость решения этого вопроса, приводим следующую справку по нашему главному лесоэкспортному тресту— находящемуся в Архангельске—«Северолес»:

Период	Оборудован. для существующих заводов			Оборудование для предполож. к постр. заводов			Всего		
	Заявка Северолеса	Разрешено к ввозу	% удовлетв.	Заявка Северолеса	Разрешено к ввозу	% удовлетв.	Заявка Северолеса	Разрешено к ввозу	% удовлетв.
1921/22 г.[1] .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1922/23 „[2] .	—	4.375	—	—	—	—	—	4.375	—
1923/24 „[3] .	—	108.325	—	—	—	—	—	108.325	—
1924/25 „[4] .	—	264.670	—	—	—	—	—	264.670	—
1925/26 „ .	554.250	117.500	21	894 460	—	—	1.448.710	117.500	—
1926/27 „ .	157.000	64.550	41	1.448.475	198.200	13	1.605.475	262.750	8
1927/28 „ .	173.100	—	—	1.279.670	—	—	1.452.770	—	16
Итого . . .	884.250	559.420	—	3.622.605	198.200	—	4.506.955	757.620	—

Эта справка говорит о том, что даже более чем скромные заявки «Северолеса» и на оборудование для существующих заводов и на оборудование предположенных к постройке новых заводов удовлетворялись в размере

[1]) В 1921/22 г. импортировались только продукты питания и техноматериалы.

[2]) Предварительные заявки не требовались, контингент импорта устанавливал Наркомвнешторг.

[3]) То же.

[4]) То же.

10—12%, а то и совершенно не удовлетворялись. В то же самое время «Северолес» с 1921 г. по 1928 г. передал государству одной только валюты 134.074.961 руб.

Вся же сумма государственных доходов от этого треста за те же годы выражается:

Начисл. было за	Попенная плата (прибл.)	Налоги и сборы		
		Патент и уравн. сборы	Суд. регистр. герб. и мест.	Всего
1921—22 г.	—	—	—	—
1922—23 „	10 500.000 —	—	—	1.000.000 —
1923—24 „	—	—	689.718 83	689.718 83
1924—25 „	7.274.162 09	674.508 64	435.393 52	1.109.902 19
1925—26 „	5.730.017 47	420.915 72	296 873 42	717.789 14[1])
1926—27 „	6.000.000 —	500.000 —	350.000 —	850.000 —
Всего . . .	29.504.179 56	—	—	4.367.410 13

Начисл. было за	Выручено от продажи на внешнем рынке		Примечания.
	В рублях	Фунт. стерлинг.	
1921—22 г.	—		
1922—23 „	28.000.000 —	2.352.941	
1923—24 „	27.344.088 84	2.902.769—10 3	
1924—25 „	33.529.236 26	3.559.366—17 9	9—42 (курс)
1925—26 „	31.501.542 59	3.444.112—15 6	
1926—27 „	21.700.093 40	2.297.412	(ориентировочно) а" 9.45
Всего . . .	134.074.961 09	14.455.600	

Стоит сравнить все эти доходные цифры, только одного «Северолеса» с вышеприводимыми цифрами затрат на капитальное строительство и импорт всей лесопромышленности, как невольно напрашивается вывод, что эта промышленность действительно была на задворках. Пора, давно пора ее поставить, если не к «парадному» крыльцу, то во всяком случае на видное место!

Импорт для лесной промышленности требует решительного пересмотра в сторону его расширения. В импортном вопросе для лесной и особенно лесоэкспортной промышленности надо внести решительный корректив, так как своего отечественного машино- и станко-строения мы еще не имеем, и лесная промышленность в области машин, необходимых для лесопиления, зависит исключительно от заграницы, от таких фирм, как Болиндер, Гофман и др. (Швеция, Германия и др.).

Вместе с тем мы должны обратить внимание и на вопросы химизации лесного дела, в котором еще почти ничего не сделано. Вопросы

[1]) Эта сумма поставлена без поступлений от продажи комитентских товаров Р. 638.807 79.

химизации страны занимают сейчас большое место в работе наших правительственных органов и надо произвести решительный сдвиг в сторону внедрения химических процессов в использование древесины. Мы имеем все данные к тому, чтобы поставить вопрос об уменьшении продукции лесной экспортной промышленности по своему физическому об'ему, увеличив ее по валютному выражению. Это можно будет сделать лишь тогда, когда мы серьезно поставим дело вывоза из СССР не только пиломатериалов (круглый лес), но и все то, что может получиться от химической переработки древесины (целлюлоза, скипидар, вискоза). Сейчас мы имеем такое положение, что отбросы лесопильного производства составляют большую статью накладных расходов, так как их требуется вывозить и сжигать в то время, как при химической переработке мы могли бы их превращать в продукцию, за которую получили бы валюту.

Нельзя дальше терпеть такого варварского положения богатых нищих, когда на севере мы имеем непроизводительно бросаемый в лесах еловый мелкий товарник, не используемый для лесопиления, но прекрасно могущий быть использованным, как первоклассное сырье для целлюлозно- и древесномассового производства, идущее на экспорт.

Пора поставить и разрешить задачи создания и расширения лесохимического производства. Это должно получить свое разрешение еще в настоящем году, в частности надо смелей и решительней двигать дело постройки в Архангельске лесоцеллюлозного комбината (стоимостью до 50 млн. руб., производительностью 100 тыс. тонн экспортной целлюлозы).

Несмотря на решение президиума ВСНХ СССР о начале работ по строительству этого комбината с весны 1929 г., у нас есть веские опасения, как бы не пришлось встретиться с годовой, если не больше, оттяжкой, ибо ВСНХ'овские «недра» (Главлесбум) исключительно с сим делом медлят, а строительный сезон подходит.

Нельзя умолчать и о том, что целый ряд наших отдаленных мест на крайнем севере и на Дальнем Востоке, могущие стать базами лесоэкспортной и лесохимической промышленности, до сих пор совершенно не затронуты в этом отношении. Дальний Восток, обладая миллионами гектар леса, имеет под боком у себя такой лесной рынок, как Япония, потребляющая в год экспортного леса на сумму до 100 млн. руб. И в то же самое время мы с Дальнего Востока экспортируем нашего леса всего лишь на 13—15 млн. руб. На Дальнем Востоке мы имеем совершенно не исследованные и необ'ятные области работы в деле экспорта леса, так как рядом с Дальним Востоком есть совершенно непочатые рынки на всем Тихоокеанском побережье (Япония, Китай, Австралия, Индия, Тихоокеанские острова).

По нашему мнению, лесной экспорт может служить тем звеном, ухватившись за которое мы можем и должны тянуть большой конец всей экспортной цепи нашего хозяйства. Для всех ясно, что в ближайшие 2—3 года нам вряд ли удастся восстановить свой хлебный экспорт, и мы должны искать такой промышленный экспорт, который позволил бы нам при меньшем вкладывании средств, чем в другие отрасли промышленности, получить гораздо больший валютный эффект. Промышленностью, соответствующей этим требованиям, является, прежде всего лесообрабатывающая.

Экспорт леса в ближайшие годы должен получить совершенно новый неслыханный темп. Этого можно будет добиться только при решительной инициативе и поддержке наших руководящих центральных организаций. Эта задача требует такого построения плана и такого пересмотра всех капитальных затрат в лесной промышленности по пятилетке, которые обеспечивали бы ей темп вытекающий из наших валютных интересов.

Несомненно, что и сама лесная промышленность имеет довольно много организационных и технических недочетов, но это сравнительно легко может быть быть устранено при внимании к ней. Во всяком случае, сделать это будет легче, чем сделать необходимый и неизбежный (рано или поздно) перелом в деле усиления внимания и забот на этом участке.

Чтобы решить все эти жизнью выдвигаемые вопросы леса, мы должны в самое ближайшее время.

Добиться практического перелома в работе всех центральных организаций в сторону неизмеримо большего внимания, помощи лесному вопросу в целом и, прежде всего, лесоэкспортной промышленности, которая должна играть крупнейшую роль в деле накопления валюты.

В ближайшие 2—3 года надо обследовать и устроить до 50% наших лесов, и в первую очередь леса, уже эксплоатируемые на экспорт и тяготеющие сплавом к портам, где и сосредоточена лесоэкспортная промышленность (Беломорский и Северо-Западный районы).

Теперь же решительно двинуть дело переоборудования лесообрабатывающей промышленности (главным образом, экспортной) и строительство новых лесозаводов для переработки древесины. В районе портов и в районах, обеспеченных сырьем, строить большие заводы (8—12 рам), а в совершенно ныне не используемых лесных массивах, удаленных от сплавных путей, строить малые (1—2 рамы) переносные лесозаводы, доставляя отсюда переработанную древесину гужом к железнодорожным веткам.

Для этой цели надо пересмотреть планы капитальных вложений и обязательно выкроить дополнительно 30—40 млн. руб. на импортное оборудование и новое строительство лесоэкспортной промышленности. Дополнительно 30—40 млн. руб. можно без риска сюда вкладывать, ибо они в самое ближайшее время вернутся с лихвой в валюте.

Эти дополнительные средства должны быть употреблены и на начало развития лесохимической промышленности, при чем в первую очередь необходимо ускорить темп строительства архангельского лесоцеллюлозного комбината.

Мы считаем, что работа комиссии тов. Яковлева, при КК—РКИ, наметившей увеличение лесоэкспортной программы до 180 млн. руб., основана на полной возможности выполнения таких заданий. Опасения некоторых работников, связанных с лесными вопросами, за реальность этого плана, основаны на их неповоротливости, спокойном равнодушии и незнании наших возможностей.

Такие задачи лесоэкспорта требуют и от огранов Наркомторга более гибкой, подвижной политики запродаж на внешнем рынке и своевременного фрахта тоннажа, запаздывание которого каждый год нам обходится в сотни тысяч валютной выручки. В истекшую навигацию 1928 г. поздние продажи, и, как следствие этого, поздний фрахт и повышенная страховка товара и тоннажа обошлись по одному только Архангельскому порту в 300—350 тыс. руб. валюты, выброшенной на ветер. Кроме того, политика поздних продаж не позволила вывезти всего товара из Архангельского порта. Там остались невывезенными около 11 тысяч стандартов пиломатериалов, которые в общей сложности стоят около полутора миллиона рублей валюты.

Для того, чтобы решить все эти «лесные вопросы», чтобы правильнее к ним подойти, нужно всю эту лесную проблему поставить на одном из ближайших пленумов ЦК партии (или СТО) с вызовом работников основных лесопромышленных районов и работников лесного экспорта.

Эта лесная задача требует усиления лесной промышленности крепкими, руководящими, достаточно авторитетными работниками, которых лесной промышленности сейчас нехватает и которые бы смело и решительно

продвигали вперед решение больших задач, стоящих перед Советским Союзом.

Исходя из опыта нашей работы, связанной с лесной промышленностью и лесным экспортом, мы утверждаем, что без постановки этого вопроса на одном из заседаний пленума ЦК партии (или СТО) решительного перелома в этом вопросе мы не добьемся. Достаточно сказать, что та программа, которая утверждена СТО по лесному экспорту на 1929 г., по целому ряду признаков и недостатков (хлебофураж, финансирование, промтовары) сейчас уже ставится под угрозу невыполнения.

В этой статье мы не претендуем на всестороннее и полное освещение вопросов «леса, лесной промышленности и лесного экспорта». Мы пытались из того материала, который у нас есть под руками, доступно и популярно осветить этот, по нашему мнению, больной и запущенный, но чрезвычайно большой вопрос перед широкой партийной массой — читателями «Большевика».

Если нам удастся вокруг этого вопроса мобилизовать партийное мнение, мы бы считали свою задачу выполненной.

Я. Бумбер.

Дальнейшие вехи колхозного строительства.

Окончание [1]).

6. Повышение уровня обобществления. Ускорение перерастания низших форм в высшие.

Материально-технический рост колхозов и дальнейшее развитие их социально-экономической формы, т.-е. повышение уровня обобществления в них, взаимно стимулируют друг друга. Рационализация материально-технической базы ведет к развитию процессов обобществления и, наоборот, повышение уровня обобществления создает трамплин для реализации новых материально-технических достижений.

Вышесказанное о методах решения наиболее актуальной в данный момент задачи колхозного строительства—всемерной рационализации, под'ема технико-производственного уровня (укрупнение, специализация и т. д.) колхозов выступает, поэтому, с другой стороны, как средство повышения социально-экономического уровня, роста элементов обобществления в них. Это отнюдь не значит, что понятия технико-производственной рационализации и роста элементов обобществления идентичны.

Обобществление сельского хозяйства—центральная задача, альфа и омега экономической политики строящего социализм рабочего класса СССР. Обстоятельное изучение всех направлений и рычагов ее разрешения представляет поэтому и исключительное теоретическое, и величайшее практическое значение. Технико-экономическая рационализация коллективного сельского хозяйства не имеет для нас самодовлеющего значения. Она важна прежде всего как средство форсирования процесса обобществления. Тем больше должно быть уделено внимания непосредственному учету и изучению процессов обобществления как таковых.

Особенно это относится к колхозам. Если другие формы сельскохозяйственной кооперации развиваются на основе простого товарного хозяйства, правда, оказывая на него обратное воздействие, то великое значение колхозов состоит как раз в том, что они являются лабораториями непосредственной добровольной самоликвидации крестьянской индивидуальной частной собственности и базирующегося на ней уклада простых товаропроизводителей, т.-е. лабораториями практического координирования и сложнейшего переплетения разных выражений процесса обобществления.

В настоящей статье мы, конечно, не имеем возможности охватить сколько-нибудь исчерпывающе этот широкий круг вопросов. Рассмотрим лишь некоторые, наиболее актуальные. Прежде всего и главным образом остановимся на вопросе, имеющем актуальное практическое значение для

[1]) См. «Большевик» № 21—22, стр. 28.

колхозного строительства, на вопросе наиболее выгодного соотношения колхозных форм в разрезе обобществления.

Нельзя сказать, что учитываемая нашей статистикой на основе существующей классификации динамика колхозных форм отражает сколько-нибудь удовлетворительно и точно действительные сдвиги в социально-экономической структуре колхозов. Но в виду того, что пока не разработана научная классификация колхозных форм, а там, где действует закон больших чисел и наличная классификация примерно выявляет основные процессы—приходится удовлетвориться имеющимися, составленными на основе уставных различий, данными.

Если взять соотношение основных уставных форм в начальный и теперешний период колхозного строительства, то выявляется следующий характерный сдвиг.

К концу 1918 года из общего числа 1.579 колхозов приходилось: на коммуны 61,8%, на артели—38,2%, товарищества по общественной обработке земли—отсутствовали.

Структура колхозной сети в последнее время, как видно из нижеприводимых данных, совершенно другая.

СООТНОШЕНИЕ КОММУН, АРТЕЛЕЙ И ТОВАРИЩЕСТВ [1]).

(в %% к общему итогу)

Район	Время	Коммун	Артелей	Товариществ по обществ. обработке земли
РСФСР	на 1/I — 28 г.	10,6	44,3	45,1
	на 1/V — 28 г.	6,9	32,3	60,8
УССР	на 1/I — 28 г.	3,5	30,0	66,4
	на 1/V — 28 г.	2,7	23,5	73,8
БССР	на 1/I — 28 г.	12,9	72,4	14,6
	на 1/V — 28 г.	10,5	76,4	13,1

Итак, если в начале колхозного строительства преобладающей формой является коммуна, т.-е. форма с высоко развитым уровнем обобществления, то теперь, наоборот, удельный вес коммун крайне ничтожен,—преобладают товарищества, т.-е. форма с самым низким уровнем обобществления. Если сравнить положение на 1 января текущего года с состоянием на 1 мая, то и на протяжении всего нескольких месяцев обнаруживается колоссальный дополнительный сдвиг в этом же направлении. Громадный прирост текущего года касался всех форм: абсолютно увеличилось и число коммун, и число артелей и товариществ. Но темп прироста их совершенно разный. Темп прироста низшей формы—товарищества—настолько преобладает над темпом прироста высших форм, что и так низкий удельный вес последних еще значительно понижается. Темп прироста трех основных форм выражается за текущий год в следующих числах (на 1 октября с. г.): коммун—25%, артелей—41%, товариществ—295,6%, 25% против 295%!

Параллельно с этим буйным ростом простейших колхозов совершалось мощное развертывание так называемых простейших производственных об'единений (машинных, мелиоративных, семеноводческих и т. д. товариществ). В текущем году их численность поднялась до 22.225 против 13.276 в 1927 г.

Спрашивается, следует ли расценивать этот исключительно мощный прирост простейших форм, характерный для последней полосы в колхозном строительстве, как отрицательное явление? Сигнализирует ли он необходимость пойти в ближайшее время на некоторое свертывание темпов нарождения низших форм? Такие голоса кое-где раздаются. Вопрос о наиболее выгодном соотношении разных форм колхозов безусловно чрезвычайно актуален, ибо систематическая «порча» социально-экономической структуры колхозов, снижение их среднего уровня обобществления, действительно, проходит красной нитью через всю последнюю полосу развития. Установилась совершенно прочная, непреклонная, четко выраженная тенденция в этом направлении. Но прежде, чем ответить на него, остановимся вкратце на некоторых теоретических исходных положениях.

[1]) По предварительным данным переписи ЦСУ СССР, произведенной в 1928 г.

Наследство прошлого, доставшееся в результате пролетарской революции рабочему классу СССР,—в социально-экономическом отношении весьма разнородно. Если огромную преобладающую часть капиталистических производственных отношений можно было снести путем экспроприации эксплоататоров, национализации их капиталов, то по отношению к бедняцко-середняцкому крестьянству метод экспроприации средств производства неприменим. Совершенно очевидно, что для построения социализма необходима ликвидация и класса крестьян, и находящейся в основе его социально-классового бытия индивидуальной частной собственности. Частная собственность крестьянина середняка и бедняка представляет, правда, не капиталистическую, а индивидуальную собственность. Тем не менее и она—разновидность частной собственности и как таковая—основа стихийности, бесплановости, анархичности хозяйства, почва вырастания новой капиталистической собственности и т. д. Без ликвидации крестьянской индивидуальной частной собственности на средства производства невозможно уничтожение классового общества и стоящих в основе его укладов.

Владимир Ильич неоднократно подчеркивает значительные трудности, с которыми сопряжено уничтожение класса крестьян, как и совершенно особый характер и формы борьбы между рабочим классом и крестьянством в период социалистического строительства. Правда, основная масса крестьянства, середняцкое крестьянство является союзником рабочего класса в социалистическом строительстве. Но этот союз не исключает, а наоборот, предполагает борьбу между двумя основными классами переходного периода «Систематическое руководящее воздействие (тоже—борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев» [1]).

«Систематическое руководящее воздействие», направленное к организации добровольной самоликвидации крестьянства, как класса, должно обеспечить и уничтожение крестьянской индивидуальной частной собственности на средства производства, заменяя обобществление через экспроприацию добровольной самоликвидацией. Но этот процесс по неизбежности растягивается, принимает форму эволюции, на развертывание и завершение которой требуется целый переходный период.

В отличие от ураганным темпом осуществленного обобществления крупной промышленности в растянутом на целый период процессе обобществления мелкого и мельчайшего крестьянского с. х. помимо его добровольности и эволюционности, много других особых черт. В процессе обобществления крестьянского с. х. должна быть осуществлена и концентрация его распыленных производительных сил и замена их производительными силами типа современного передового сельского хозяйства. Это тоже не может быть реализовано зараз, одним актом или в сравнительно короткий срок.

Кооперативный план Ленина и указывает потребную для эволюционного, но на основе добровольности развертывания этих технико- и социально-экономических процессов организационную форму. Кооперации свойственно

[1]) Ленинский сборник, книга III, стр. 494.

чрезвычайное богатство форм, возможность эволюционного перерастания одной формы в другую. Свойственная кооперации ступенчатость, возможность расчленения единого процесса обобществления на основные стадии с организационным оформлением переходных положений и превращает кооперацию в «наиболее простой, легкий и доступный для крестьянина» путь обобществления.

Конечно, наикратчайшим мыслимым путем кооперативного обобществления был бы путь преимущественного развития коллективизации в ее высшей форме. Однако нельзя ни на минуту забыть, что весь процесс кооперативного обобществления основан на добровольности, на преодолении известного, «иного» сопротивления бедняцко-середняцкого крестьянства мерами «руководства». Пропуск, провал серединных звеньев кооперативной, в том числе колхозной социально-классовой переделки, перевоспитания повлек бы обрыв всего процесса, как процесса массового. В рядах кооперативно-колхозного обобществления остались бы только передовики деревни, как это было в начале колхозного движения.

Сказанное достаточно ясно определяет правильную позицию и в вопросе о соотношении низших и высших форм колхозов. Противопоставление образования низших сохранению удельного веса высших форм совершенно несостоятельно. Лишь форсированное вовлечение все новых пополнений обеспечивает полнокровие коллективизации, его массовость на дальнейших заключительных ступенях. Что же касается качества социально-экономической структуры,—оно должно быть достигнуто за счет более форсированного перерастания низших форм в высшие. Лишь в своей совокупности кооперативные, в том числе колхозные звенья, составляют единую цепь организационного оформления основанного на добровольности процесса социалистической реконструкции патриархального и простого товарного хозяйства. Каждое звено, взятое в отдельности в качестве чего-то самодовлеющего, этого значения не может иметь и не имеет, точно так же, как отдельная ступенька лестницы, выбитая из системы остальных ступенек, не может служить средством под'ема.

Практика же административного или планового нажима, направленного к затруднению образования простейших форм, в корне вредна. Руководствуясь кооперативным планом Ленина, следует совершенно сознательно итти и на дальнейшее широкое развертывание строительства простейших форм. Только это обеспечивает полнокровие всей колхозной системы, темп ее роста, определенный постановлениями XV с'езда партии. Именно благодаря мощному приросту простейших форм был поднят в текущем году темп развертывания колхозного строительства на совершенно новый уровень.

* * *

К доводам в пользу дальнейшего интенсивного развертывания строительства простейших форм практика колхозного строительства текущего года прибавила еще несколько.

Как раз в простейшей форме, в форме товарищества по общественной обработке земли происходит начавшаяся в этом году сплошная коллективизация целых сел и поселков, открывающая совершенно исключительные перспективы укрупнения существующих и массового строительства новых крупных колхозов.

Вот несколько соответствующих иллюстраций [1]).

В Самарском округе, села Преображенка и Богорусское, организовались путем сплошной коллективизации в колхозы—Гигант № 1 и Гигант № 2.

[1]) По данным Колхозцентра РСФСР, Совета Колхозов СССР и Хлебоцентра.

Земельная площадь этих колхозов 3.300 га. Сплошная коллективизация этих сел осуществлена при помощи тракторной колонны в 34 машины. Форма коллективов—товарищество по общественной обработке земли. В этом же районе намечается организация ряда новых товариществ—селений.

В Балашовском округе проведена сплошная коллективизация сел. Крмуш и Каменка. Форма об'единения опять-таки товарищество по общественной обработке земли. Земельная площадь вновь образованного колхоза—5.564 гект. Коллективизация проведена в результате работы тракторной колонны.

Показательные данные о массовой коллективизации целых селений в Одесщине приведены нами выше. И работа шевченковцев дала массовую коллективизацию в форме товариществ по общественной обработке земли.

По данным Хлебоцентра, 46 селений в составе целых земельных обществ на площади около 45.000 га перешли в весеннюю посевную кампанию текущего года в связи с заключением договоров долгосрочной контрактации и организацией вспашки тракторными колоннами к общественной обработке земли, т.-е. к коллективизации в форме товариществ. В 10 селениях на земельном участке, примерно, в 10.000 гект., в связи с этим же комплексом мероприятий, проведена частичная коллективизация полеводства.

В процессе контрактации в текущем году выявлена совершенно новая форма массового производственного об'единения—посевное товарищество, имеющая, повидимому, все шансы на быстрое массовое распространение. Уровень обобществления в посевном товариществе еще ниже, чем в товариществах по общественной обработке земли. Таких товариществ (посевных) создано в весеннюю посевную кампанию текущего года 4.955. Часть их об'единяет целые земельные общества.

В Воловском районе, Тульской губернии, проводится коллективизация всего района, состоящего из 6.600 крестьянских дворов (50.000 гект.). Центрами этой массовой коллективизации является Красиво-Меченское товарищество по общественной обработке земли и коммуна «Авангард».

Центрами и инициаторами поголовной коллективизации целых селений нередко выступают хорошо поставленные, жизнеспособные высшие формы колхозов—коммуны или артели. Это, конечно, не значит, что и вновь коллективизированные при их помощи и инициативе селения и поселки сразу непосредственно принимают облик коммун или артелей.

В Славгородском округе путем слияния 16 колхозов и 256 единоличных крестьянских хозяйств образован единый крупный колхоз на земле в 13.000 га слишком. Инициатор создания колхоза - гиганта — артель «Прозрение».

На Северном Кавказе, в Сальском округе, в стадии организации три колхоза-гиганта. Организация их происходит путем слияния нескольких старых колхозов и сплошной коллективизации окружающих селений. В общей сложности три колхоза-гиганта охватят 950 крестьянских дворов на площади 23.200 гект. Инициаторы сплошной коллективизации во всех трех случаях—коммуны.

В Ставропольском округе организуется колхоз-гигант в селе Старомариинском. Предполагается вовлечь дворов на 25 тыс. га земельной площади. Уже имеется заявлений сельчан о вступлении в колхоз-гигант на общую площадь в 10 тыс. га. Заявления продолжают поступать. Старомариинский колхоз-гигант намечено делить на отдельные ячейки—«экономии» в размере не менее 2 тыс. га, т.-е. по принципу намеченной нами выше двучленной формы организации. Выясняется, как целесообразнее организовать новое об'единение: в качестве ли единого колхоза, куда отдельные ячейки-«экономии» включаются в виде единиц, не имеющих самостоятельных опе-

ративных функций, или же на первое время в качестве комбината, куда ячейки-«экономии» войдут в виде юридических лиц. Коллективизация опять-таки намечена в простейшей форме.

Повторяем, это—лишь иллюстрации. Перечень подобных примеров можно было бы значительно продлить. Но и отмеченного вполне достаточно, чтобы усмотреть все значение сплошной коллективизации целых селений. Сплошная коллективизация целых сел и поселков ведет наикратчайшим путем к массовому созданию крупных колхозов. Но, как из вышесказанного видно, сплошная коллективизация целых селений непосредственно осуществима лишь в простейших, наиболее доступных крестьянской массе, формах.

Необходимость дальнейшего форсированного развертывания именно сети простейших колхозных форм диктуется также нашей установкой на всемерное участие колхозов в ликвидации зернового кризиса.

Необходимость всемерного участия колхозов в ликвидации зернового кризиса совершенно бесспорна. Она, разумеется, не должна найти практическое оформление в переводе колхозов всех районов на преимущественное производство зерновой продукции. Нотки такого упрощенского схематизма кое-где звучат. Авторы его имеют обыкновение кстати и некстати аргументировать от зерновой проблемы. Истолкование участия колхозов в ликвидации зернового кризиса в таком смысле было бы грубейшей ошибкой, ибо шло бы по линии деспециализации колхозов.

Требования нашего города к сельскому хозяйству, как базе индустриализации, далеко не ограничиваются лишь зерном, хотя на данной стадии зерно и является одним из наиболее узких мест народного хозяйства. К тому же следует иметь в виду, что помимо лобовых атак по зерновому кризису не менее чувствительны удары, наносимые ему развитием ряда специальных направлений, например, овощного, садового, молочного и т. д. Стрижка всех районов под гребенку зернового направления в корне противоречит установке на специализацию колхозов. Такого рода разговоры могут, поэтому, лишь дезориентировать, а не направлять колхозное движение. Они тем более несостоятельны, что и лимиты: набор технического вооружения и т. д.—для разных специальных направлений, в значительной степени различны.

Совершенно бесспорно, что в колхозном строительстве ближайшего времени необходимо ставить особый упор на зерновое направление. Но практическое оформление этой установки должно выразиться не в схематическом развертывании зернового производства во всех районах, т.-е. деспециализации интенсивных районов, а в *преимущественном*[1]) развертывании дальнейшего колхозного строительства в ближайшие годы, именно, в основных зерновых районах и в решительном изжитии там колхозного универсализма. Так понятое участие колхозов в разрешении зерновой проблемы пойдет всецело по линии специализации колхозов, больше того,—явится первым решительным шагом в сторону их специализации.

В районах основного зернового направления же наиболее сильно выражена социально-экономическая дифференциация деревни. Если средний процент хозяйств без средств производства и со средствами производства стоимостью до 200 рублей составляет по Западному, Сев.-Западному, Сев.-Восточному районам и ЦЧО 19—22%, то по Северному Кавказу и Нижнему Поволжью он поднимается до 30—34%. Здесь же значительно больше процент батрачества. Проводимое партией жесткое ограничение развития капиталистических элементов деревни, свертывание кулацкой кабальной

[1]) Подчеркиваем, *преимущественном*, а не исключительном. Преимущественное развертывание колхозного строительства в ближайшее время в зерновых районах вовсе не исключает всемерного форсирования коллективизации в других, особенно поскольку этому не мешает общность промышленно-технических лимитов.

эксплоатации выдвигает особенно остро именно в этих районах вопрос о скорейшем экономическом устройстве бедноты и батрачества. Следовательно, и с этой точки зрения в ближайшее время должен быть сделан особый упор на преимущественное развертывание дальнейшего колхозного строительства в основных зерновых районах.

Что же означает преимущественное развертывание колхозного строительства в районах основного зернового направления с точки зрения интересующей нас в данном случае проблемы дальнейшего накопления элементов обобществления? Опыт последних лет совершенно недвухсмысленно показывает, что это означает не что другое, как дальнейший мощный прирост товариществ по общественной обработке земли, т.-е. формы с наиболее низким уровнем обобществления. Эта наиболее массовая, наиболее элементарная фома развивается особенно сильно именно в районах основного зернового направления. В колхозном строительстве текущего года районы зернового направления (Северный Кавказ, Казакстан, Среднее и Нижнее Поволжье и т. д.) идут впереди других не только по темпу коллективизации, но и по приросту товариществ по общественной обработке земли. Итак, и необходимость непосредственного участия колхозов в ликвидации зернового кризиса и соображения скорейшего экономического устроения бедноты районов с наиболее резко выраженной дифференциацией деревни указывают на целесообразность дальнейшего форсированного развертывания строительства простейших форм колхозов.

* * *

Ориентируясь на дальнейшее всемерное развертывание строительства простейших форм производственного кооперирования, нельзя, однако, игнорировать вышеотмеченную, из года в год проходящую непреклонную тенденцию снижения удельного веса высших форм. Ее дальнейшее развитие грозит в перспективе полным сведением на-нет важнейшего этапа в процессе кооперативного обобществления. Накопление на низах все новых богатых пополнений без достаточного продвижения их по линии дальнейшего роста неминуемо грозит им утерей перспективы роста, развитием в них процессов застойности и разложения. Эта тенденция должна быть ограничена, а затем и вовсе преодолена, но не путем снижения темпов нарождения простых и простейших форм, а, как уже отмечалось, только через подтягивание процессов перерастания низших форм в высшие.

Эта сторона дела коллективизации пока чрезвычайно отстает. Не беда, что колхозы нарождаются, преимущественно, в форме товариществ. Так и должно быть. Но никуда не годится, что колхозы стабилизируются, годами застревают на стадии товариществ, что здоровому, мощному приросту товариществ сопутствует лишь хилое, вялое перерастание низших форм в высшие.

А плацдарм-то какой для систематического развертывания процессов обобществления внутри уже существующих колхозов! Колхозник, как правило, объединяет в своей персоне и коллективиста, и частного хозяина-индивидуалиста. При этом необобществленные «хвосты» чрезвычайно солидны. Частнохозяйственная часть нередко является преобладающей.

Вот данные о проценте обобществления посева в текущем году:

Формы колхозов	РСФСР		УССР		БССР	
	Орган. до 1/1 1928 г.	Организ. в 1928 г.	Орган. до 1/1 1928 г.	Организ. в 1928 г.	Орган. до 1/1 1928 г.	Организ. в 1928 г.
Коммуны	99,8	99,3	99,9	—	99,8	100,0
Артели	90,3	68,1	91,7	52,7	94,5	61,9
Товарищества по общ. обр. земли	60,6	47,7	30,2	15,5	72,2	—

Итак, по посеву, подвергающемуся на ряду с мертвым инвентарем, прежде всего и больше всего, обобществлению, все же в низших формах налицо огромные частно-хозяйственные целины.

С продуктивным животноводством положение несравненно хуже. Сводные данные, составленные на основании выборочного обследования бюджетов колхозов РСФСР, рисуют его в следующем виде:

%% ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА.

Формы колхозов.	Мертв. инвент.	Скот		Постройки		В средн. по основ. фондам.
		Раб.	Продукт.	Хозяйств.	Жилые.	
Коммуны	99,6	98,2	95,4	98,5	97,8	97,9
Артели	75,3	15,3	12,8	31,1	19,0	30,1
Товарищества	53,2	2,9	4,4	6,5	2,7	15,2

Наличие в колхозах крайне незначительного количества обобществленного продуктивного скота не свидетельствует, конечно, об отсутствии его и у об'единяемых колхозами хозяйств. Они имеют его, примерно, в такой же норме, как окружающее середняцко-бедняцкое крестьянство. Но существует-то он у них преимущественно в форме частно-собственнического придатка к колхозу. Уровень обобществления продуктивного скота еще чрезвычайно низок. Отсюда, как следствие, то положение, что индивидуальное частно-собственническое животноводство питается, растет и развивается за счет соков обобществленного полеводства. Результаты высшей эффективности обобществленного полеводства идут в таких случаях (они не редки) не на дальнейшее накопление обобществленных фондов, а на развитие индивидуального сектора колхоза. Просачивание соков обобществленного хозяйства в индивидуальную половину прямо-таки одна из важнейших причин недостаточной социально-реконструктивной эффективности капитальных вложений в колхозы и слабого внутриколхозного накопления обобществленных фондов, особенно в тех районах, где животноводство и другие необобществленные отрасли являются основными товарными отраслями сельского хозяйства.

К этого же порядка явлениям относится общеизвестное просачивание кредитов, отпускаемых на развитие колхозов, в индивидуальную, необобществленную часть хозяйства. Это тоже не что другое, как питание частно-собственнического хозяйства соками обобществленного.

Проблема соотношения индивидуального и обобществленного сектора внутри колхоза одна из наиболее больных проблем колхозного строительства. Пока что ей уделяется непростительно мало внимания, явно не корреспондирующего ее актуальности. Неизбежное следствие—расходование скудных фондов коллективизации не по назначению. Типичная для колхозов двойственность,—жизнь на два хозяйства: коллективное и единоличное—совершенно неизбежное для низших форм колхозов явление. Двойственность—совершенно необходимая стадия в деле массовой ликвидации крестьянского частного хозяйства и базы его — индивидуальной частной собственности. Но при правильной постановке дела это сосуществование вовсе не должно развиваться под знаком снижения удельного веса обобществленного сектора, а наоборот. Однако, приостановка процессов перерастания вверх неизбежно ведет к утере перспективы и развитию процессов перерастания вниз, к превращению колхоза в форму форсирования частно-хозяйственного накопления. Эту неоспоримую истину следует твердо усвоить.

Перед нами стоит гигантская задача — накопления материальной базы для социалистического сельского хозяйства. Пока-что заложено лишь узкое основание. И положение таково, что, как с.-х. кооперация в целом, так и колхозы в частности, развиваются преимущественно за счет государствен-

ных кредитов. Их мобилизация требует величайшего напряжения. И совершенно естественно, поэтому, требовать, чтобы материальная помощь рабочего государства, притом мобилизованная с величайшим напряжением, осела бы прочно и окончательно в системе колхозов, чтобы исключалась ее трансформация в частно-собственнические накопления.

Единственное кардинальное средство изжития этого зла,—бдительная настороженность к процессам внутриколхозного накопления элементов обобществления, значительное оживление процесса перерастания низших форм в высшие.

Выясняя причины крайне слабого темпа перерастания низших форм в высшие, нельзя, конечно, игнорировать то обстоятельство, что лимиты материально-технической помощи для развертывания новой сети и под'ема уровня обобществления по старой сети в значительной мере одни и те же, почему форсированное развертывание нового строительства неизбежно несколько снижает темп развития старой сети. Это обстоятельство следует всемерно подчеркнуть, ибо без соответствующего материально - технического цемента не построить высших форм обобществления. Успешное обобществление полеводства предполагает наличие трактора и набора прицепных орудий к нему в качестве цементирующего начала, обобществление продуктивного животноводства, — обобществленные рационально устроенные скотные дворы и соответствующую индустрию переработки и т. д., и т. д. Это все — сущая правда. Но на ряду с этим следует ставить гораздо больший упор на улучшение организационной стороны дела. При более целесообразном и четком организационном оформлении и нормировании использования материально-технических факторов вполне возможно добиться значительно больших результатов и исходя из наличных их лимитов.

Возвращаясь к проблеме соотношения индивидуального и обобществленного сектора внутри колхоза, следует сказать, что изучение и нормирование его совершенно недостаточно. Слабость организационного руководства в этом деле прямо таки бьет в глаза. Поиски мест при отсутствии достаточного руководства не могут здесь вывести на путь. Одновременно с вышенамеченной проработкой проблемы стандартов основных направлений колхозной специализации необходимо заняться выработкой оптимумов в разрезе социально-экономической структуры, предусматривая, конечно, целый ряд вариантов соотношения индивидуальных и обобществленных элементов. Пока что в результате чрезвычайной слабости организационного обслуживания колхозов встречаются в этом отношении самые причудливые и своеобразные явления.

Вот иллюстрация типичного для настоящего времени положения. «Мои наблюдения над товариществами по общественной обработке земли и особенно обследование товарищества «Согласие», — пишет работник системы колхозцентра РСФСР тов. Ф. Самосюк,—показали прямо-таки чудовищную сложность всевозможных учетов и расчетов. Здесь производится учет и затраченного труда членов—мужчин, женщин, подростков,—и работы скота членов, и всех групп необобществленного инвентаря. Приходится учитывать всякую мелочь — работу телеги, плуга, косилки и т. д.

В целях привлечения на товарищескую молотьбу всевозможных веревочек, кадочек, грабель, вил, лопат, приходится проделывать сложнейшую систематическую работу, учитывая все от ниточки до работы членов колхоза. За каждый день работы назначается определенная плата за веревочку, грабли, кадку и т. д.: за что одна копейка, за что—две, за что—пять... На первый взгляд кажется, что в этом товариществе собрались люди для са-

моистязания «учетом»». Автор правильно задает вопрос: «неужели это тот путь, через который должны пройти все единоличные крестьянские хозяйства для того, чтобы выучиться строить коллективное хозяйство. Члены товарищества хотят разрешить неразрешимую задачу—использовать все выгоды и преимущества коллективного хозяйства, сохранив единоличное хозяйство» [1]).

Аналогичный микроскопический учет амортизации и накоплений, приходящихся на веревочки, кадочки, грабли, вилы и т. д., продолжающие оставаться в единоличном владении, происходят в сотнях и тысячах простейших колхозов. «Социализм, это—учет» (Ленин), но дело ведь в том, что, занятые учетом выручки, приходящейся на единоличные веревочки и кадочки, члены подобных об'единений, как раз, запускают учет, свойственный крупному коллективному хозяйству, как таковому, т.-е. действительный социалистический учет.

В этой же связи необходимо резко подчеркнуть колоссальные потенциальные возможности форсирования перерастания низших форм в высшие, скрытые в улучшении практики образования неделимых фондов (капиталов). Единичные призывы к большему форсированию накопления неделимых фондов вот уже раздаются в течение двух лет. Нельзя, однако, сказать, что они нашли массовый отклик.

До сего времени колхозными массами не осознана вся актуальность этой совершенно исключительного значения задачи. Организационные центры движения же делали чрезвычайно мало, чтобы добиться в этом деле массового сдвига.

Остановимся прежде всего вкратце на принципиальной стороне вопроса.

Всякое кооперативное обобществление средств производства означает их концентрацию. Но не всякая кооперативная, в том числе колхозная концентрация средств производства уничтожает их частно-собственнический характер. Точно так же, как концентрация многих единичных капиталов в коллективный компанейский или акционерный капитал не меняет основной социально-экономической природы капитала, точно так же одна кооперативная складчина индивидуальной частной собственности простых товаропроизводителей не меняет их основной социально-экономической сущности, как частной собственности. Кооперативный (в том числе колхозный) пай и целевые взносы, принадлежащие к обобществленным фондам (капиталам) могут по капризу своих собственников вновь вернуться к прежнему, т.-е. индивидуальному бытию. Они продолжают числиться как частная собственность того или другого члена. Такая кооперативная (колхозная) концентрация средств производства является, при ведущем воздействии социалистических хозяйственных высот, ступенью по пути к ликвидации частной собственности на средства производства. В этом смысле она—звено процесса обобществления. Но звеном обобществления она является в таком случае лишь потому, что предполагает дальнейшую эволюцию в направлении полной ликвидации частной собственности и в такой кооперативной форме.

Если тов. Ленин указывает, что «при нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, **если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу»** [2]), то спрашивается, каковы же средства производственной кооперации, в частности колхозов, «принадлежащие государству, т.-е. рабочему классу». Совершенно очевидно, что к таковым относятся совершенно бесспорно зачисленный в неделимые фонды (капиталы)—колхозов инвентарь бывших помещичьих имений и выданные колхозам безвозвратные ссуды. Хотя теперь огромное большинство неделимых фондов и состоит из этого рода имущества, но совершенно очевидно, что на них далеко не выехать, что их высокий удельный вес вызван теперь недостаточным вообще накоплением неделимых фондов. Наша помощь колхозам идет, преимущественно, по линии кредита. Безвозвратные ассигнования являются по неизбежности весьма ограниченным. Если в деле форсирования накопления неделимых фондов ставить ставку исключительно или главным образом на безвозвратные ссуды, то оно заведомо обречено на неудачу.

[1]) Журнал «Коллективист», 1928 г., № 20/75. Подчеркнуто нами.

[2]) Вл. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, часть II, стр. 144. Подчеркнуто нами.

Каковы же еще возможные пути увеличения удельного веса в колхозах средств производства «принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу», иначе говоря, тех средств производства, которыми измеряется степень приближения колхоза к типу предприятий последовательно социалистического типа?

Совершенно очевидно, что к этой группе колхозных средств производства не может быть отнесена та часть их, которая приобретена на целевые взносы и паи, продолжающие числиться в частной собственности членов колхоза. Но, с другой стороны, не менее очевидно, что и другая часть неделимых фондов (за вычетом вышеуказанной бесспорной), т.-е. образованная путем отчислений от внутрихозяйственных накоплений и перечисления в неделимый фонд разных других поступлений, стоит по своей социально-экономической сущности весьма близко к государственным средствам, т.-е. к первой выше указанной части неделимых фондов. Разница между этими двумя частями неделимых фондов носит чисто формальный характер. Как государственные безвозвратные ссуды и бывший помещичий инвентарь, так и другая часть колхозных неделимых фондов составляют единый общегосударственный фонд коллективизации, не подлежащий ни при каких условиях из'ятию из колхозного оборота. И та и другая часть неделимых фондов может лишь переходить из одного колхоза в другой. Наличие у последней группы неделимых фондов некоторых формальных признаков групповой собственности существа дела не меняет. И государственные неделимые фонды переданы в бессрочное групповое пользование. Ни те, ни другие фонды не подлежат денационализации, т.-е. сохраняют навсегда свой социалистический характер.

Именно в процессе образования неделимых фондов, следовательно, происходит непосредственная трансформация индивидуальной частной собственности простых товаропроизводителей на средства производства в социалистическую. Если колхозы являются лабораториями этой добровольной трансформации индивидуальной частной собственности на средства производства в социалистическую, то именно акт накопления неделимых фондов—решающая фаза этого процесса.

Практика колхозного строительства показывает, что накопленные благодаря оказываемым колхозам льготам и преимуществам средства, не будучи своевременно зачислены в неделимые фонды, нередко становятся стимулом деколлективизации, дележки и обратного перехода к индивидуальному хозяйству. Лишь накопление их в форме неделимых фондов создает возрастающую устойчивую заинтересованность членов в продолжении общего дела, одновременно нисколько не подрывая, а, наоборот, стимулируя технико-экономическое развитие. Неустойчивость колхозов (распад, текучесть состава) пока что чрезвычайно велика. А через массовый распад колхозов и выход старых членов неизбежно распыляются и так скудные средства, отпущенные на развитие коллективизации, если они не зачислены в неделимый фонд. Подсчитайте оказанные льготы, кредитную помощь и т. д., распылен-

ные в процессе деколлективизации,—получается внушительная сумма. Наличие значительных неделимых фондов не только компенсировало бы в случае распада такую утечку, но неизбежно колоссально сократило ее. Действительным поборникам социалистического переустройства с. х. нечего бояться систематического повышения удельного веса неделимых фондов, следует лишь достаточно четко и обстоятельно растолковать им значение этого мероприятия. В неделимых фондах как раз защита их против каприза неустойчивого и случайного элемента. Что же касается капиталистических элементов, примазавшихся к колхозному движению в целях использования льгот и маскировки своей настоящей физиономии, то совершенно неизбежное сопротивление их накоплению неделимых фондов—лучшая лакмусовая бумага выявления их настоящей социально-классовой природы.

Мобилизуя сознание и волю колхозных масс к гораздо более ускоренному накоплению неделимых фондов, нельзя, конечно, бросить клич стопроцентного ударного прямолинейного перечисления всех фондов в неделимые. Всякий схематизм и перегиб здесь не менее опасен, чем инертное плавание по течению. Гибкость маневра, чуткость к конкретным условиям места и времени,—первое условие успеха. Как правило, не следует начать с паев и вкладов. В перспективе колхозного развития должна совершаться трансформация всех фондов в неделимые. Но в целях скорейшего осуществления ее необходимо соблюдение известной очередности. Прежде всего надлежит, конечно, взяться за гораздо лучшее, чем до сего времени, ограждение государственных средств, идущих в колхозы, от расхищения и денационализации. Это же относится к кооперативным льготам. Зачисление их в неделимые фонды лучшее средство заделать все отверстия перелива их в индивидуальное хозяйство. Оказываемые колхозам льготы безусловно необходимо сохранить и всемерно увеличить. Но одновременно не менее необходимо, чтобы они не теряли свою социально-реконструктивную целевую природу. Этого достигнуть возможно, если установить, что сальдо по присвоенным колхозам (по сравнению с индивидуальными хозяйствами) налоговым и другим льготам подлежит в обязательном порядке зачислению в неделимые фонды.

Потребительская и сельскохозяйственная кооперация уже оказывают колхозам некоторые специфические льготы. В дальнейшем предусмотрены их увеличение и дифференциация в зависимости от уровня обобществления в колхозах. Это будет лишним стимулом к ускорению процесса перерастания низших форм в высшие. Но полное социально-реконструктивное значение этих мероприятий раскроется лишь после установления такого порядка их использования, что сальдо по присвоенным колхозам льготам по сравнению с индивидуальным крестьянским зачисляется в неделимый фонд. В материально-производственном отношении такой порядок решительно никаких неудобств для колхозов не создает. В социально-экономическом отношении это явно выгодно. В политическом отношении — это существенный плюс. Крестьянину-единоличнику гораздо более понятны специфические колхозные льготы, нередко его раздражающие, когда они обставлены гарантией сохранности от использования в целях частно-собственнического накопления или потребления. Наконец, зачисление всех колхозных льгот в неделимые фонды (капиталы), как и обстоятельная разработка всей проблемы неделимых фондов (капиталов), окажет существенную помощь в деле чистки колхозной системы от лжеколхозов. Такой порядок использования льгот неизбежно резко понизит тягу кулацко-капиталистических элементов к колхозам.

Дальше, чтобы вытянуть цепь повышения удельного веса неделимых фондов, необходимо гораздо упорнее и настойчивее, чем до сего времени взяться за организацию внутрихозяйственного накопления в неделимые фонды. Если это поставить сколько-нибудь удовлетворительно, делимые паевые взносы и т. д. быстро потеряют свой удельный вес в общей массе кол-

хозных фондов в целом. Намеченное Колхозцентром РСФСР зачисление в неделимые фонды средств производства, приобретенных колхозами за счет государственных кредитов в размере погашенной задолженности, является первым решительным шагом по этой линии, достойным всяческого приветствия. Но одновременно необходимо обеспечить четкое усвоение его значения колхозными массами. Если не будет соответствующей широко развернутой массовой работы,—успех не гарантирован.

В заключение настоящего раздела несколько слов о существующей классификации форм колхозов. Этот вопрос сугубо важен как с точки зрения учета и научного изучения колхозного строительства, так и практического руководства им.

Нельзя сказать, что учитываемая нашей статистикой на основе существующей классификации форм динамика колхозного строительства нисколько не отражает реальные сдвиги в процессах обобществления. Там, где действует закон больших чисел, основные сдвиги все же выявляются. Но чтобы осуществлять гибкий, дифференцированный подход к разным ступеням колхозного обобществления, руководить им, поставить как следует учет и изучение его, наличное, довольно-таки топорное, уставное деление явно недостаточно.

Возьмем для иллюстрации пару примеров.

В нормальных уставах всех трех колхозных форм сделана попытка указать принципы распределения доходов. Но как это осуществлено? В уставах товарищества и артели перечислено на выбор несколько способов распределения дохода, а затем следует огульное добавление: «другие признаки, устанавливаемые общим собранием». Спрашивается,—понял ли сам составитель нормальных уставов, что этим добавлением он не только стер всякую разницу между артелью и товариществом в принципах распределения дохода, но и установил модус легализации капиталистического перерождения колхозов. Воспользовавшись этим пунктом: «другие признаки, устанавливаемые общим собранием»—часть артелей и товариществ практикует распределение дохода сообразно имуществу членов. Совершенно очевидно, что благодаря таким вольностям устава и для кулака не лишено смысла вступление в колхоз: жизнь под колхозной вывеской несравненно спокойнее, а распределение дохода, если подобрать подходящую группу, вольно установить по принципу имущественного положения, т. е. по-капиталистически. Совершенно очевидно, что эти чрезвычайно ответственные разделы в нормальных уставах необходимо значительно уточнить, при чем принцип распределения дохода должен стать одним из конститутивных признаков основных колхозных форм.

Возьмем другой пример.

В нормальных уставах всех трех форм имеется раздел «средства колхоза» (соответственно: коммуны, артели, товарищества), определяющий структуру основных фондов (капиталов) колхоза. Этот важнейший раздел, устанавливающий, между прочим, и принципы образования неделимых капиталов, опять-таки разработан крайне поверхностно. Он воспроизведен в нормальных уставах всех трех основных форм почти в одинаковом виде. В уставе коммуны лишь добавлено несколько абзацов об образовании амортизационного фонда (что не меняет соотношение делимых и неделимых капиталов и следовало бы внести и в уставы остальных форм) и об отчислении части запасного и специальных капиталов в случае ликвидации коммуны в неделимый, но опять-таки по усмотрению общего собрания.

Мы, конечно, не против того, чтобы общее собрание колхоза решало, какую форму оно находит более подходящей для себя. Выбор формы колхоза должен быть совершенно добровольным. Но нельзя согласиться с тем, что общее собрание каждого колхоза по своему определяет основные кон-

ститутивные признаки той или другой колхозной формы. Выбор формы должен предопределить и основную физиономию колхоза. Существующие нормальные уставы составлены так, что эта определенность формы выясняется лишь после того, как заполнены все многоточия устава, значительная часть которых заменяет отсутствующие важнейшие конститутивные признаки классификации. Устав, конечно, должен предусмотреть некоторые видоизменения, но необходимая здесь некоторая гибкость не должна походить на беспринципную каучуковость.

Вышеприведенными замечаниями о существующей классификации колхозов в данной связи ограничимся. Эта тема настолько обширна, что требует самостоятельного, более детального рассмотрения. Чтобы иллюстрировать несостоятельность существующей классификации форм, достаточно и сказанного. Правда, в основу ее положен совершенно правильный принцип, принцип градации по уровню обобществления, но вся беда в том, что он не разработан.

Неудивительно, что внутри каждой из трех основных форм встречается невероятная разношерстность, а между ними точно так же не существует сколько-нибудь четких отличительных граней. Особенно это следует сказать относительно двух первых форм: товарищества и артели. Общеизвестно, что многие товарищества стоят выше других артелей, и наоборот. Если взять нормальные уставы, то и им никак не определить, в чем конститутивные отличительные признаки этих форм.

В настоящее время рядом организаций разрабатываются проекты дифференциации оказываемых колхозам льгот (по линии кредита, сбыта, снабжения и налогов) в зависимости от уровня обобществления. Некоторая незначительная дифференциация существует и теперь. Она, как и намечаемая, исходит из наличной классификации форм. Спрашивается, можно ли класть ее в основу дифференциации льгот. Нам кажется—нет. Пора руководящим центрам колхозного движения неотложно взяться за пересоставление уставов и выработку более четкой классификации.

7. Заключение.

Подведем краткий итог.

Колхозное строительство в результате директив XV с'езда партии вступило в совершенно новую, резко отличную от недалекого прошлого фазу развития. За один год достигнуто, приблизительно, столько же, сколько за все предыдущие годы в совокупности.

Но качественный уровень колхозного строительства еще явно отстает. Он еще нисколько не соответствует духу и смыслу директив XV с'езда партии. Необходимо неотложно мобилизовать все внимание, все материально-технические и организационные средства к его повышению, одновременно нисколько не приостанавливая дальнейшего развертывания новой сети темпом усвоенным в текущем году. Всесторонняя всемерная рационализация коллективного сельского хозяйства должна стать совершенно неотложной центральной и актуальнейшей задачей сегодняшнего же дня.

По учению мелкобуржуазных идеологов экономика промышленности и сельского хозяйства принципиально глубоко отличны. Этим обуславливается неприменимость к последней основных установок, выработанных в ходе развития промышленности. Мы марксисты-ленинцы отлично знаем цену этой теории. Экономика передового крупного сельскохозяйственного предприятия стоит по своим основным принципиальным установкам весьма близко к экономике крупного промышленного предприятия. Поэтому и к ней применимы принципы научной рационализации, укрупнения, специализации и т. д. В порядке рационализации коллективного сельского хозяйства мы должны его всемерно приблизить к уровню, свойственному крупной промышленности, решительно изжить традиции кустарничества, половинчатости, отсталости.

Особая социально-экономическая организация колхозов предполагает и требует особых форм организации рационализации. Лишь путем самого широкого вовлечения колхозной массы в соревнование, своевременного изучения и обобщения ее опыта, научной проработки соответствующих актуальнейших общих проблем (оптимумы по специальным направлениям и т. д.), можно будет добиться видного массового эффекта. Отдельных интересных опытов не мало и теперь, недостает и необходим именно массовый эффект.

Материально-техническая помощь—безусловно первейший основной лимит темпов дальнейшего развертывания нового строительства и поднятия качественного уровня старых колхозов. Однако, не следует преувеличивать значения ограниченности материально-технических факторов. При лучшем использовании и наличные ресурсы дадут совершенно иной эффект. Кустарничеству по линии материально-производственных установок нередко корреспондирует не меньшее кустарничество в организационном строительстве.

Мы отнюдь не намерены сделать отсюда какие-либо пессимистические выводы по отношению к коллективистскому движению. И в настоящем состоянии, т.-е. при всех своих крупнейших материально-технических и организационных дефектах, колхозы являются на ряду с совхозами наиболее выгодными об'ектами вложений в сельское хозяйство. Но уровень их эффективности возможно и необходимо значительно поднять.

Выше рассмотрены лишь некоторые из самых актуальных проблем колхозного строительства. Очень много недоделанного и кустарного и по линии подготовки колхозных руководящих кадров, взаимоотношений колхозов и остальных видов с.-х. кооперации, землеустройства, организации кредитования и т. д. Однако, в данной статье нет никакой возможности все актуальные вопросы колхозного строительства охватить.

В заключение остановимся вкратце лишь на одном из них—вопросе культурной революции в колхозах.

Часто встречается еще такое представление, будто одно дело—под'ем хозяйства, его следует всячески форсировать. Другое дело культурная революция: она пока-что терпит. Излишне, конечно, распространяться, насколько это ложно. Общая, техническая и агротехническая неграмотность не отделены друг от друга китайской стеной. Без ликвидации общей неграмотности и малограмотности, как условия, невозможно приобщение к передовой агротехнике, следовательно, и осуществление той широкой массовой рационализации коллективного сельского хозяйства, о которой говорилось выше. Но и перерастанию низших форм в высшие элементарная неграмотность ставит совершенно непреодолимые препятствия, особенно на высших ступенях обобществления. Более высокая ступень обобществления обуславливает гораздо большую экономическую зависимость членов колхоза от коллективного хозяйства. Это значительно повышает заинтересованность и тягу к участию в контроле и руководстве. Но малограмотный, не говоря уже о совершенно неграмотном, не в состоянии осуществить этот контроль. На этой почве неизбежно возникновение ряда вреднейших недоразумений и подозрений, а от них рукой подать до ведущих к агонии перманентных бытовых дрязг и ссор. Трудности, проистекающие от элементарной неграмотности, неизбежно, скажутся с еще большей силой в ближайшем будущем в связи с переходом к массовому созданию крупных колхозов. При об'единении сотен и тысяч людей в один колхоз нельзя рассчитывать на хорошее знание друг друга; здесь массовый контроль руководства—необходимейшее условие жизнеспособности колхоза. А одновременно этот контроль, как и руководство, именно в крупном колхозе, значительно усложняются.

Проведенное летом прошлого года обследование НК РКИ показывает, что с обслуживанием культурно-бытовых нужд колхозов обстоит исключительно печально. До сих пор вся система мероприятий по обслуживанию деревни в этом отношении строилась применительно к индивидуальным крестьянским хозяйствам, расположенным в крупных селениях. Выделение колхоза из селения ставит, поэтому, членов колхозов сплошь да рядом в худшее положение в области обслуживания культурно-бытовых нужд, чем индивидуальные хозяйства. В колхозы идут передовые люди деревни. Поэтому общий уровень грамотности у старого поколения колхозов несколько выше, чем средний по местности. Но, тем не менее, встречаются еще коммуны с 50% неграмотных. В Ленинградской области, числящейся одной из наиболее передовых в отношении ликвидации неграмотности, средний по колхозам процент неграмотности составляет все же 35%, в Казакстане он поднимается выше 80%. Средний по СССР—показатель элементарной неграмотности на уровне 50—60%.

Эти цифры сами говорят за себя. Средний культурный уровень колхозов поразительно низок. Ознакамливаясь с фактами в этой области, удивляешься, как, при таких условиях достигнут и теперешний уровень. Но это не может нисколько успокаивать. Теперешнее положение сигнализирует серьезную опасность в случае задержки с делом культурной революции в колхозах. Жизненность колхозного движения обуславливается творческой инициативой колхозных масс; она, в свою очередь сугубо определяется их культурным уровнем.

Если Владимир Ильич указывал, что для завершения кооперирования масс необходима целая культурная революция, то, прежде всего, это относится к коллективизации. Колхоз по неизбежности является опытным, экспериментальным учреждением. Не существует еще в мире образцов этого строительства. Колхозники ценой своего живого опыта впервые создают их. Поднять качественную сторону этого опыта на необходимую на данной стадии его развития высоту может лишь значительно более энергичное продвижение культурной революции в колхозы.

М. Анисимов.

О тракторных колоннах.

«Надо бросить общие фразы и болтовню о сельском хозяйстве **вообще** и перейти, наконец, к разработке практических мероприятий по поднятию зернового хозяйства... Пора перейти от слов к **делу** и заняться, наконец, конкретным вопросом о **том, как** поднять урожайность и расширить посевные площади индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, как улучшить и развить дальше колхозы и совхозы... Как расширить и улучшить дело контрактации и вообще с.-х. кооперации и т. д.».

(Из речи т. Сталина на ноябр. пленуме ЦК).

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) резко подчеркнул отсталость сельского хозяйства и необходимость особой настойчивости, большого внимания партии к вопросам под'ема сельского хозяйства. Мелкое, раздробленное, с чрезвычайно низкой производительностью крестьянское хозяйство не может быть достаточно устойчивой базой для индустриализирующегося народного хозяйства. И это резкое противоречие между быстро растущим крупным современным производством города (промышленность) и чуть ли не средневековой системой производства деревни требует принятия срочных и решительных мер по ускорению темпа под'ема и качественной перестройки сельского хозяйства, в частности крестьянского хозяйства. Партия правильно наметила форму разрешения этой задачи, когда на XV партс'езде резко поставила вопрос не только о количественном росте, под'еме мелкого индивидуального хозяйства, но и об усилении качественной перестройки его, о форсированном развертывании коллективизации, о крупных совхозах и проч.

На эту тему последнее время очень много сказано и написано. Здесь мы хотим остановиться на том, что делается для выполнения указанных партийных директив на одном из участков деревенского фронта: мы ставим ряд вопросов, связанных с организацией тракторных колонн. Но предварительно несколько слов о колхозах.

Ясно, что базой коллективизации, в условиях советской общественности, должно быть введение передовой машинной техники. Однако, практика строительства колхозов пока нам показывает, что существующие колхозы, за самыми редкими исключениями, не являются крупными хозяйствами: об'единение 10—50 хозяйств с площадью 60—250 гектаров земли еще далеко от крупного механизированного хозяйства, ибо оно и по величине, и по неземлеустроенности не может рентабельно использовать даже одного трактора и крупной машины. В существующих колхозах крестьянина об'единяет не машинная база и техника, а выгоды совместного использования имеющегося (в остром недостатке!) мертвого и живого инвентаря, кредитные и налоговые льготы, выгоды совместного труда и проч. Словом, в колхозном строительстве мы начинали обычно с организационного конца,

а не с технического. Основой, началом об'единения служит здесь не техника, не совместное владение и пользование орудиями производства, а чаще, наоборот, созданный коллектив понемножку и потихоньку приобретает инвентарь и другие средства производства для коллективного пользования, при чем и этот незначительный коллективный фонд часто идет сначала на укрепление индивидуальных хозяйств, отгороженных, кстати сказать, друг от друга десятками и сотнями межников. При таких условиях не скоро построишь крупное, рациональное коллективное хозяйство. Больше того — такое хозяйство, стоящее на полдороге между крупным общественным и мелким индивидуальным хозяйством, не имеющее поэтому возможности использовать выгод крупного хозяйства, — не может конкурировать (производительность труда, урожай) с более или менее крупным и зажиточным капиталистическим хозяйством и часто пасует перед ним, несмотря на солидную поддержку колхозов советским государством. Даже слияние, об'единение таких мелких колхозов сильно затрудняется разницей в степени обобществления отдельных элементов их хозяйства, в организации последнего, территориальной разбросанностью и проч.

Кстати сказать, Колхозцентр и НКЗ закрепляют эту свою ошибочную линию на мелкий колхоз в своих пятилетках: у НКЗ средний размер колхоза—172 га, у Колхозцентра—238 га. В последующем мы постараемся указать, что эти размеры хозяйств недостаточны и что жизнь показывает более решительные образцы, более смелые опыты строительства крупного хозяйства из сотни хозяйств, на площади в 3—5 тыс. га земли. Этой новой формой строительства крупных колхозов является тракторная колонна, с самого начала увязывающая свою работу с организацией обобществленного сплошного земельного массива в пределах нескольких земельных обществ, с долголетней контрактацией, с максимальным развитием общественности.

Опыт совхоза «Шевченко» (Украина) был использован Сельскосоюзом, который совместно с Хлебоцентром и Колхозцентром летом 1928 года решил организовать несколько колонн. На ноябрь с. г., таким образом, было организовано 14 тракторных колонн с общим количеством 320 тракторов. Несмотря на очень краткий срок работы этих колонн, есть все основания утверждать, что в тракторных колоннах мы нащупали наиболее удачную по своей массовости форму и путь построения действительно крупного, обобществленного и механизированного (крестьянского) хозяйства.

Основные факты работы тракторных колонн за первые 2—3 месяца их существования следующие.

Для обработки колоннами организовано 13 сплошных массивов из 67 селений с общей площадью около 60 тыс. гект. (не менее 2½—3 тыс. гект. на массив), с одновременным землеустройством, уничтожением межников, введением улучшенного (4—5—7-полье и т. д.) севооборота, сортсемена и проч. Последние мероприятия входят, как правило, в договор организатора колонны (с.-х. кооперации) с данным об'единением крестьянских хозяйств, как твердое обязательство последних.

Средняя производительность машин (нагрузка трактора) в тракторной колонне значительно выше, чем в колхозах; так, в Терской колонне за осенний сезон имеем нагрузку на один трактор—150 га в среднем, в колхозах Сев. Кавказа—100 га, в Парьевской колонне ЦЧО на один трактор имеем больше 3 га в день, обычная средняя—2—2½. Одновременно установлено, что в колоннах, даже в организационный период их работы, легче и полнее ставится дело систематического надзора и ремонта тракторов, чем в колонии, что особенно важно в виду нашего острого недостатка в квалифицированной технической силе.

В договорных отношениях с тракторными колоннами, за исключением тех случаев, когда договор на обслуживание тракторной колонной заключается с целым земельным обществом, выступают, главным образом, бедняцкие слои деревни. Так, в Терской колонне из 286 обслуживаемых колонной хозяйств—238 безлошадных, в Кубанской колонне в 233 хозяйствах имеется 62 лошади, в Парьевской колонне—90% бедняков. О том же говорит и то, что большая часть земли нынешних участников тракторных колонн сдавалась в аренду зажиточным.

Работа тракторных колонн, в виду обостренного сопротивления со стороны кулачества, обостряет классовую борьбу в деревне. Обследованием обнаружены факты, когда колонны (Терская, Парьевская и Немреспублики) вспахивают тысячи гектаров земли, никогда до тех пор не пахавшейся или сдававшейся беднякам, за отсутствием у них лошадей и инвентаря, в аренду зажиточным. Это обстоятельство сильно разжигает страсти вокруг колонн, и материалы обследования регистрируют целый ряд фактов прямо террористической работы кулачества в отношении участников работы тракторных колонн и их руководителей: есть случаи поджогов и стрельбы по трактористам и организаторам колонн, запугивания и массовой агитации против колонн через отсталые бедняцкие слои, обслуживаемые тракторной колонной, и особенно через женщин. В одном случае (Александровская кол.) есть конкретное требование от работников колонн снабдить их винтовками для самообороны и охраны работников колонн.

Благодаря тракторной колонне беднота имела возможность вспахать такие залежи, которые раньше никогда не пахались (Терская колонна — 1350 га). Следовательно, трактор в этих случаях помогает расширять посевную площадь за счет земли бедноты.

Тракторная колонна, ломая перегородки между отдельными полосками (уничтожение межей), помогает выкорчевывать более серьезные психологические и бытовые «пни» в деревенском «поле». Все обследователи отмечают, что крестьянство в районе действия колонны всколыхнулось, тянется к новым прогрессивным формам хозяйства, и не только в области полеводства, но что особенно важно—в других отраслях сельского хозяйства: в животноводстве, птицеводстве, переработке с.-х. продуктов. Благоприятные предпосылки для развития последних отраслей создаются тем, что тракторная обработка земли освобождает очень много рабочих рук. И так как соответствующие руководящие земельные и кооперативные органы «просмотрели» эту важнейшую часть дела, то население по собственной инициативе ставит эти вопросы: так, Кумагорская колонна (вернее—с.-х. кред. т-во) заканчивает переговоры с Животноводсоюзом о постройке коллективного скотного двора на 235 молочных коров, Азовское т-во поставило вопрос о племенном свиноводстве и птицеводстве. И это делается при очень слабой агроработе руководящих органов, а нередко и при отсутствии ее.

Таким не отпугивающим путем, в результате понятных причин и очевидной выгоды, тракторная колонна ведет отдельные, еще вчера раздробленные хозяйства к реконструкции и обобществлению.

Как во всяком новом деле, а тем более таком трудном и «темном», как тракторная колонна,—неизбежны большие и малые недочеты и крупные промахи. Крупнейшим из промахов надо считать слабость организационной стороны дела: запаздывание в организационной подготовке земельного массива для колонн, неудачный выбор для них места (организуются колонны, где население уходит в большом количестве на отхожие заработки и коллективизации не поддается), отсутствие на местах агроперсонала и трактористов.

Недостаточная продуманность и промахи организационной стороны дела усугублялись отсутствием единого руководства тракторными колоннами: основным руководителем дела, по договоренности между тремя центрами (Сельскосоюз, Хлебоцентр и Колхозцентр), должна была являться система Сельскосоюза—центр производственного снабжения и обслуживания. Но с первых же дней Хлебоцентр захотел быть не участником, а хозяином этого дела (пошли споры, которые неизбежно привели к трениям и осложнениям в работе). Не касаясь здесь этого вопроса по существу, надо подчеркнуть, что этот вопрос о руководстве, о кооперативном хозяине колонн надо разрешить в самом срочном порядке, так как шатания в этом вопросе грозят большими осложнениями.

Крупнейшей из трудностей, зависящих не только от руководителей, но и от новизны дела, все же надо считать слабую активность населения в работе колонны: был этот грех во всех колоннах. Везде крестьянин смотрел на колонну как бы со стороны. Это на первое время и естественно. Но все же местами законное недоверие крестьянина к новшеству, да еще так радикально ломающему весь его веками сложившийся уклад работы и жизни, переходит известные границы: так, местами крестьяне отказывались бесплатно даже подвозить воду и горючее на свою же пахоту. Но тот же ограниченный опыт показывает, что отсутствием активности мы все же обязаны, частью, и отсутствию организационно-общественной работы со стороны организаторов колонн. Там, где эта работа велась хоть немного,—там жалоб на слабую активность и безучастность населения не было. Из этого мы должны сделать простые, но практические выводы для предстоящего подготовительного к весне сезона.

Из других недочетов, связанных с самой техникой организации колонн, следует отметить то, что почти все колонны были организованы из старых тракторов (отобранных у единоличников и лжекооперативов), что нередко сильно удорожало ремонт и технообслуживание, а следовательно и стоимость вспашки. Острый недостаток тракторных запчастей вообще не мог также не сказаться на снабжении ими тракторных колонн. Были простои тракторов и из-за отсутствия трактористов.

Большим недочетом, определяющим в значительной мере основные перебои в работе тракторных колонн, было отсутствие агронома, занятого исключительно агропроизводственной работой с населением, об'единяемым вокруг колонн. С этим связывается отсутствие до сих пор (уже после начала работы колонн) организационно-производственных планов, а подчас и полное отсутствие агрикультурных мероприятий в некоторых колоннах.

Это отсутствие агронома усугублялось и тем, что Колхозцентром, по линии колхозной кооперации, также не было проявлено необходимого интереса к работе тракторных колонн и, следовательно, к работе по организации населения, по организации и использованию освобождающихся при тракторной обработке земли рабочих рук, тягловой силы и проч.

Мероприятия по организации отдельных предприятий по переработке с.-х. продуктов, по обобществлению таких отраслей, как животноводство и птицеводство,—все эти мероприятия, как правило, ставились не по инициативе руководящих кооперативных центров, а по инициативе самого населения, в лучшем случае—низовых кооперативных организаций. Шло это «самотеком» и поэтому не могло иметь особенно больших результатов.

Важность наличия при работе колонн хотя бы одного постоянного агронома будет понятна, если мы напомним, что тракторные колонны охватывают от 3 до 5 тыс. гект. земли, а из дореволюционной практики известно, что даже мелкое, захудалое помещичье хозяйство в 200—300 гект. считало выгодным и необходимым вести свою работу под руководством агронома, беря последнего либо на службу в свое хозяйство, либо в максимальной степени используя участковую земскую агрономию. Следовательно, вывод отсюда может быть один—в каждой колонне должно быть не менее одного постоянного работающего агронома исключительно для проведения агромероприятий.

При положительной вообще оценке классового направления в работе тракторных колонн необходимо указать, что в их работе местами обнаруживалась нечеткость классовой линии, в частности к этой нечеткости нужно отнести установление натуральной оплаты (в долях от урожая, независимо от классового состава) за тракторную обработку и отсутствие дифференцированной платы, что особенно важно в тех случаях, когда тракторная колонна охватывала все земельное общество в целом, в том числе и кулачество. При такой тоже «классовой» политике кулаку в колонне живется не так уж плохо, так как он лучше других использовывает освобождающуюся у него рабсилу и капитал в других отраслях сельского хозяйства (напр., вкладывая его в продуктивный скот) и в других формах эксплоатации. Отсутствие групп бедноты внутри групп хозяйств, об'единяющихся вокруг колонн, а, следовательно, затруднение и отсутствие отпора со стороны бедноты кулачеству также является большим минусом.

Надо прямо сказать, что эта неорганизованность бедняцкой части населения в ряде случаев давала возможность кулаку использовать и новое дело тракторных колонн для эксплоатации: так в Парьевской колонне (ЦЧО) за то, что у кулака во дворе «стоят тракторы — наполовину в грязи», ему платят 50 руб. в месяц; платят ему за прочие квартирные услуги, нанимают подводы и т. д. Таким образом, кулак на тракторной колонне зарабатывает до 75—100 руб. в месяц (из доклада инструктора).

Неясность политической установки при организации колонн сказалась и в выборе районов для организации тракторных массивов: характерно, что ни в одном районе, где организованы колонны, нет парт'ячейки, нет ячейки комсомола, а следовательно и нет основных пунктов для общественно-политического влияния партии в этих новых коллективах.

К числу крупных недочетов в организации колонн надо отнести также и непонимание, а потому и недооценку этого нового важнейшего дела со стороны партийных, советских и даже кооперативных органов, особенно колхозников, которые,казалось бы, должны быть особенно заинтересованы в деле тракторных колонн. На деле же мы имеем несколько, правда, единичных случаев прямого непонимания значения колонн и попытки противодействия с их стороны делу организации колонн, с требованием раздать трактора мелким колхозам (Сев. Кавказ).

Есть, разумеется, в этом новом деле и спорные вопросы, кроме упоминавшегося основного спора о хозяине колонн, которого мы здесь решили не касаться, важнейшим является вопрос о том, что собой представляет и должно представлять об'единение хозяйств, которые «само-собой» возникают при заключении договора между тракторной колонной, с одной стороны, и представителями данной группы хозяйств--с другой. Казалось бы, что на основании всего сказанного—на этот вопрос надо ответить—«крупный колхоз». Однако, в кооперативной среде есть и другие ответы, которые в общем можно свести к следующему: создающееся вокруг и на базе тракторной колонны производственное об'единение является не колхозом, а кооперативом, сходным, например, с маслодельной артелью. «Какой же это колхоз,—восклицают эти товарищи,—когда его члены сохраняют еще индивидуальные хозяйства, когда кулак еще не прекратил своего существования». Нам думается, что во всех этих рассуждениях есть порядочная путаница. Прежде всего колхоз есть один из видов кооперативов, следовательно, противопоставлять этих понятий нельзя. С маслодельной артелью нельзя сближать тракторные об'единения уже потому, что первая, являясь общественным

предприятием переработки одного молока, как показал многолетний опыт, хотя и стимулирует обобществление крестьянского хозяйства, но недостаточно. И это понятно, поскольку вхождение в маслодельческую кооперацию еще не означает перехода хозяйства на новую техническую базу, а может послужить лишь толчком для такого перехода в дальнейшем. Кроме того, надо иметь в виду, что основой крестьянского хозяйства в подавляющем числе районов является зерновое, во всяком случае полеводческое хозяйство. И пока эта основа, эта глыба не будет сдвинута с места—маслодельная артель не будет рычагом заметной для глаза коллективизации крестьянского хозяйства, именно потому, что наличие артели ни в какой мере не изменяет технической базы всего хозяйства его основной полеводческой части. Совсем другую роль играет тракторная колонна, которая сразу изменяет техническую базу полеводства, т.-е. фактически почти всего хозяйства. Делая прыжок от сохи к полной механической обработке земли в несколько дней или недель, колонна обслуживает тысячи гект. земли, сотен хозяйств, освобождает сотни рабочих рук,—словом, производит целую экономическую и техническую революцию, подготовляя и бытовую. Достаточно этого беглого сопоставления, чтобы понять, мягко выражаясь, неудачность сравнения колонны с маслодельной артелью. Возгласы же насчет кулака уже совсем не убедительны и не серьезны, ибо кулак, в отдельных случаях, у нас пролезает и в другие виды колхозов, где мы с ним боремся так же, как должны бороться и в практике организации тракторных колонн.

Эти споры имеют не только теоретический интерес, они имеют большое практическое значение, ибо из оценки об'единения как «простейшего кооператива», вытекает совершенно иной комплекс мероприятий и темп роста тракторного об'единения от низших к высшим формам колхозного строительства. Мы за колхозную «вывеску» потому, что за ней кроются колхозные, правильнее сказать, неоколхозные, а не старо-кооперативные содержание и направление работы.

Другим спорным вопросом является вопрос о передаче тракторной колонны в собственность организованному и созревшему для этого колхозному об'единению. Менее решительные противники этой передачи осторожно говорят о необходимости подождать с этими разговорами, подумать о том, не лучше ли будет организовать колонны по типу прокатных пунктов и т. д. Наиболее логичные противники этих передач выдвинули идею создания «машинно-тракторных станций» (МТС). Они идут дальше колонн, говоря образно, они идут мимо крестьянина. Они исходят из того, что надо максимально концентрировать средства с.-х. производства исключительно в руках государственных органов, нужно создавать зерновые фабрики, нужно отчуждать орудия производства от производителя хлеба,—словом, производственные отношения города (фабрики) они целиком переносят на деревню.

Нам думается, что и те и другие товарищи ошибаются, недооценивая трудности социалистической перестройки сельского хозяйства, забывают об основном методе реорганизации крестьянского хозяйства по кооперативному плану Ленина через кооперацию, т.-е. «вместе с массой крестьянства», а не при помощи каких-то акционерных обществ по обработке земли германского капиталистического образца. Отвлекаясь от многочисленных организационно-технических трудностей, связанных с работой МТС в 80—100 тракторов, мы считаем, что экономическая революция, которую несет трактор в деревню, должна быть связана с революцией общественных отношений. Ломка же общественного уклада, форм и навыков хозяйствования осуществима лишь при одном условии, когда мы мероприятия коллективизации будем проводить не одной только машиной, а машиной плюс крестьянская общественность.

Вот почему единственно правильным решением вопроса о судьбе, о перспективе развития колонны является решение о передаче на определенной ступени развития колхоза в собственность последнему всего технического оборудования колонны.

Как ни предварительны приведенные здесь данные о первых шагах кооперативно-тракторных колонн, все же они дают право утверждать, что в лице тракторных колонн мы нащупали наиболее удачные организационно-технические формы для действительно массовой перестройки сельского хозяйства на основе крупной современной машинной техники. Оценивая так тракторные колонны, мы вовсе не осуждаем тем самым коллективного движения в прошлой его практике. Эта практика неизбежна и необходима. Но тракторные колонны являются все же такой формой массовой коллективизации деревни, которая сразу и вместе с тем не отпугивая проводят под раздробленное крестьянское хозяйство современную техническую базу, тем самым создавая возможность использовать выгоды крупного машинного производства: благодаря сведения в сплошной массив земли отдельных хозяйств и, следовательно, полного использования производительности трактора и крупных машин, с одновременным в порядке договора проведением ряда агрикультурных мероприятий (сортсемена, зяблевая вспашка, улучшенный севооборот и проч.)—есть возможность в первые же годы заметно повысить урожай и тем самым наглядно показать крестьянину выгоды новой коллективной обработки земли. Без преувеличения можно сказать, что это метод коллективизации не дворов, а целых земельных обществ, деревень и сел.

Концентрация тракторов и сложных с.-х. машин тракторной колонны в одном месте—вместо нахождения их в лучшем случае в 20—30 колхозах чрезвычайно упрощает и удешевляет труднейшее дело технического их обслуживания, ремонта, снабжения нефтепродуктами, и проч., что с народнохозяйственной точки зрения также очень важно.

Тракторная колонна не менее удачное орудие и для осуществления классовой политики партии в деревне: она целиком обрабатывает землю бедняка и середняка, не требуя от владельца ничего, кроме согласия на коллективную обработку. Следовательно, отсутствие инвентаря и лошади у бедняка и середняка, служащее нередко препятствием для вступления последних даже в колхоз, здесь не является препятствием. Наоборот, тракторная колонна пашет тысячи гектаров земли бедняков, до этого пахавшейся кулаком, арендовавшим ее у безынвентарной бедноты, или пахавшим ее для бедноты на кабальных условиях отработок. Этим в частности об'ясняется звериная злоба и сопротивление кулачества делу организации тракторных колонн.

Работа тракторных колонн будет сопровождаться—и чем дальше, тем больше—вовлечением в это дело средств населения. Колонна, концентрируя вложение средств государства в сельское хозяйство на меньшем количестве пунктов, чем раньше, при прочих равных условиях, даст несравненно больший производственный эффект, повысив товарность об'единенных хозяйств, попадая в такт с мероприятиями государства по поднятию зернового хозяйства, в частности по строительству крупных совхозов. В числе других последствий это создает очень благоприятные предпосылки для вовлечения средств населения, необходимых особенно в дальнейшей, более глубокой перестройке данной группы хозяйств. А вложение средств со стороны населения имеет место в работе колонны с первых же шагов: оплата стоимости обработки земли (включая и амортизацию трактора), бесплатная подвозка горючего, воды и пр.

Уже одна обработка земли тракторной колонной освобождает большое количество рабочих рук, до этого занятых тяжелым примитивным трудом

землероба. Поставленная тем самым во всей остроте задача загрузки освобождающихся рабочих рук получает разрешение в форме расширения трудоемких (сырьевых) технических культур, в создании обобществленных предприятий по переработке с.-х. продуктов, кирпичных заводов, развитии рационального животноводства и птицеводства, с постройкой общественных скотных дворов и птичников и т. д.

Это дело, содействуя коренной реконструкции хозяйства, требуя вложения больших собственных средств населения, является одной из важнейших сторон работы тракторных колонн, почему внутренней организации труда в последних и использованию рабочей силы—нужно уделить максимальное внимание.

Имеющиеся попытки мелких колхозов, об'единения и укрепления путем договоров с тракторными колоннами—надо всячески поощрять, как прогрессивное явление, т. к. повышая техническую базу и укрупняя колхозы, тракторная колонна переводит колхоз на высшую ступень развития.

В заключение необходимо отметить, что без особого шума взялась кооперация за это дело. Тем приятнее теперь отметить имеющиеся достижения первых шагов по этому трудному пути. В организации работы тракторных колонн кооперация выполняет общегосударственную, общепартийную задачу. Это обязывает все парторганизации, снизу доверху, внимательно следить за работой колонн и оказать кооперации в этом важнейшем деле самую активную и действительную поддержку.

Р. Палм Датт.

Проблема англо-американского конфликта.

Вопросы британской внешней политики.

Буря, поднявшаяся в англо-американских отношениях, кризис, вызванный франко-британским морским и военным соглашением, избрание Гувера (выражение растущей агрессивности американского империализма), укрепление господствующей над обеими палатами республиканской партии, речь Кулиджа по случаю годовщины перемирия с ее откровенно воинствующим тоном,—все это вместе взятое ярко осветило для всех перспективы мировой ситуации, которая давно предвещалась марксистами. Все, что считалось принципиально правильным, как необходимый результат стабилизации, «классового сотрудничества» и увеличения капиталистической производственной мощности, т.-е. все, что ускоряет приближение к войне, все это принимает теперь конкретные формы, и приближение войны никем не может больше игнорироваться. Это ответ истории на мондизм, рационализацию и либерально-лейбористскую коалицию.

Новая линия в реформистской пропаганде об опасности войны.

Теоретики классового сотрудничества, ставшие пред фактом явно увеличивающегося банкротства их предсказаний о мирном, эволюционном развитии, пытаются теперь приспособить свою пропаганду к создавшейся ситуации. Они уж больше не говорят о гармоническом международном капиталистическом развитии и о мирном характере западно-европейского и американского капитализма (новая книга Прайса, в которой он поддерживает бывшую ранее модной теорию реформистов о заканчивающейся теперь фазе развития, появляется в весьма неподходящий для него момент). Теперь, наоборот, они свободно говорят о военной опасности и представляют ее в сгущенных красках. Но из создавшегося положения они стараются делать явно ложные выводы. Разумеется, нет речи о том, что политика сотрудничества с капитализмом гибельна для рабочего класса, что настоятельно необходима подготовка к решающим битвам рабочего класса. Вместо этого социалмондисты еще больше напирают на необходимость более тесного сотрудничества с капитализмом в целях предотвращения опасности войны. Они проповедуют макдональдовское рабочее правительство, или даже открытую коалицию либерально-рабочего правительства, не только как вопрос «строительства социализма», но, прежде всего, в целях «предупреждения войны» и «спасения дела мира и разоружения». Другими словами, они выдвигают, в качестве средства от болезни ту самую политику, которая, преследуя цели удушения рабочего класса и предоставления свободы действий силам империализма, усиливает лишь военную опасность.

Типичное заявление для выражения этих взглядов можно найти в недавней статье Брэйльсфорда в «Нью-Лидер», защищающей рекламируемую

либерально-рабочую коалицию («Договор с либералами. Из двух зол меньшее», «Нью Лидер» от 10/X/28). Он выдвигает три аргумента «желательной об'ективности», которая могла бы быть достигнута: 1) «приостановление глупости жестокости и безрассудства консервативной внутренней и внешней политики», 2) «работа в интересах Лиги Наций, разоружения и отдаления угрозы англо-американской войны», и 3) «даже и без особенно спорного законодательства многое может быть сделано для разрешения индустриальных проблем». Подводя итог этим альтернативам, мы можем сказать, что вопрос о войне у него имеет преобладающее значение. Он приходит к заключению:

«Ясно, что это предложение ведет к большим жертвам. Ничем нельзя было бы оправдать их, как только той опасностью, которая угрожает нашей стране, на что одинаково явственно указывают как перспективы ее промышленности, так и закулисная работа, подготовляющая почву для заключения союзов, подсчитывающая военные суда и подготовляющая войны. Партия, которая не возьмет на себя риска и не отбросит свои предубеждения ради сохранения всеобщего мира, может в один прекрасный день проснуться с пятном войны на своей совести, которую она не смогла предотвратить. Что касается меня лично, то я не могу себе представить более невинного занятия, чем попытку вместе за одним столом с либералами изыскать пути наиболее действительного содействия работе Лиги Наций, или пытаться разогнать нависшее над Атлантическим океаном облако опасного соперничества» («Нью Лидер», 10/X/28).

Таким образом, путь 1906 — 1914 г.г. будет снова пройден—ради сохранения мира. Самый жестокий критик не мог бы придумать более злой иронии.

Ясно, что здесь все социалистические взгляды и убеждения оставлены позади. Не успела реакция последнего времени соскоблить социалистическую лакировку, как вылез наружу чистейший либерализм. По теории социализма, война является неизбежным продуктом капитализма; и поэтому борьба против войны неразрывно связана с борьбой против капитализма, с классовой борьбой рабочих. Только свержение капитализма может привести к окончательному уничтожению войн, являющихся неотделимым попутчиком империализма, т.-е. современного капитализма. Но сила борьбы рабочего класса может мешать и затруднять политику войны империализма (1920 г. Джолли Джордж и Совет Действия), так же как пассивность рабочего класса облегчает эту политику (1927 г.—Мир в промышленности, война в Китае, разрыв с Советским Союзом). Вопрос о войне, таким образом, является неизбежным аргументом против коалиции. С другой стороны, для либерализма война зависит от bellicose, или от пацифистской политики отдельных государственных деятелей, от замены Болдуин—Чемберлена Макдональдом—Ллойд Джорджем, или Пуанкаре—Бриана Эррио—Кайо. Либеральный или буржуазный пацифизм видит борьбу против войны в союзе «пацифистских» и «прогрессивных» сил за спиной «левых» государственных деятелей капитализма, которые произносят миролюбивые фразы, в то же время поддерживают весь порядок вооружений, империалистского гнета и его политики, или же спиной таких учреждений капитализма, как Лига Наций, проповедующая мирные цели, хотя ее военные стремления неприкрыто обнаруживаются самой ее конституцией и, прежде всего, всей ее практикой. Империализм для них, таким образом, отделяем от политики империализма и совместим с политикой мира. Этот взгляд находится в таком полнейшем противоречии со всем характером современной империалистической ситуации, что представляется необходимым ознакомиться более детально с некоторыми его чертами, и в особенности с действительностью британской внешней политики, последовательность которой Макдональд обязался соблюдать; с отношением Рабочей Партии к этой политике, с целью показать, что путь рабочего или коалиционного правительства, не только не устраняет опасности войны, но, в действительности, ускоряет ее приближение.

Британская внешняя политика со времени Локарно.

Британская внешняя политика со времени Локарно шла по сложному пути. Эта сложность вызывается не разнообразностью ее основных целей, а сложностью тех факторов, с которыми пришлось одновременно столкнуться. Основными целями остаются борьба против революции (против Советского Союза, против колониального освобождения и против рабочего класса) и борьба против соперничающего империализма разных стран. Сложность факторов мы видим, во-первых, в вопросе борьбы против Советского Союза и колоний; во-вторых, в вопросе борьбы против рабочего класса своей страны и, в-третьих, в степени интенсивности и разнообразия империалистических антагонизмов. Теперь необходимо попробовать распутать некоторые из этих узлов.

Локарно представляет попытку связать под гегемонией Британии западно-европейские державы в один блок против Советского Союза. Непосредственная цель этой задачи не была достигнута благодаря различию интересов Франции и Германии, хотя и удалось значительное вовлечение последней в западную ориентацию. Ни Франция, ни Германия не намеревались подчинить свои интересы требованиям британской политики. Германия знала, что ее политическое положение и возрождение зависит от ее умения извлечь наибольшую выгоду из политики противопоставления Советского Союза западным державам, что мощь Советского Союза и соглашение с Советским Союзом являются необходимым базисом для восстановления своей независимости. Таким образом, через несколько месяцев, вслед за подписанием локарнского пакта последовало возобновление пятилетнего советско - германского договора, а вхождение в Лигу Наций сопровождалось специальными оговорками о нейтралитете, выраженными в приложениях к договору. Германия не намеревалась входить в блок против Советского Союза, она пошла бы на это только в случае солидной компенсации, которая гарантировала бы ее независимую мощь, т.-е. эвакуации, урегулирования репараций, права на вооружение, возвращения колоний. Британия не намеревалась уступать колоний; эвакуация и остальные вопросы зависели от Франции, которая не собиралась жертвовать своей гегемонией ради интересов Британии. Сначала Франция противилась Локарнскому пакту, при котором баланс сил был в пользу Британии; целью же ее и до, и после подписания пакта было заключение союза для поддержания ее гегемонии в Европе или с Британией (согласно ее первоначальных предложений к пакту, а ныне реализованных в возобновленной Антанте) или же путем франко-германского соглашения (Туари). Таким образом, непосредствення цель Локарно не достигла какого-либо решительного результата.

Новые формы антисоветского фронта.

Непосредственная цель Локарно не была достигнута, и последующие попытки создания заново западно-европейского блока для борьбы против Советского Союза в 1927 году (разрыв с Советским Сюзом, примеру которого, вопреки ожиданиям, не последовали) и в 1928 году (поездка Биркенхеда в Берлин) пока еще не увенчались успехом. Но было бы громадной ошибкой считать Локарно мертвым и еще более ошибочно было бы считать неудавшимся антисоветский блок, остающийся важнейшей целью британской внешней политики. Пункты Локарнского пакта все еще живы и в совершенно не-

ожиданный момент могут воскреснуть. «Решительно неудобные» (по словам корреспондента «Таймс») вопросы Бенеша на собрании в Локарно в апреле 1926 года: 1) кто определит роль нападающего в случае войны с Россией, Лига Наций или Германия; 2) в случае об'явления бойкота России, обязывает ли это и Германию, как члена Лиги Наций; 3) может ли оговорка Германии о нейтралитете изменить параграф 16 Лиги,—эти вопросы все еще остаются без решительного ответа (бывшие союзные державы говорят в своей коллективной ноте Германии в приложениях к Локарнскому пакту одно, а именно: военные обязательства пар. 16 абсолютны и обязательны для каждого государства; Германия в ноте Штреземана на имя Крестинского в приложениях к советско-германскому договору говорит совершенно противоположное, т.-е. военные обязательства, согласно параграфа 16-го и определение вопроса, кто является нападающей стороной, абсолютно подлежит независимому суждению Германии), обсуждение этих вопросов в германских политических кругах во время подписания пакта и после этого так и не дало ясного ответа.

Точные обязательства Германии, согласно Локарно и устава Лиги Наций, все еще остаются покрытыми дипломатическим туманом. Можно вспомнить неосторожность германского министра иностранных дел фон-Шуберта, заявившего в интервью корреспонденту «Эксцельсиор», что, согласно Локарнского пакта, Германия обязалась разрешить пропуск французских войск для поддержки Польши или Чехо-Словакии. Это заявление повело к предположению о том, что, поскольку в опубликованном тексте эти оговорки не упоминаются, в Локарнском пакте могут быть секретные пункты. В действительности, нет нужды в таких предположениях, ибо внимательное чтение параграфа 2-го пакта допускает именно то толкование, которое дает фон-Шуберт, так как параграф 16-й Лиги уже ясно обусловливает пропуск войск. Опубликованные пункты и оговорки Локарно и статута Лиги уже предусматривают такую удушающую сеть военных обязательств, с которыми едва ли может по своим размерам сравниться любой до-военный союз; только в данном случае пацифисты особенно крикливо выражают свою поддержку и поклялись пойти на войну, когда кто-нибудь из старых джентльменов Совета Лиги Наций, какой-нибудь Пуанкаре, Чемберлен или Муссолини подаст сигнал. В настоящее время подчеркивание этих обязательств невыгодно для политики империализма; в настоящей стадии, как и в довоенной Антанте, выставляется пацифистская сторона, а обязательства схоронены под общим филантропическим туманом. Ни союз Лиги Наций, ни г. Бернард Шоу, ни г. Клайнс не затрагивают эти реальные факты, когда Лигу выставляют пред добродушными и наивными людьми в качестве орудия мира. Тем не менее, обязательства будут иметь в свое время гораздо большее значение, чем какой-нибудь бельгийский договор или антантовские долги чести.

Что несомненно, так это то, что в будущем пункты и обязательства Локарно и статута Лиги Наций, на которые все пацифисты дали свое согласие с таким же энтузиазмом, с каким они приветствовали первое основание старой англо-французской Антанты, в критический момент вдруг оживут, будут представлены европейским народам, как священные обязательства чести в деле мира и гуманности и вся их антисоветская действительность будет обнаружена. В этом смысле Локарно так же жив в настоящее время, как и в день его подписания. Высшая цель британского империализма в настоящий период не изменилась из-за временных ударов по его непосредственным надеждам, но он только меняет формы и методы ее реализации. Прямая попытка организации фронта западных и центрально-европейских держав против Советского Союза оказалась более трудной, чем это предполагалось. На сегодняшний день, соответственно моменту, гораздо больше внимания сосредоточено, с одной стороны, на англо-французском совместном выступлении, а с другой,—

на лимитрофных государствах, Румынии, Польше, Прибалтике и Финляндии. Если можно будет начать войну через Румынию и Польшу под каким-нибудь обычно легко фабрикуемым предлогом «вторжения», или чего-нибудь вроде этого, чтобы заклеймить Россию «зачинщиком» (Элию Рут говорили, что «хорошая дипломатия состоит в том, чтобы повести дело при назревании конфликта между двумя нациями, таким образом, чтобы соперник оказался нарушителем закона»,—британская дипломатия 1914 года была примером такой «хорошей дипломатии»); тогда будет найдена также возможность использовать Локарно и Лигу и втянуть в это дело западно-европейские державы с соблюдением Германией, по крайней мере, пассивного нейтралитета. Таков очевидный непосредственный расчет, и в соответствии с этим безостановочно идет деятельность британских и французских военных, морских и воздушных штабов в лимитрофах.

Эту основную линию британского империализма важно всегда иметь в виду, как потому, что временные провалы известных планов легко могут усыпить рабочих, особенно при помощи пропаганды лейбористского реформизма, старающегося ослабить их бдительность, так и для того, чтобы временное обострение англо-американского кризиса не создало бы одностороннего взгляда на будущие перспективы. При капитализме война всегда может вспыхнуть во многих формах, на многих фронтах, по многим причинам; всякие определенные предсказания в этом отношении глупы; важен только принцип. Но англо-американский антагонизм является антагонизмом гигантских размеров, с весьма сложным процессом вызревания. Непохоже, чтобы в ближайшее время, когда капитализм видит, что вопросы революции все еще не сняты, когда в тылу существует еще несверженный Советский Союз,—было возможно решительное столкновение интересов; риск для этого слишком велик, и империалисты всех стран это хорошо сознают. По этой причине враждебность к Советскому Союзу остается главным вопросом империалистической политики на данной стадии, хотя развитие капиталистической стабилизации неизбежно ведет к огромному обострению внутри-империалистских антагонизмов.

Рабочее правительство и англо-советские отношения.

Ни рабочее, ни либерально-рабочее правительство не нарушат этой основной линии политики. Возможно, что она поведет к временному «признанию» Советского Союза, хотя признание Рабочим Правительством в 1924 году было уступкой, сделанной под непосредственным нажимом рабочего класса, и тогда даже отказавшимся назначить посла. Но необходимо помнить, что весь процесс Локарно был проведен одновременно с формальным «признанием». Признание не будет иметь влияния на реальную линию политики—на деятельность военных, морских и воздушных штабов. Влияние Рабочего Правительства на эту деятельность будет не больше, чем его влияние в 1924 году на деятельность тайной полиции (на вопрос, как применяется «закон о чужестранцах», Джойнсон Хикс недавно ответил, что количество отказов во в'езде во время Рабочего Правительства было выше, чем в любой год правительства Болдуина—о скольких из этих 2.485 отказов Гендерсон имел представление; делал ли он какие-либо попытки к вмешательству?). Но условия для активного сотрудничества Рабочего Правительства уже существуют. Макдональд уже в достаточной мере доказал, что он ни на шаг не отошел от своей патологической ненависти к Советам, которая довела его до того, что искусные буржуазные чиновники сыграли на ней и привели его к бездне «Зиновьевского письма» с печальными последствиями для его «доверчивости» и «делового обращения». Как близко он стоит к точке зрения текущей империалистической линии, доказывают его недав-

ние выступления и особое подчеркивание роли прибалтийских государств: «Страны, граничащие с Россией, не питают никаких иллюзий насчет политики большевиков. Мы же, в Англии, слишком склонны верить советской пропаганде о разоружении, мире и тому подобных вещах». («Форворд». 20/X-28.). Точно так, как либеральный кабинет был использован для вступления в антигерманскую войну, в то время, как консервативный кабинет вызвал бы широкие разногласия, так и Макдональд будет использован (что не исключает того, что он сам пойдет этому навстречу), когда назреет момент, для войны против Советского Союза, к тому же гораздо эффективнее, чем какой-нибудь Чемберлен.

Поворотные пункты в британской внешней политике в 1926 и 1927 гг.

Поражение временных целей Локарно в период, непосредственно за ним следовавший, отразил еще один фактор, понимание которого имеет величайшее значение для полного уяснения внешней политики, ибо дает возможность понимания настоящей линии в противовес благовидной альтернативе Макдональдовского рабочего правительства. Этот фактор—классовая борьба. Локарнский пакт был подготовлен и организован в течение большей части 1925 года. Но был заключен не ранее октября 1925 года и подписан только в декабре 1925 г. К этому времени правительство Болдуина окончило свои подготовления к приближавшейся гигантской внутренней борьбе.

В течение 1926 года британский капитализм был потрясен величайшим в своей современной истории конфликтом с рабочим классом. И в течение всего 1926 года внешняя политика Британии находилась в закате. Успехи в Китае развивались без особенных препятствий. Германия ответила на Локарно заключением Германо-Советского договора в апреле 1926 г. Вовлечение Германии в Лигу Наций потерпело в марте фиаско и только в октябре оно окончательно завершилось. Франция проявила свою независимость подписанием франко-турецкого договора в Ангоре в феврале 1926 года, в то самое время, когда Англия сцепилась с Турцией из-за Моссула,—открытием в феврале франко-советской конференции и временным франко-американским соглашением о долгах. Наконец, в сентябре Франция и Германия пришли, отдельно от Англии, к открытому соглашению в Туари, был организован континентальный стальной картель. Комментарии английской прессы обнаруживали беспокойство, с которым английский империализм следил за развитием этих событий. В следующем месяце, в октябре 1926 года, Пан-Европейский конгресс в Вене, при участии французского министра, б. австрийского канцлера Зайпеля, германского председателя рейхстага Лебе, и б. канцлера Вирта и других таких же официальных и полуофициальных лиц, праздновал континентальное единство против «англо-саксонского капитализма». В течение этого периода Британии оставалось только добиваться поддержки Италии, как своего единственного и дорого-стоящего союзника, для отпора Турции и Франции; соглашение об итальянском долге было достигнуто на основе отказа от шести седьмых всего итальянского долга, а встреча в сентябре Чемберлена и Муссолини в Лугано была попыткой ответа на Туари. Нет более ярких примеров, чем события 1926 года, которые бы так ясно доказывали *тесное отношение между классовой борьбой и мощностью или слабостью империализма и его политикой*.

1927 год видит английскую буржуазию победоносной и ликующей. Опьяненная победой, несмотря на потери, она сразу же, подтянув вожжи, приступила к организации контрреволюционного похода в мировом масштабе. Немедленно началась война против Китая, и в апреле ей удается внести разрыв в ряды националистов, благодаря предательству китайской буржуазии.

В мае последовал разрыв с Советским Союзом. Финансовый нажим Англии, согласно французских и германских сообщений, уже был в состоянии помочь разбить соглашение в Туари (которое, во всяком случае, не лишено было своих собственных затруднений при переговорах об эвакуации); Англия и Франция снова сблизились; близкие отношения с Италией подверглись охлаждению, и в мае 1927 года произошло явное возобновление Антанты с церемониальным визитом президента Думерга и министра иностранных дел Бриана в Лондон. Это возобновление Антанты весной 1927 года, знаменующее собой шаг в сторону от Локарнского об'единения (замечательно, что в это же время, в начале 1927 года, германские националисты снова вошли в кабинет, из которого они вышли в знак протеста против Локарнского пакта), является поворотным пунктом в британской внешней политике настоящего периода. Она — Антанта—представляет непосредственный стратегический контрреволюционный союз французской армии и британского флота, двух самых могущественных сил Европы, т.-е. еще большее приближение к условиям войны. Она ведет к еще большему приближению фронта против Советского Союза (французское требование об отозвании Раковского последовало в октябре 1927 г.). Она отражает возрождение нового германского империализма и возобновленную угрозу британскому капитализму германским экономическим под'емом. Но она также отражает, как показали события этого года, рост другого фактора, значение которого быстро развивается, появление на первом плане англо-американского антагонизма.

Англо-американский антагонизм.

Англо-американский антагонизм сам по себе не нов, но он сейчас выдвинулся на первый план мирового империалистического антагонизма, который, наконец, начинает выявляться, хотя все еще далек от той напряженности, в которую он неизбежно разовьется. В той или иной форме англо-американский антагонизм всегда существовал, то ослабевая, то обостряясь, со времени основания республики после революционной войны за независимость. Главной осью развития этого антагонизма являлся вопрос о британском морском владычестве,—выражение мировой торговой монополии,—даже в настоящей империалистической фазе развития, при наличии сотен новых и напряженных точек для конфликтов, вопрос о морском владычестве остается центральным. Война 1812 года была войной против британского маринизма. Доктрина Монроэ 1823 года была ответом на Священный Союз и его план «положить конец правительствам, имеющим систему представительств» и восстановить «законные правительства» не только в Европе, но и, поскольку возможно, вне ее, т.-е. возвратить испанские колонии Испании (в этом вопросе британская политика считала целесообразным стать на сторону Америки, но, тем не менее, доктрина была направлена и широко использована против британской экспансии) [1]).

---

[1]) Следует отметить, что Соединенные Штаты, сами бывшие в прошлом столетии представителями демократических и «незаконно приобретенных прав», теперь заняли позицию, воплощающую дух «Священного Союза» тем, что *Америка явно нарушает доктрину Монроэ своим отказом признать Советский Союз*. Послание президента от 2 декабря 1823 года, формулирующее доктрину Монроэ, гласит:

«Наша политика в отношении Европы, усвоенная в первой стадии войн, так долго волновавших часть Европы, остается прежней, т.-е. невмешательство во внутренние дела какой-либо из европейских держав, рассматривать каждое правительство де факто, как законное для нас, и развивать с ним дружественные отношения...» Если бы американские государственные деятели были честными людьми, они отбросили бы доктрину Монроэ и заменили бы ее принципом американского мирового империализма.

В гражданской войне британская буржуазия была всецело на стороне рабовладельцев и гражданская война превратилась бы в настоящую, если бы не сильная оппозиция рабочего класса (еще одно лишнее доказательство тесного взаимоотношения между классовой борьбой и внешней политикой). С развитием империалистического периода антагонизмы обострились. В 1895 году вопрос о Венецуэле едва не вызвал войну. В 1898 г. Рузвельт мог открыто высказаться в пользу войны с Британией»: «Я хотел бы, чтобы направление внешней политики имело окончательной целью изгнание с этого материка всех европейских держав. Я бы начал с Испании и закончил бы всеми другими европейскими нациями, включая Англию». (Т. Рузвельт, 9 февр. 1898 г., приводится в сочин. Дж. В. Бишопа «Теодор Рузвельт и его время», том I, Нью-Йорк 1920 г.).

В двадцатом веке Панама и Мексика стали предметом натянутых отношений. Во время войны 1914—1918 гг. Соединенные Штаты вмешались бы непосредственно в дела британского маринизма, если бы ее материальные интересы не были слишком тесно связаны с союзными державами. И только после крушения германского империализма в 1918 г. обнажился основной англо-американский империалистический антагонизм.

С того момента, как устранен был с дороги германский империализм, стало очевидным, что бывший англо-германский антагонизм уступил место еще большему мировому империалистическому антагонизму, британскому и американскому, который стал осью внутриимпериалистических взаимоотношений и неизбежно поведет к новой небывалых размеров всемирной войне. В первый стремительный наплыв событий, сейчас же после войны, некоторое время казалось, что этот новый антагонизм созревал с бешеной быстротой. Уже в 1919 году полковник Хауз писал президенту Вильсону (30 июля 1919 г.) «Почти сейчас же по моем приезде в Англию, я почувствовал враждебность в отношении Соединенных Штатов... Отношения между обеими странами начинают принимать такой же характер, какие были между Англией и Германией до войны».

В 1920 году последовала обостренная переписка между Керзоном и Кольби по поводу Сан Рэмо и месопотамской нефти. Соединенные Штаты ушли из Европы. В 1921 году Британия заложила четыре сверхдредноута, по 45.000 тонн каждый.

Но это бешеное наступление и вызов британского империализма послевоенной ллойд-джорджевской эры не могли продолжаться. Послевоенный экономический «бум» в Британии был недолговечен. Зимой с 1920 г. по 1921 г. снова началась экономическая депрессия, которая продолжается беспрерывно в течение восьми лет и до настоящего дня. Британский империализм должен был спрятать свои когти. Оставалось примириться с поражением, понесенным в конце 1921 г. в результате Вашингтонской конференции, где Соединенные Штаты могли заставить Англию без боя, на основании своего экономического превосходства и строительной мощи, принять принцип морского равенства и, следовательно, формальный отказ от морского владычества (в действительности, адмиралтейство, как показали последующие события, имело другие планы) и отказ от ценного англо-японского союза. Необходимо заметить, что в вынужденном отказе от англо-японского союза давление доминионов, в особенности Канады, играло немаловажную роль. Отказу от союза Соед. Штаты придавали особое значение. Сенатор Лодж мог даже заявить в сенате, что «главным и наиболее важным пунктом договора является разрыв англо-японского союза. Это было главной целью договора». Фактически остается под сомнением вопрос, насколько этот отказ был не больше, чем простая формальность. Через год было достигнуто соглашение о долгах, заключенное Болдуином. Британия нуждалась в помощи Америки, чтобы ответить на агрессивность Франции и ее наступление

в Руре. Это было окончательно достигнуто посредством плана Дауэса, а в 1924 году начался период напряженного англо-американского сотрудничества в деле умиротворения и финансового проникновения в Европу. Такое сотрудничество с самого начала было неустойчивым. Уход Соед. Штатов с конференции по опиуму в 1925 г., после открытого конфликта с британской делегацией, острые разногласия между Меллоном и Черчилем в 1926 г. и письмо Хоутона о положении в Европе являются показателями скрытых враждебных сил. Но окончательный разрыв последовал только в 1927 году.

Причины обострения англо-американских антагонизмов в 1927—1928 гг.

Почему это напряжение приняло такой острый оборот, вылившийся в форму разрыва женевской конференции 1927 года и в продолжительный кризис в течение всего этого года? Основной ответ на этот вопрос лежит, несомненно, в интенсификации капиталистической экономической деятельности и конкуренции, вытекающей из восстановления капитализма при помощи англо-американского сотрудничества. Экономический антагонизм между Америкой и Британией развивается и с каждым годом все повышается. С каждым годом американские товары все больше и больше вытесняют британские товары с их рынков, а рационализация еще усиливает кризис. Уже в 1923 году, согласно «Обозрения заморской торговли», Соединенные Штаты экспортировали на 48% промышленных товаров больше, чем в 1913 году, в то время, как британский экспорт за это время сократился на 27%, при чем даже для достижения этих результатов все сильнее возрастает его зависимость от контролируемых Британией колониальных рынков. Диспропорция еще более значительно расширяется в новых странах: в Южной Америке, Азии и Австралии. Американское экономическое проникновение вытесняет британские товары даже из собственных доминионов Англии, а вместе с этим растет и американское политическое влияние. Борьба за сырье, особенно за нефть и каучук,—всем знакомая история. Экспорт капитала Америкой оставил Британию позади и за последние четыре года ее экспорт по сравнению с Британией удвоился.

В ответ на некоторые цифры, данные Гувером, «Экономист» недавно опубликовал «расчетный баланс» (т.-е. баланс после составления всех расчетов по видимому и не видимому экспорту и импорту и показывает, таким образом, чистый экспорт нового реального капитала), показывающий, что с 1922 по 1927 гг. включительно баланс Великобритании был более высок, чем баланс Соед. Штатов и что Британия все еще занимает первое место. Но даже эта таблица за 1925, 1926 и 1927 гг. показывает высокое превосходство Соед. Штатов. Это означает, что это превосходство именно и есть результат последних нескольких лет, со времени плана Дауэса. Настоящий конфликт только начинается. Только одна десятая доля американской продукции сейчас выбрасывается на мировой рынок, только одна пятая часть годичного накопления идет за границу. Но эта пропорция неизбежно вырастает с увеличением производительной мощности и накопления, а вместе с этим ростом увеличивается антагонизм. Как раз это обострение экономического антагонизма отражается в новом морском соревновании в постройке крейсеров в после-вашингтонский период и, наконец, в открытом политическом разрыве женевской конференции в этом году.

В начале 1927 года Китай занимал центральное место в международной ситуации и как-раз здесь англо-американский антагонизм достиг своего наиболее острого напряжения (как напоминает об этом недавний выпад консервативного члена парламента Самюэля в его речи в «Клубе 1917 г.», где он с неистовством обвинял Соед. Штаты в том, что они устраивали заговор

против британцев в Китае, и даже в том, что они подстрекали к анти-британскому бойкоту и что во всех сферах политики они преследуют их высшую цель—господство над Британией. Следует отметить, что Самюэль является директором «Шелл Транспорт и Трейдинг К°» и «Англо Саксон Петролеум К°»).

С нападками Гувера, каучуковый кризис достиг критической стадии и усилился развал ограничительного плана, что повело к окончательной отмене его в этом году. Развивалась открытая борьба между «Стандарт Ойль» и британскими интересами из-за советской нефти, которая летом вылилась в словесную полемику. Новое морское соревнование в постройке крейсеров в после-вашингтонский период приняло более острые формы. Наконец, в результате морской конференции в Женеве в конце лета наступил открытый политический разрыв. Британия немедленно отказалась принять политические требования о равенстве всех крейсеров на основе ограничения общего тоннажа, а Черчиль после конференции заявил:

«Мы ни сейчас и, надеюсь, ни в будущем году не намерены включить в торжественное международное соглашение таких слов, которые обязывали бы нас придерживаться принципа математического равенства в морских силах».

За этим последовала программа морского судостроительства Соед. Штатов и франко-британские военно-морские переговоры.

Почему Великобритания, в отличие от сравнительно уступчивой политики предыдущих лет, начиная с 1922 года, усвоила непримиримую линию в 1927 году? Во-первых, продолжительная экономическая депрессия гонит Британию на путь опрометчивой политики; с каждым годом Соед. Штаты делаются относительно сильнее. Во-вторых, победа над рабочим классом в 1927 году дала ей, наконец, уверенность для ведения более твердой линии; промышленный мир и мондизм создают основу для агрессивной империалистической политики. В-третьих, и это является в высшей степени важным, поскольку более слабая Британия должна форсировать свою борьбу против Соед. Штатов; это значит, что она, так же, как и при подготовке войны с Германией, которая экономически вытесняла Британию, должна создать цепь союзов против мощного врага. Около 1927 года этот процесс, наконец, начал приносить плоды. Новая франко-британская антанта была основана весной 1927 года. Военно-морские переговоры нынешнего года только подкрепляли эту антанту. Хэрстовские разоблачения секретного письма французского министерства иностранных дел вскрыли, что расчеты основаны на предположении будущей неминуемой войны. (Достойно внимания, что французский официальный гнев был направлен не против общего разоблачения соглашения, которое фактически поощрялось разрешенными разоблачениями во французской полуофициальной прессе, а против разоблачения Хараном секретного письма, которое дает ключ всей политики). Одновременно англо-японское соглашение открыто возродилось после Женевской конференции.

Англо-японские отношения.

Значительность англо-японского соглашения (особенно подчеркнутая в недавней речи короля) не получила такого же освещения в прессе, как англо-французское соглашение. Для всякого, кто внимательно следил за англо-японскими взаимоотношениями после Вашингтонской конференции, могут возникнуть сомнения, не был ли отказ от старого англо-японского соглашения после Вашингтона, несмотря на разногласия на Дальнем Востоке из-за Китая, чисто внешним. Например, на прощальном обеде в честь барона Хаяши в июле 1925 года принц Иоркский заявил:

«После этого мировое общественное мнение высказалось против военных союзов, а наш союз с Японией развился в пакт, охватывающий главнейшие страны, имеющие интересы на Тихом океане для обеспечения мира в той части света. Но дружба между Великобританией и Японией была и остается основой, от которой зависит мир на Дальнем Востоке».

А Чемберлен заявил:

«Хотя союз уступил дорогу более широкому соглашению, чувства, которые вызывали необходимость в союзе, так же живы сейчас, как в день подписания договора. Я надеюсь, что японцы признают, что мы лойяльны не только по отношению к букве, но и к духу этого обязательства». («Таймс, 1/VII—25 г.).

После Женевы, однако, англо-японское соглашение возродилось открыто. «Тан» писал:

«Женева целиком изменила положение, созданное в Вашингтоне в 1922 году, когда Великобритания пожертвовала англо-японским союзом ради американской дружбы. С возможностью создания новой англо-японской антанты следует считаться».

Женевский корреспондент «Таймс» заявил:

«Возможность возрождения старых отношений обсуждается на тот случай, если конференция не окончится обещанным успехом. Если союз, расторженный по требованию Америки, возродится, то полагают, что он возымеет влияние на морскую политику в Тихом океане на долгое время. («Таймс», 20/VII—27 г.).

Возвращение к власти правительства Танаки в апреле 1927 г. уже создало основу для более близких взаимоотношений. «Вашингтон-Пост», полуофициальный орган американского империализма, зашел в своем заявлении так далеко, что осмелился заявить: «Государственный Департамент (Мининдел) получил официально из надежных источников сведения о том, что Великобритания и Япония пришли к взаимно-удовлетворяющему секретному соглашению по поводу будущего морского первенства». («Вашингтон - Пост», 25/VIII—27).

А в речи короля в нынешнем году был специально использован случай, чтобы заявить:

«Историческая дружба, которая в течение стольких лет об'единяла Японию и мою страну, всегда была мощным фактором в сохранении мира на Дальнем Востоке».

На пути к двум мировым блокам.

Открывающиеся здесь перспективы имеют далеко идущее значение. Это значит, что на основе признаков 1927—1928 гг. после многих изменившихся и неустойчивых об'единений послевоенного периода, основное мировое об'единение, повидимому, принимает определенные формы. В процессе оформления находятся два мировых блока. С одной стороны, мы имеем Британию (с ее спутниками), Францию (с ее спутниками) и Японию. С другой стороны, мы имеем Соединенные Штаты со странами, находящимися в сфере их влияния. С Соед. Штатами, весьма вероятно, в Европе идут Германия и Италия. Германия экономически весьма тесно связана с Америкой. (Интересный анализ в «Европейском Ежегоднике» за 1928 г. показывает, до какого размера американский капитал проник почти во все важнейшие германские промышленные концерны). Можно напомнить категорическое заявление канцлера Мюллера в сентябре с. г. в Женеве о том, что «Германия никогда не даст

своего согласия на образование единого фронта против Соединенных Штатов». («Таймс» 17/IX—28). Италия еще в большей мере находится в закладе у Америки; Муссолини является немногим больше, чем американским судебным приставом. Следует еще отметить заявление «Тевере» в связи с франко-британским соглашением о том, что «итальянская внешняя политика может ориентироваться скорее в сторону Берлина, Москвы и Ангоры, чем в сторону Лондона и Парижа». Вне Европы Соединенные Штаты контролируют американский континент, несмотря на существующий антагонизм; возлагают надежды на Канаду, ухаживают за Австралией (посещение представителями Соед. Штатов Австралии), а в Азии налаживают близкие отношения с китайским национальным правительством (пригласившим на службу германских советников), направленные против Британии и Японии.

Это об'единение, если оно будет развиваться с такой же быстротой, как указывает нынешнее развитие событий (фактически это об'единение гигантской мировой важности не развивается так просто по одной прямой линии, а проходит через серию зигзагов, через кризисы и временные ослабления к окончательному кризису), может при настоящей кон'юнктуре иметь важное влияние на взаимоотношения с Советским Союзом. Соединенные Штаты, несмотря на свирепый антибольшевизм Гувера, могут, благодаря их антагонизму к Британии и Франции, быть дипломатически вынужденными завязать более тесные экономические отношения с Советским Союзом. Признаки этого очевидны в непримиримом отношении «Стандарт Ойль» к британским протестам по поводу покупки советской нефти и в недавнем договоре «Дженерал Электрик К°» с Амторгом, охватывающем долгосрочные кредиты на сумму до 26.000.000 долларов. В отношении этого договора вашингтонский корреспондент «Таймс» сообщает, что «договор имеет политическое значение, которое полностью здесь признается, вопреки молчанию государственного департамента (мининдел) по этому вопросу», и что «хотя об официальном изменении политики не было об'явлено, можно ожидать, что другие последуют этому примеру», создавая, таким образом, «экономические побуждения для признания России Соединенными Штатами» («Таймс» 18/X—28). Возможно, что Британия, в целях самозащиты, будет вынуждена возобновить отношения с Советским Союзом и что Рабочее правительство может оказаться выгодным для буржуазии, чтобы использовать эту перемену и провозгласить о «прогрессивном» триумфе (который на деле не приостановит антисоветской подготовки). Осторожность, однако, необходима при гипотетических расчетах такого характера, поскольку на арену могут выступить такие факторы, которые могут сильно изменить положение. Единственно ясным является тот принцип, что быстрота развития межимпериалистических антагонизмов благоприятствует положению Советского Союза (стоит напомнить прошлогодний горячий призыв Гарвина о том, что если бы только Британия и Америка могли держаться вместе, большевизм исчез бы с лица земли, как дым). Но концентрация всех империалистов против Советского Союза остается, а Британия может даже пытаться отсрочить окончательный кризис сделкой с Соед. Штатами за счет Советского Союза.

Соответственно этим развивающимся двум мировым блокам, мы находим то, что Лапинский охарактеризовал в своем недавнем интересном анализе «Британо-Американские отношения», как две «мирные системы». С одной стороны, Лига Наций, представляющая и руководимая Британией и Францией, зацепилась якорем за систему Версаля. Лига Наций представляет общественно-удобный дипломатический канал для франко-британской политики (так, например, военно-морское соглашение формально было достигнуто в связи с обсуждениями Лигой вопроса о разоружении). Совет Лиги находится под действительным контролем Британии и Франции. Совершенно явно для всех, что Германия вступила в Лигу только на основании того, что ей удалось

выторговать при сильных внутренних разногласиях по этому вопросу, которые все еще продолжаются. Италия открыто враждебна Лиге. Лига Наций является орудием войны. Оно будет пущено в ход в тот момент, который по решению британской и французской политики потребует от них выполнения законного военного обязательства и их морального оправдания в глазах человечества. С другой стороны, как только Соед. Штаты, в начале стремившиеся установить свою гегемонию посредством Лиги Наций (имея Вильсона в качестве посредника-председателя), убедились в том, что они не могут контролировать Британию и Францию, выступили из Лиги и порвали с нею всякую связь. Соед. Штаты разработали свою «мирную систему» посредством пакта Келлога.

В то время как Британия и Франция подписали пакт Келлога со значительными оговорками, чтобы принятие ими этого пакта было только лишь формальным (американское правительство в лице Келлога категорически отказалось признать за этими оговорками какую-либо обязательную силу), Германия немедленно подписала пакт без оговорок. Пакт Келлога не имеет твердого и сурового характера Версальской Лиги; пакт не имеет договорной основы и не предусматривает санкций. Но как раз эта самая эластичность лучше всего подходит для целей Соед. Штатов, которые не хотят связываться с существующим территориальным разделом мира (Британия и Франция—державы, обладающие колониями, а Германия, Италия и Соед. Штаты—державы, для которых важен передел колоний), а также подчиниться какому-либо сверх-национальному органу, в котором они были бы в меньшинстве. Самый характер эластичности пакта Келлога оставляет действительное руководство в руках Соед. Штатов, которые в свое время сами определят, кто является нападающей стороной, и используют воинственный клич о нарушении пакта Келлога для своего морального оправдания и для отпора Лиге Наций при вступлении С. Ш. в войну.

Политика рабочей партии и война.

В этой динамической ситуации гигантского развития империалистического антагонизма, в которой мирные системы являются только частью дипломатическо-стратегических маневров и техники, мелкобуржуазные демократические империалистские государственные деятели, всякие Макдональды и Клайнсы, Эррио и Бонкуры выскакивают вперед и заявляют, что, если бразды правления будут переданы в их руки, все будет хорошо. Что они могут сделать, если бы у них даже было серьезное желание, которого у них нет (в действительности их удовлетворяет последовательность во внешней политике и прислушивание к чиновникам министерства иностранных дел), чтобы изменить факторы мировой капиталистической экономики. Они умеют делать пацифистские жесты, они умеют произносить пацифистские речи. Они могут окутать и освятить стратегические цели своих, соперничающих между собой, империализмов и «мирные системы» в моральные и пацифистские фразы. Они умеют испытать обычные пути умиротворения и примирения. Они могут посылать миссии Холдэйна. Они могут предлагать и даже на время добиться смягчения морских соревнований. Но они не могут изменить основных движущих сил и направления империалистической машины, часть которой они сами составляют. Такие перемены могут быть достигнуты только в результате разрушения самой машины, в результате революционных действий рабочего класса.

Но в действительности у них нет даже намерения попытаться произвести такую перемену. Они душой и телом на стороне своих соперничающих империализмов. Их «пацифизм» сидит на них так же легко, как квакеризм на Гувере, который, желая повысить свои шансы в качестве канди-

дата Биг. Бизнес (капиталистических магнатов) американского империализма, аккуратно посещал квакерские молитвенные собрания по воскресеньям. Само рабочее правительство закладкой пяти крейсеров в 1924 году положило начало после-вашингтонскому морскому соревнованию. Это при рабочем правительстве 1924 г. смета Портона (Портон—поле для экспериментов ядовитыми газами) достигла наивысшего предела в сравнении с предыдущими годами. Это при рабочем правительстве был отдан приказ о бомбардировке Ирака, и его министр по делам воздухоплавания, лорд Томсон, после отставки так описывал процесс бомбардировки в ноябре 1924 года:

«Эффект нашей воздушной атаки был ужасен. 700 туземцев было убито, а остальные, охваченные паникой, убежали в пустыню, где многие сотни из них погибли от жажды...»

«При настоящем положении вещей британские воздушные силы в Ираке являются цементом, который удерживает кирпичи от распада».

(Из речи лорда Томсона в «Рояль Юнайтед Сервис Институшон», «Таймс», 20/XI—24 г.).

Вот этим людям Брейльсфорд и ему подобные советуют рабочим доверить свои стремления к миру.

Не этим путем рабочие будут драться с империализмом. Коалиция, мондизм и мир в промышленности являются лучшей поддержкой империализма и прямым подготовлением к войне. В этом заключается в данной стадии наиболее важное значение прямого сотрудничества вождей Генерального совета и Рабочей партии с вождями британского империализма. Усиление классовой борьбы и независимая борьба на всех фронтах есть усиление фронта против войны. Борьба рабочего класса против империалистической машины может итти только по пути разрушения самой империалистической машины. Перед рабочими, как и перед угнетенными народами всех стран стоит только одна определенная задача: разрушить империалистическую машину, иначе она его разрушит. Если рабочий класс, совместно с революционно-национальной борьбой, сможет свергнуть империалистическую машину до того, как она проложит путь к неизбежной новой мировой войне, тогда и только тогда, и ни под какими другими условиями, человечество сможет избегнуть неизмеримых ужасов второй мировой войны. Но если реформистам удастся удержать рабочих от выполнения их задачи, тогда империалистическая машина неизбежно приведет к войне. Дело рабочего класса подготовиться к этому вопросу и обсудить те задачи, которые уже сегодня являются срочными в связи с этой проблемой.

К. Попов.

Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

(*Статья третья**).

VII. 1850—1905 гг.

Из произведенного нами сличения основных моментов марксо-энгельсовской (1850 г.) и ленинской (1905 г.) концепций перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую следует, что концепция Ленина, вытекая из общих с концепцией Маркса—Энгельса основ, является в то же время более развитой и оформленной. Это, разумеется, результат ее более позднего происхождения. Она создавалась в условиях неизмеримо более развитого мирового капитализма и гораздо более развитых капиталистических отношений в той стране, к которой она ближайшим образом относилась. В соответствии с этим в ней все основные моменты гораздо более уточнены, чем в концепции Маркса—Энгельса. Это более совершенная марксистская концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, более точно и отчетливо определяющая условия этого перерастания.

Условия эти, как мы пытались показать выше, сводятся в основном к следующим:

1) На ряду с наличностью обостренных противоречий и социальной войны между новым, капиталистическим, и старым, феодально-крепостническим, обществом необходима наличность настолько развитых противоречий в самом капиталистическом обществе, чтобы они тоже вылились в свою «социальную войну»—войну между пролетариатом и буржуазией.

2) Необходимо, чтобы эти противоречия и эта социальная война не только вне, но и внутри данной страны, стоящей перед буржуазно-демократической революцией, выросли уже настолько, чтобы под их давлением буржуазия потеряла способность возглавить революцию, чтобы пролетариат, наоборот, приобрел уже способность охватить своим влиянием и руководством крестьянские массы, восстающие против феодально-крепостнических порядков, и чтобы буржуазная революция превратилась таким образом в крестьянскую революцию, руководимую пролетариатом.

3) Нужно, чтобы противоречия капиталистического порядка настолько проникли в самоё деревню, чтобы там были налицо уже значительные массы сельских пролетариев и капиталистически эксплоатируемой деревенской бедноты, а середняк на ряду с гнетом помещика нес на себе гнет капитала, чтобы этими условиями для пролетариата городов, после победы крестьянской революции, после падения полукрепостнической пелены, прикрывающей

*) См. «Большевик» № 23—24 за 1928 г., стр. 70.

капиталистические отношения в деревне, создавалась возможность присоединения к себе сельского пролетариата и деревенской бедноты и нейтрализации середняка в борьбе против буржуазии.

4) Нужно, чтобы сама крестьянская революция, руководимая пролетариатом, действительно до конца расправилась с остатками крепостничества и этим действительно создала «самое широкое поприще» для классовой борьбы против буржуазии как в городе, так и в деревне под руководством вставшего у власти вместе с крестьянством пролетариата; нужна революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, совершающая «плебейскую» расправу с остатками крепостничества и возглавляющая борьбу с буржуазно-монархической контрреволюцией.

5) Нужно, чтобы буржуазно-демократическая революция в данной стране совершалась при такой международной обстановке, когда пролетариат более развитых капиталистических стран уже стоит «во всеоружии перед последней схваткой»; этим создается возможность того, что руководимая пролетариатом крестьянская революция сравнительно отсталой страны явится сигналом для пролетарских революций в передовых странах и в этих революциях почерпнет новые силы для своего собственного превращения в пролетарскую революцию, получит абсолютную гарантию этого превращения.

Так складываются по-ленински концепции 1905 г. как внутренние (относительные), так и внешние (абсолютные) гарантии непобедимости буржуазно-демократической революции и ее перерастания в революцию социалистическую.

Если взять эти условия и гарантии в том виде, как они даются в концепции Ленина, то для нас с совершенной очевидностью ясно станет, что для Германии 1850 года их в сколько-нибудь полной мере не было. И Энгельс, когда он в 1895 году оглядывался назад, вспоминая и расценивая свои и Маркса ожидания середины XIX века, констатировал, что эти ожидания были ошибочны.

В чем он видел основную ошибку?

Как мы знаем, мировая пролетарская революция должна была начаться, по Марксу—Энгельсу 1850 г., с Франции, продолжиться превращением в пролетарскую одновременно происходящей буржуазно-демократической революции в Германии и, охвативши своим пожаром весь капиталистический мир, в результате целой революционной эпохи, закончиться победой пролетариата в Англии. При этом в «18 брюмера» Маркс связывал возможность первой—французской—пролетарской революции с неизбежностью крушения третьей империи, свержения Луи Бонапарта. Парижская Коммуна показала, как правильны были эти ожидания по отношению к парижскому пролетариату; но она же показала, как недостаточно еще для прочной победы рабочего класса развились тогда противоречия капиталистического общества во Франции в целом, в частности, то противоречие между интересами мелкого крестьянства и буржуазным обществом, которое констатировал Маркс в «18 брюмера», и которое по его мысли должно было дать в лице мелкого крестьянства хор для пролетарской революции при падении Луи Бонапарта. Этого хора Парижская Коммуна не получила ни в мелком, ни в мельчайшем, полупролетарском крестьянстве Франции. «Франция, — писал Энгельс в 1895 г.,—покинула Париж на произвол судьбы, равнодушно глядя, как он истекал кровью под пулями Мак-Магона». И это обстоятельство являлось для Энгельса одним из показателей того, «до какой степени и тогда—через двадцать лет» после ожиданий Маркса—Энгельса 1850 г.,—«невозможно было господство рабочего класса» [1]). Что же касается самого периода этих ожи-

[1]) Маркс и Энгельс. Исторические работы, ГИЗ, стр. 14. (Предисловие Энгельса к «Борьбе классов во Франции», написанное в 1895 г.).

даний пролетарской революции во Франции и буржуазно-демократической, перерастающей в пролетарскую, революции в Германии, то Энгельс писал о нем в той же цитируемой нами работе так:

«История показала, что мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте далеко еще недостаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства. Она показала это экономической революцией, которая с 1848 года охватила весь континент и, собственно говоря, впервые водворила настоящую крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше, а недавно и в России, из Германии же сразу сделала первоклассную промышленную страну. Все это произошло на основе капитализма, который, следовательно, в 1848 г. обладал еще большой способностью к расширению. Как раз эта промышленная революция впервые повсюду и прояснила классовые отношения; она покончила с массой промежуточных существований, перешедших из мануфактурного периода, а в восточной Европе даже из периода цехового ремесла; она породила настоящую буржуазию и настоящий крупнопромышленный пролетариат и выдвинула их на авансцену общественного развития. Но с этих пор борьба между этими двумя великими классами, в 1848 году разыгравшаяся, оставляя в стороне Англию, лишь в Париже и еще, пожалуй, в немногих крупных промышленных центрах, впервые распространилась по всей Европе и достигла такой интенсивности, какая в 1848 году была совершенно немыслима. Многочисленные смутные сектантские евангелия того времени с их панацеями сменились теперь одной теорией Маркса, признанной всюду, до прозрачности ясной, ярко формулирующей конечные цели борьбы. Тогда—разобщенные местностью и национальностью, отличающиеся друг от друга, связанные лишь чувством общего страдания массы, неразвитые, переходящие от энтузиазма к отчаянию; теперь — единая великая интернациональная армия социалистов, неудержимо прогрессирующая, с каждым днем усиливающаяся по своей численности, организованности и дисциплинированности и уверенности в победе. И если даже эта мощная армия пролетариата все еще не достигла своей цели, если она, далекая от того, чтобы добиться победы одним сильным ударом, принуждена медленно пробиваться вперед суровой, упорной борьбой, отстаивая позицию за позицией, то отсюда с полной несомненностью вытекает, до какой степени невозможно было в 1848 году достигнуть социального преобразования просто посредством внезапного нападения [1]).

«Недостаточный» уровень развития капитализма и его «еще большая способность к расширению», еще не «настоящая» буржуазия и еще не «настоящий», не подлинно «крупнопромышленный пролетариат», не полная ясность классовых отношений, разобщенность пролетариата «местностью и национальностью» и отсутствие крепких, вооруженных революционной теорией марксизма, об'единенных в интернациональную организацию социалистических партий—вот то, что в своей совокупности сделало—по Энгельсу—невозможным выполнение его и Маркса чаяний в середине XIX столетия. В Германии оставались неразрешенными назревшие противоречия между развивавшимся капиталистическим строем и остатками крепостничества. Бур-

[1]) Там же, стр. 12—13.

жуазия уже оказалась там неспособной к революционному разрешению этих противоречий и они остались неразрешенными в порядке революции, потому что пролетариат Германии был не «настоящий», не «крупнопромышленный», не имеющий сколько-нибудь сильной партии, не способный еще взять дело революции в свои руки и об'единить под своим руководством крестьянские массы. Во Франции «движение было налицо, движение инстинктивное, самопроизвольное, неудержимое»; все классы, кроме крупной буржуазии, в руках которой к весне 1850 г. сосредоточилось «действительное господство»,—«крестьяне, как и мелкие буржуа,—сгруппировались вокруг пролетариата, так что в случае общей победы не они, а умудренный опытом пролетариат должен был сыграть роль решающего фактора»; все было как будто налицо для того, «чтобы питать полную надежду на поворот от революции меньшинства к революции большинства»[1] (т.-е. от революции буржуазной к пролетарской) — и этого не произошло. Не произошло потому, что пролетариат был все-таки еще не «настоящий», *не* подлинно «крупнопромышленный», не организованный в вооруженную марксистской теорией партию, *не* спаянный с пролетариатом других стран интернациональным об'единением. Без всего этого не помог ему и богатый опыт *трех* предшествовавших революций Франции, как опыт 1905 г. помог пролетариату России в 1917 году. Не помог потому, что хозяйственная база для пролетарской революции еще не сложилась. «Уровень экономического развития на континенте» был для этой революции еще «недостаточен», как еще более низкий уровень развития Германии оказался «далеко еще недостаточным» для превращения германской буржуазной революции в крестьянскую, руководимую пролетариатом, а потом—при помощи социалистического пролетариата Франции — в пролетарскую. Но ведь русские и международные меньшевики и в 1917 г. твердили (и твердят до сих пор), что «уровень экономического развития» России «далеко еще недостаточен» для победы пролетариата, а он у нас победил,—скажет читатель. Надо, однако, помнить, что одними и теми же словами далеко не всегда говорится одно и то же. Так и здесь. Для Энгельса признаком «далеко еще недостаточного» для пролетарской революции «уровня экономического развития» является как раз то, над чем никогда не задумываются, чего никогда не принимают в расчет русские и международные меньшевики: *степень способности капитализма «к расширению»* и *степень ясности классовых отношений.* Эти два момента он, как видно из цитированного нами места его предисловия к «Борьбе классов», кладет в основу своего об'яснения, почему его и Маркса надежды не оправдались. Их он подчеркивает, как два основных момента, которые обнаружила «промышленная революция» 1848 г., и из них он выводит в свою очередь те свойства, которые характеризуют пролетариат континента середины XX века и которые сводятся к *недостаточной степени — подготовки пролетариата* — для пролетарской революции в смысле его *организованности и сознательности.*

«Еще большая способность к расширению», которая обнаружилась у капитализма середины XIX века не только на континенте, а у капитализма в целом, у капитализма мирового, означала, что капитализм шел еще по *восходящей* линии развития, не начал еще заходить в тупик. Именно это показала «промышленная революция». Прояснение классовых отношений, которое нес с собой промышленный переворот, означало развитие и обострение основных противоречий этого еще идущего по восходящей линии капитализма, а недостаточная ясность классовых отношений обозначала недостаточное развитие капиталистических противоречий—и притом опять-таки не только в Германии или Франции, а в мировом капитализме в целом.

---

[1]) Там же, стр. 11—12.

Тогдашний уровень развития мирового капитализма не достиг еще такой ступени, когда капиталистическое общество заходит в тупик; основные противоречия мирового капитализма еще недостаточно развились и обострились, и в силу этого «решающий фактор» «революции большинства»—пролетариат—еще не достиг необходимой степени организованности и сознательности ни в «сердце», ни в «конечностях буржуазного организма»,— вот основные причины того, что в середине XIX века оказались невозможными ни пролетарская революция во Франции, ни перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую в Германии.

В предисловии 1892 г. к своему «Положению рабочего класса в Англии» Энгельс констатировал некоторое полевение английского рабочего движения, выразившееся в образовании рабочей партии. Причиной этого он считал потерю Англией прежнего монопольного положения на мировом рынке в силу развития «настоящего» промышленного капитализма в целом ряде стран и выступление на мировом рынке могучих соперников Англии — Германии и С.-А. Соед. Штатов. Английский капитализм начал заходить в тупик, и это было в свою очередь началом вступления мирового капитализма в целом в новый период своего развития. Его развитие по восходящей линии приходило к концу. Периоды кризисов становились все длительнее, тогда как периоды процветания—все короче. Перспективой дальнейшего развития мирового капитализма являлся безысходный тупик. Капиталистическая хозяйственная система ответила на это ростом империалистических тенденций, превращением домонополистического капитализма в империализм, которое, как мы знаем по Ленину, не устраняло перспектив тупика, а лишь делало развитие и капитализма в целом и капитализма в каждой отдельной стране еще более полным противоречий, их борьбы и конвульсивных потрясений. В области международных отношений это неудержимо влекло к империалистическим войнам, внутри отдельных капиталистических стран и колоний—к вспышкам социальных войн. Все особенности и все противоречия новой империалистической эпохи, бывшие лишь в зародыше, когда Энгельс писал свое предисловие к «Положению рабочего класса» в 1892 г., не развились еще до конца и не были вскрыты марксистской мыслью и к периоду первой русской революции. Но и в своем еще недостаточно развитом виде они должны были уже сказаться на ней. Обостренная империалистическими тенденциями конвульсивность развития капитализма была налицо, и если неизмеримо меньшая ступень этого обострения в середине XIX века заставляла Маркса и Энгельса говорить, что мир вступает в эпоху пролетарских революций, то тем больше оснований для этого было в начале XX века. И к этому времени можно было применить старое положение Маркса, что конвульсии капиталистического строя должны были сказываться «насильственными вспышками» прежде всего опять-таки в «конечностях буржуазного организма». Такой новой, по сравнению с серединой XIX века, «конечностью» являлась Россия, с наличностью в ней двух рядов социальных противоречий и двух социальных войн. Она и должна была, по мысли Ленина, положить начало концу «мирного развития» мирового капитализма своей крестьянской, но руководимой пролетариатом и перерастающей в пролетарскую революцией.

Еще большая «способность» мирового капитализма «к расширению» приходила к концу. «Настоящая буржуазия» и «настоящий крупнопромышленный пролетариат» были налицо не только на Западе Европы и в Северной Америке, но и в самой России. Интернациональное об'единение пролетариата крепло, и возглавлялось оно интернациональной армией социалистов в лице II Интернационала, а в нем тогда еще господствовала революционная теория марксизма. Сам папа современного Второго Интернационала Каутский приближался к Ленину в оценке характера буржуазно-демократической революции в России и готов был видеть в ней первый этап мировой пролетарской

революции, а в русском пролетариате—предвозвестника грядущих революционных переворотов на Западе. В революционном рабочем движении в России все складывалось к тому, чтобы оно было возглавлено действительно вооруженным революционной теорией марксизма большевистским ленинским крылом тогдашней русской социал-демократии. Крестьянская революция имела все тенденции встать под руководство пролетариата, и первая русская революция в целом, как это позднее констатировал Ленин в полемике с Мартовым и Троцким [1]), на деле обнаружила тенденции к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства — этого преддверия социалистической диктатуры пролетариата. И все-таки... не произошло не только перерастания этой первой русской революции в революцию пролетарскую, но и действительной победы над царским самодержавием. Понадобилось еще 12 лет развития мирового империализма и еще 12 лет развития капитализма и его империалистических тенденций под полукрепостнической оболочкой в России, понадобилась высшая степень обострения противоречий мирового империализма в форме империалистической войны и величайшие потрясения этой войны, чтобы «насильственная вспышка» в российской конечности буржуазного организма стала первым этапом мировой пролетарской революции.

VIII. 1905—1915 гг.

Вопрос о соотношении буржуазно-демократической революции в России с революцией пролетарской был вновь поставлен на очередь В. И. Лениным как раз во время империалистической войны в двух статьях 1915 года. «Несколько тезисов» и «О двух линиях революции». В первой из этих статей (октябрь 1915 г.) В. И. говорит: «Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник—мелкобуржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран» [2]). Через месяц во второй из названных статей В. И., как бы поясняя, что «социалистическая революция в Европе» станет такой же революцией и в России, говорит: ...«освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариатом Европы».

В том, как ставится Лениным здесь в 1915 году вопрос о соотношении буржуазно-демократической и пролетарской революции в России, о перерастании первой во вторую, есть и моменты старой (1905 г.) постановки этого вопроса и моменты новые.

Старое заключается в том, что попрежнему отрицается возможность перепрыгнуть через демократический этап революции, и этот этап мыслится предшествующим революции пролетарской («первая» и «вторая», «особая задача»). Настаивая на невозможности такого прыжка, В. И. Ленин попрежнему полемизирует и с Троцким, который в это время снова вытащил на свет божий свою «оригинальную теорию». Возражая Троцкому, Ленин, между прочим, пишет: «До каких пределов доходит путаница у Троцкого, видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «непролетарские» (!) народные массы»!!. Троцкий не подумал, что, если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства» [1]). Эта диктатура остается для Ленина попрежнему исходной для дальнейшего движения—к диктатуре пролетарской.

[1]) См. статью Ленина 1909 года «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», главы I и III, стр. 221—223 и 226—228, т. XI, ч. 1, изд. 1923 г.

[2]) Т. XIII, изд. 1924 г., стр. 208 (разр. моя).

Новым в трактовке вопроса 1915 г. по сравнению с 1905 г. является на первый взгляд то обстоятельство, что Ленин говорит в обеих упомянутых статьях только об одном союзнике пролетариата России в разрешении «второй задачи»—только о «пролетариате других стран». Деревенская беднота им не упоминается. Но и в 1905 г. в тезисах об «Этапах, направлении и перспективах революции» он писал о последнем социалистическом этапе революции, что на нем «российский пролетариат плюс европейский пролетариат организуют революцию», т.-е. не упоминал о деревенской бедноте. Это было, конечно, не потому, что деревенская беднота, как союзник и опора пролетариата в деревне, для него выпадала, а потому, что она сама собой разумелась в ленинской концепции пролетарской революции в России, в данном же случае Ленину нужно было подчеркнуть значение другого «союзника»—европейского пролетариата, без помощи которого победа русского пролетариата была бы «почти безнадежна». Подчеркнуть значение того же союзника хочет В. И. и в 1915 г., ибо этим он подчеркивает основную мысль своих работ периода империалистической войны, что она, эта война создает революционную ситуацию в Европе. Необходимость этой революционной ситуации и вытекающая из нее возможность «разжечь социалистическую революцию в Европе», как условия перехода русского пролетариата к социалистической революции у себя, в России, также не ново в трактовке вопроса в 1915 г. по сравнению с 1905 г. Об этом с достаточной ясностью, как мы видели, говорилось В. И. Лениным и в 1905 г. Действительно новой является подчеркнутая нами выше в цитате из «Нескольких тезисов» мысль В. И., что «вторая задача (разжечь социалистическую революцию в Европе) теперь чрезвычайно приблизилась к первой» (т.-е. к завершению буржуазно-демократической революции в России).

В более резком виде эта новая мысль выражена Лениным в статье «Поражение России и революционный кризис», написанной тоже в 1915 г. (повидимому, в сентябре), но тогда не напечатанной и только-что опубликованной Институтом Ленина теперь, в конце 1928 года («Правда» от 7 ноября). В этой статье В. И., сравнивая положение 1905 г. и в 1915 г., и находя ряд сходных черт, говорит:

«Однако, на деле громадной разницей является, что война охватила теперь всю Европу, все передовые страны с массовым и могучим социалистическим движением. Империалистическая война связала [2]) революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная часть социалистической революции на Западе.

«Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе,—так ставилась задача пролетариата в 1905 году. В 1915 г. вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится *одновременно* с первой» [3]).

[1]) Том XIII, «О двух линиях революции», стр. 213—214, изд. 1924 г.

[2]) Подчеркнуто Лениным.

[3]) Разрядка моя.

Большая резкость мысли в этой статье по сравнению с «несколькими тезисами» заключается в том, что те же самые две задачи там даны, как *особые, но чрезвычайно сближенные* империалистической войной, а здесь даются как *две половины одной и той же задачи, одновременно поставленные на очередь* той же войной. Чрезвычайная *сближенность* завершения буржуазно-демократической революции в России и разжигания пролетарской революции на Западе превращаются в их *одновременность*. А этим самым в еще большей мере, чем по мысли «Нескольких тезисов» и «Двух линий революции», сближается во времени доведение до конца буржуазной революции в России с ее собственным превращением в пролетарскую, или—иначе говоря—чрезвычайно сокращается, ускоряется процесс превращения первой во вторую.

Об'ясняется это теми самыми обстоятельствами, о которых мы говорили в конце предыдущей главы. Они существенно изменили—и притом в благоприятную сторону—как внешние, так и внутренние условия буржуазно-демократической революции в России и ее «перерастания». Все основные особенности и противоречия империализма обнаружили себя до конца в империалистической войне. Потрясения этой войны уже на деле, а че только в законных для революционера-коммуниста «мечтах» создали растущий кризис, порождающий социалистическую революцию на Западе. «Война ширится,—писал тов. Ленин.—Политические устои Европы шатаются все больше. Бедствия масс ужасны, и усилия правительств, буржуазии и оппортунистов замолчать эти бедствия терпят все чаще крушения. Прибыли известных групп капиталистов от войны неслыханно, скандально велики. Обострение противоречий громадное. Глухое возмущение масс, смутное пожелание забитыми и темными слоями добренького («демократического») мира, начинающийся ропот в низах,—все это налицо. А чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию. Опыт войны, как и опыт всякого кризиса в истории, всякого великого бедствия и всякого перелома в жизни человека, отупляет и надламывает одних, *но зато просвещает и закаляет других*, при чем в общем и целом, в истории всего мира, число и сила этих последних оказывались, за исключением отдельных случаев упадка и гибели того или иного государства, больше чем первых. Заключение мира не только не может «сразу» прекратить всех этих бедствий и всего этого обострения противоречий, а напротив во многих отношениях сделает эти бедствия еще более ощутимыми и особенно наглядными для самих масс населения. Одним словом, революционная ситуация в большинстве передовых стран и великих держав Европы — налицо» [1].

Среди, правда, не «передовых стран», но среди «великих держав Европы», в которых создавалась революционная ситуация, была и Россия. Развитие мирового империализма со времени первой русской революции сопровождалось «замечательно быстрым» буржуазным развитием России, это развитие, сохраняя свою полукрепостническую оболочку, само принимает империалистический характер, создавая в России своеобразный военно-феодальный империализм [2] и в то же время проявляя черты «капиталистического империализма новейшего типа» [3].

За 10 лет после 1905 г., благодаря этому «буржуазному развитию» и благодаря тому, что победивший первую революцию царизм вынужден был «ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта

[1]) Том XIII, изд. 1924 г., стр. 141—142 («Крах II Интернационала»).

[2]) «Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро». (Ленин, т. XVII, стр 121).

[3]) Ленин, т. XIII, стр. 214 («О двух линиях революции»).

в России» [1], происходит значительное изменение во взаимоотношениях, между двумя рядами социальных противоречий в России — противоречиями полукрепостнического и капиталистического порядка — и между «двумя классовыми линиями русской революции». Удельный вес капиталистических противоречий, их развития и обострения в общей экономической и политической жизни страны сильно вырос, приблизился к удельному весу противоречий полукрепостнического характера. Если больше, чем когда бы то ни было, обострились противоречия между буржуазными отношениями и остатками крепостничества, между крестьянством и помещиками, если империалистическая война снова поставила страну перед необходимостью их революционного разрешения, то в то же время обострялись до крайней степени и уже толкались к такому же разрешению противоречия капиталистического характера, — между пролетариатом и буржуазией. Новое десятилетие гнета капитала усилило расслоение крестьянства. А «расслоение крестьянства, — говорил Ленин, — усилило классовую борьбу в деревне, пробудило очень многие спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский» [2].

То же новое десятилетие гнета капитала плюс империалистическая война сделали гораздо прозрачнее полукрепостническую пелену, скрывавшую капиталистическую эксплоатацию деревни, и этим чрезвычайно облегчили будущее присоединение деревенской бедноты и будущую нейтрализацию середняка после революционного разрешения «антагонизма «крестьянства» и Марковых—Романовых—Хвостовых». Таким образом, и внутренние условия уже на деле подготовляли все необходимое для того, чтобы «империалистическая война *связала* революционный кризис в России... с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе» и чтобы этим самым облегчился, ускорился в самой России переход от буржуазной революции к пролетарской.

IX. 1915—1917.

1917 год осуществил предсказания В. И. Ленина, но несколько иначе, чем мыслил В. И. в 1915 году: 1) революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства осуществилась февралем 1917 г. не в чистой, а в своеобразной, переплетенной с диктатурой буржуазии форме; 2) процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую, борьба пролетариата за власть началась *до* завершения буржуазно-демократической революции [3], поэтому перерастание буржуазной революции в пролетарскую *слилось* с этим завершением, пролетарская революция против буржуазии слилась с крестьянской революцией, и это слияние — как указывал Ленин позднее — явилось одним из важнейших условий, облегчивших победу пролетариата [4]; 3) на долю *социалистической* диктатуры пролетариата, а не революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и выпало проведение мероприятий, завершающих буржуазно-демократическую революцию; 4) процесс перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, поскольку дело касалось деревни, за-

[1]) Ленин, т. XIII, стр. 99 («Социализм и война»).

[2]) Ленин, т. XIII, стр. 214 «О двух линиях революции»).

[3]) В феврале, как говорил Ленин в «Письмах о тактике» (т. XIV, ч. 1, изд. 1925 г., стр. 28 и 33) была «закончена» буржуазно-демократическая революция «обычного типа», т.-е. передающая власть в руки буржуазии, но это вовсе не значило, что «закончена», завершена была та буржуазно-демократическая революция *крестьянского* типа, которая мыслилась Лениным в России и завершение которой было еще все впереди.

[4]) См. об этом статью «III Интернационал и его место в истории», т. XVI, изд. 1923 г., стр. 185.

хватил ряд месяцев и после завоевания пролетариатом власти в Октябре 1917 г. [1]); 5) все это совершилось в обстановке империалистической войны и созданной ею революционной ситуации в «передовых странах Европы», но без социалистической революции в этих странах: буржуазная революция в России переросла в пролетарскую прежде, чем удалось «зажечь социалистическую революцию на Западе». Поддержка пролетариата, «трудящихся масс всего мира» была получена нашей революцией, но получена позднее, уже в борьбе за удержание завоеванной пролетариатом власти. «Именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся и рабочих и крестьянских и земледельческих масс во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно она была последним самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был об'явлен, закреплен, а в пределах нашей Республики осуществлен, и что он оказал действие на все страны», — говорил Ленин после окончания гражданской войны в 1921 году [2]). Эта поддержка была создана теми «бедствиями», тем «обострением противоречий, которые принесла с собой война всему капиталистическому миру, которых не могло «сразу» прекратить, как предсказывал Ленин, и заключение мира и которые родили революционную ситуацию в передовых странах Европы». И хотя эта поддержка оказалась не той «быстрой, прямой и непосредственной поддержкой», на какую мы рассчитывали, но ее все-таки было совершенно достаточно для удержания нашей революцией своих завоеваний.

Едва ли требуется здесь останавливаться во всем об'еме на вопросе, чем об'ясняются все эти особенности перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в 1917 году по сравнению с предсказаниями Ленина 1915 года. Об условиях, в которых протекало это перерастание и которые об'ясняют его особенности, достаточно писалось в нашей литературе. Но для наших целей на некоторых моментах остановиться всетаки необходимо.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что начавшийся процесс перерастания буржуазной революции в социалистическую был констатирован В. И. Лениным сразу же после февральского переворота. Не чем иным, как его констатированием, является выдвинутое Лениным и в первом же «Письме издалека» [3]) и в тезисах 4/17 апреля [4]) положение, что «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Внешним признаком этого начавшегося «перехода» для В. И.—в условиях весны 1917 года — является наличность двоевластия, возникновение рядом с официальным, буржуазным правительством другого, неофициального в лице Советов. Говоря о характере этого второго, «неофициального» правительства, В. И. Ленин в трех статьях, трактующих этот вопрос, как будто впадает в противоречие. В первом «Письме издалека» он называет второе правительство «неразвитым еще, сравнительно, слабым рабочим правительством», в статье «О двоевластии» для него в лице Советов «в России существует государство типа Парижской Коммуны», а в «Письмах о тактике» он говорит, что в их лице своеобразно осуществилась «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» [1]). С одной стороны—«рабочее правительство», «государство типа коммуны», а с другой — рабоче-крестьянская диктатура. Однако, это видимое противоречие тотчас исчезает, если мы подойдем к понятию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства по-ленински, диалектически. С этой точки зрения рабоче-крестьянская диктатура уже таит в себе элементы диктатуры пролетарской, уже представляет собой «зародыш» рабочего правительства, рабочей диктатуры. И таким образом, видимое противоречие между тремя статьями Ленина опять-таки выражает лишь ту мысль, что начался уже «переход» от одного, буржуазного, к другому, пролетарскому, этапу революции,—переход, который задерживался лишь недостаточной сознательностью и организованностью пролетариата и крестьянства [2]), но который неизбежен, ибо «революция проявещает со сказочной быстротой». Свою мысль о начавшемся уже «переходе», перерастании одного этапа революции в другой,—притом именно в связи с «своеобразным» (в форме двоевластия) «осуществлением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов»,—Ленин совершенно определенно выражает в «Письмах о тактике» словами: «Ошибка Каменева в том, что он и в 1917 г. смотрит только на прошлое рев.-дем. диктатуры и пр. и пр. А для нее на деле уже началось будущее» [3]). Началось уже «будущее»—это значит—началась уже борьба против буржуазии, за власть пролетариата, за социализм. Но это вовсе не значит, что кончилось «прошлое» — борьба против остатков крепостничества, ибо ведь помещик еще противостоит крестьянству, крестьянская революция еще не завершена. Не закончено «прошлое» и «началось» уже «будущее»—это значит, что путь от «первого» этапа революции, передавшего власть буржуазии, ко второму этапу, передающему власть пролетариату, путь перерастания буржуазной революции в пролетарскую, уже начал проходиться одновременно с путем завершения буржуазно-демократической революции. А при таком условии вовсе не обязательным становится, чтобы революция прошла через чистую, не переплетенную с диктатурой буржуазии, не отдающую добровольно власть в руки буржуазии, революционно - демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Ленин так и говорит: «Неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», оторванная от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя». А если это «неизвестно», то, очевидно, возможен и такой путь, что революция минует этот этап, и тогда завершение буржуазно-демократической революции должно слиться с революцией социалистической. Таким образом, в анализе Лениным этапов, направления и перспектив русской революции, данном им в марте—апреле 1917 г., уже предвидятся те особенности «перерастания» внутреннего порядка, о которых мы говорили.

Интересна при этом одна черта ленинского анализа. В области классовых взаимоотношений признаком начавшегося «будущего» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства он считает то обстоятельство, что «интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на деле уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистической войне». Первые шаги «перерастания» для него характеризуются как раз тем нару-

---

[1]) Об этом уже говорилось нами выше.
[2]) Доклад на IX С'езде Советов, т. XVIII, ч. I, стр. 422—423.
[3]) Том XIV, ч. 1, изд. 1925 г., стр. 12.
[4]) Там же, стр. 18.

[1]) Там же стр. 10, 24, 25 и 29.
[2]) «и крестьян»,—добавляет В. И. Ленин в статье «О двоевластии» («недостаточная сознательность и организованность пролетариев и крестьян»), т. XIV, ч. 1, стр. 25.
[3]) Там же, стр. 35.

шением «единства воли» пролетариата и мелкого хозяйчика — крестьянина, о котором он говорил еще в 1905 г., в «двух тактиках». В. И. констатирует для марта—апреля 1917 г. «факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» [1]). Но этот факт и допущение возможности, что этапа «особой, оторванной от буржуазного правительства» революционно-демократической диктатуры пролетариата революция не пройдет, отнюдь не позволяет ему впадать в «суб'ективизм, в желание «перепрыгнуть» через не завершенную— не изжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической» [2]). Такой прыжок был бы опасной авантюрой, и он просто не нужен пролетариату и его партии. Буржуазия, которая встала у власти в результате февральского переворота только благодаря «недостаточной сознательности и организованности пролетариев и крестьян», благодаря передоверию ей власти с их стороны, не стала от этого революционной. Она оставалась по существу монархической. Она осталась неспособной отказаться от своего союза с помещиками и возглавить незаконченную крестьянскую революцию. И «факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» в марте—апреле еще не обозначает, что во главе крестьянской революции не встанет пролетариат и не разрушит это классовое сотрудничество. Революция просвещает со сказочной быстротой, и этому «просвещению» крестьянства должно помочь уже то обстоятельство, что буржуазия не может дать *ни мира, ни свободы, ни земли для деревни*. Их может дать только победа над вставшей у власти буржуазией. В этом гарантия разрушения «классового сотрудничества буржуазии и крестьянства» и гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству в завершении крестьянской революции. Нужна только терпеливая раз'яснительная работа среди крестьянства. Не нужно только головоломных троцкистских прыжков через задачи завершения буржуазно-демократической революции. И самый лозунг власти Советов уже исключает опасность таких прыжков. «Если бы я сказал: «без царя, а правительство *рабочее*» — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, я сказал иное,—говорит В. И. Ленин.—Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не *может быть помимо* Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [3]). История раз'яснила эту мысль Ленина, почему этот лозунг не являлся прыжком через «незавершенную—не изжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера». В то время, как в городе Октябрь превратил Советы в органы *пролетарской* диктатуры, в деревне они после Октября еще около года были органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства [4]), пока не завершился процесс присоединения деревенской бедноты к пролетариату, пока сельские рабочие и деревенская беднота под руководством городского пролетариата, через комбеды не раскулачили советы и не превратили их в органы пролетарской власти.

---

[1]) Том XIV, ч. 1, стр. 31.
[2]) Том XIV, ч. 1, стр. 32 («Письма о тактике»).
[3]) Там же, стр. 32.
[4]) «Советы об'единили крестьянство вообще,—говорил Ленин «о сельских советах этого периода в брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский».— А если они об'единяли «крестьянство вообще», т.-е. деревенскую бедноту, середняка и кулака, при участии в них сельских пролетариев и под общей гегемонией городского пролетариата, его городских советов и его партии, то это и означает не что иное, как уже пройденную городом, но не пройденную деревней ступень революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Эта диктатура, ранее во всероссийском масштабе переплеталась с диктатурой буржуазии. Теперь. в течение почти года после октября она, в лице сельских советов, переплетается с диктатурой пролетариата.

Таким образом, задача «перехода от первого ко второму этапу революции» (от буржуазного к пролетарскому) вовсе не исключала для Ленина задачи завершения крестьянской революции под руководством пролетариата. Как и в 1915 году, перед пролетариатом оставались две «особых» задачи, и обе эти задачи должны были выполняться пролетариатом при «сотрудничестве» разных социальных сил, ибо в них выражались две разных «классовых линии революции», две «социальных войны» (пролетариата с буржуазией и крестьянства с помещиками). Но, во-первых, разрешение этих задач не только «чрезвычайно» сдвинулось во времени, но и *сливалось*, а во-вторых, теперь, по сравнению с тем же 1905 г., на *первый* план, как *основная* задача «текущего момента», встала задача «вторая»—переход к пролетарской революции, а задача первая—завершение буржуазно-демократической крестьянской революции—стала *попутной*. Этого-то перемещения в соотношении между обеими задачами не заметил т. Каменев и его единомышленники. Раз'яснению этого перемещения и уделяется главное внимание Ленина в его «Письмах о тактике». Совершенно очевидно, что такое перемещение было бы немыслимо без соответствующего изменения удельного веса общественных противоречий крепостнического и капиталистического порядка, лежащих в основе «двух классовых линий революции», двух переплетающихся в ней социальных войн. Очевидно, *вторые* противоречия получили в экономической и политической жизни страны решительный *перевес* над первыми и стали еще острее, чем первые, требовать революционного разрешения. Точно так же несомненно, что это явилось результатом дальнейшего развития и обострения противоречий мирового империализма вместе с новыми годами империалистической войны, и их преломления в условиях вступления русского капитализма на империалистический путь его участия в империалистической бойне. Эти обстоятельства не только создали перевес пролетарской классовой линии в революции над крестьянской; но и крестьянскую линию, социальную войну против помещиков должны были до *известной* степени окрасить и окрасили в новый антибуржуазный цвет сочувствия борьбе пролетариата против буржуазного правительства, неспособного вывести страну из империалистической войны и вести крестьянство к победе над помещиками.

Эта новая окраска социальной войны крестьян против помещиков уже сама по себе способствовала быстроте «перехода от первого этапа революции ко второму», ускоряя и процесс присоединения деревенской бедноты к пролетариату и процесс нейтрализации середняка. В. И. Ленин в 1919 году в статье «Великий почин» писал: «Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России, — а трудящегося населения и подавно, — тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательство. Империалистическая война, т.-е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому, или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, — необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать, их. Отсюда неизбежно сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплоататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплоататорам».

Так складывались в России в 1917 году внутренние [1]) условия, внутренние, «относительные» гарантии перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

---

[1]) Том XVI, изд. 1923 г., стр. 250—251.

Но В. И. и в 1917 году говорил не только о внутренних, но и о внешних гарантиях этого перерастания. Внешняя гарантия создавалась для него все тем же обострением противоречий мирового империализма во время и непосредственно после империалистической войны, которое должно было и вело к революционной ситуации в других странах и должно было дать русскому пролетариату союзника в лице пролетариата этих стран. В первом «Письме издалека» В. И. пишет о *«двух союзниках»* рабочего класса России в борьбе за переход от буржуазной революции в пролетарскую. Первый союзник—«широкая, много десятков миллионов составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России». Второй союзник—«пролетариат *всех* воюющих и всех вообще стран». «Он,—говорит В. И.,—в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистической войны, а русская революция *неизбежно* ускорит этот процесс в громадных размерах».

Эта внешняя гарантия — «союз» и поддержка социалистического пролетариата других стран пришла—к нам не в такой мере, и не в той форме, какая ожидалась Лениным в 1905 г. и в 1915 г., ибо попытки «социалистического переворота на Западе» были лишь частичны и неуспешны. И если все-таки «запутанности, создавшейся между империалистическими державами» и той революционной ситуации, того союза и поддержки пролетариата других стран, какие были на деле, оказалось для нас совершенно достаточно, то только потому вся международная и внутренняя обстановка 1917—1918 годов—обстановка обостренных войной противоречий империалистической эпохи — создавала достаточно прочные внутренние гарантии «перерастания». В силу именно этого та «абсолютная гарантия» прочной победы буржуазно-демократической революции в России и ее перерастания в революцию пролетарскую, о которой говорил В. И. и в 1915 г., т.-е. социалистический переворот на Западе превратился для нас в «абсолютную гарантию» уже построения социалистического общества.

X. Выводы.

Теперь, когда мы проследили изменения в марксо-ленинской постановке вопроса о «перерастании» с 1850 по 1917 год, мы можем подойти к обобщающим выводам, к ответу на поставленный в начале статьи вопрос об исторических условиях «перерастания» и—следовательно—к концу своей статьи.

Все, что говорилось до сих пор, с очевидностью показывает, что с точки зрения марксо-ленинской теории различные исторические условия создают и различную *степень возможности* перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и различный *темп* этого перерастания. Возможность перерастания становится тем сильнее, тем больше превращается в историческую неизбежность, чем больше *внутри* страны центр тяжести перемещается от противоречий крепостнического порядка к противоречиям порядка капиталистического, от борьбы помещика к борьбе против буржуазии, от крестьянской классовой «линии революции» к пролетарской. И в свою очередь это перемещение становится тем решительнее, чем больше раздирается противоречиями *внешний* капиталистический мир, чем революционнее — в сторону пролетарской революции — становится ситуация в этом внешнем мире. Чем благоприятнее *сочетание* этих внутренних и внешних условий, тем необходимее возможность перерастания превращается в его неизбежность и тем *быстрее* его темп. В зависимости от этого сочетания меняется и *соотношение*

между буржуазно-демократической и социалистической революцией, историческое место первой по отношению ко второй в данной стране. С точки зрения *сочетания внутренних и внешних* условий 1905 г. русская буржуазно-демократическая революция являлась для Ленина, как мы видели, «прологом» пролетарской революции на Западе и, черпая силы в ней, сама лишь в результате *длительного* периода могла превратиться в революцию пролетарскую. С точки зрения того же сочетания к периоду империалистической войны эти три исторических момента «чрезвычайно сближаются», и русская буржуазно-демократическая революция становится из «пролога» пролетарской революции на Западе ее «неразрывной составной частью». Сочетание внутренних и внешних условий стало настолько благоприятным, что одновременно усиливаются и возможности перерастания и темп этого перерастания. Наконец, 1917 год дает для того времени *максимально благоприятное сочетание* внутренних и внешних условий, и буржуазно-демократическая революция *сливается* с пролетарской, вторая, «походя, мимоходом», решает задачи первой.

Мы подчеркиваем слово *сочетание*. Об этом сочетании нельзя ни на минуту забывать, говоря о возможностях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Достаточно выключить из условий перерастания внутренние условия, внутренние силы страны, внутренние гарантии перерастания, чтобы начать проделывать те «прыжки», которые свойственным мнимой «левизне» революционеров фразы, троцкистов и К° [1]). Достаточно выключить из того же сочетания противоречия *окружающего* капиталистического мира, внешние условия, внешние гарантии перерастания, чтобы впасть в «национальную ограниченность» со всеми оппортунистическими, реформистскими выводами, неизбежно из нее вытекающими, и с реформистским пониманием взаимоотношений между буржуазно-демократической и пролетарской революциями.

Какое же сочетание внутренних и внешних условий можно считать *максимально благоприятным* для перерастания первой во вторую и для быстроты его темпа? Из сличения условий для перерастания русской революции в 1905 и в 1917 году это тоже достаточно ясно. С точки зрения внутренних условий — это *такое соотношение между «двумя классовыми линиями революции»* (*пролетарской и крестьянской*), *которое делает пролетарскую революцию столь же* (*или даже более*) *насущной, как и буржуазно-демократическую*. С точки зрения внешних условий—это такая степень развития и обострения противоречий во всем капиталистическом мире, которая, во-первых, создает в нем революционную ситуацию, способную перейти в «насильственные вспышки» пролетарских революций, при которой вся капиталистическая система уже беременна пролетарской революцией и которая, во-вторых, максимально ослабляет возможности контрреволюционного натиска на революционную страну и в то же время в ней самой до последней степени обостряет внутренние противоречия. Именно потому, что эти максимально благоприятные условия складываются только при развитом империализме, мы в середине XIX века могли иметь их лишь в том зародышевом состоянии, которое позволяло уже создать марксо-энгельсовскую теорию непрерывной революции, но не создавало еще возможности действительного перерастания. Именно потому, что 1905 г. уже имел налицо противоречия империализма, но имел их еще не *вполне* развитыми,—реальная возможность перерастания русской революции была налицо, но, во-первых, не была в достаточной мере гарантирована и внутрен-

[1]) На троцкистской теории перманентной революции, в частности на ее новейшем применении Троцким к китайской революции мы рассчитываем остановиться в особой, четвертой статье на трактуемую нами тему.

ними и внешними условиями, и, во-вторых, темп перерастания должен был рисоваться медленным. А с того момента, когда противоречия империализма обнаружились во всей своей остроте, с периода империалистической войны, их революционизирующее воздействие на страны, не прошедшие через этап буржуазно-демократической революции, но уже развившие в себе под оболочкой остатков крепостничества капиталистические противоречия, уже выдвинувшие на авансцену борьбу пролетариата с буржуазией, — неизбежно влечет за собой перерастание запоздалых буржуазно-демократических революций в революции пролетарские. Империализм, завязывая узлы своих противоречий вокруг этих стран и в них самих, неизбежно *усиливает* пролетарскую классовую линию в буржуазно-демократических революциях этих стран и, связывая с собой как носителей интересов сохранения остатков феодализма, так и буржуазию этих стран, придает самим буржуазно-демократическим революциям антиимпериалистический характер [1]). Эти благоприятнейшие внешние условия перерастания в современный нам период империалистической эпохи до последней степени усиливаются наличием огромной, непрерывно крепнущей страны диктатуры пролетариата — СССР. Налицо величайшая из гарантий перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, которую выдвигали Маркс—Энгельс для Германии в 1850 г. и Ленин для России 1905 г. — предварительная победа социалистической революции в другой стране. Перерастание становится *законом* современных буржуазно-демократических революций, поскольку это—революции крестьянские, руководимые пролетариатом. Но его темп зависит, как мы видели, в такой же мере от внутренних, как и от внешних условий. Внутренние же условия в конечном счете сводятся к *степени развития капиталистических отношений* в данной стране, в ее городе, и в ее деревне *по сравнению с остатками феодализма*. От этого, в основном, с точки зрения внутренних условий зависит быстрота завоевания пролетариатом руководящей роли в самой буржуазно-демократической (в основе своей, как правило, аграрной, крестьянской) революции и степень завершения этой революции. От этого зависит рост сознательности и организованности пролетариата в борьбе против капиталистических отношений, степень и быстрота присоединения к нему деревенской бедноты в этой борьбе и, наконец, степень и быстрота нейтрализации (а *частично* в современных условиях также присоединения) среднего крестьянства. А все это — как мы знаем — обусловливает ту или иную быстроту темпа перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Отсюда совершенно понятно, почему программа Коминтерна, говоря о типах пролетарской революции, путей к пролетарской диктатуре в отдельных современных странах, и выделяя те страны, в которых еще более или менее сильны остатки феодальных отношений, которым еще нужно покончить с ними завершением буржуазно-демократических революций, различает *две* группы таких стран: одну со «средним уровнем развития капитализма», и со «значительными», но уже *не* преобладающими остатками «полуфеодальных отношений», и другую — типа современных колониальных, полуколониальных стран Азии и зависимых стран Южной Америки, — «с известными зачатками, а иногда и со значительным развитием индустрии», но с «преобладанием феодально-средневековых отношений». В этих группах стран — *разное* соотношение между степенью развития капиталистических отношений и степенью сохранения остатков феодализма в них, и в связи с этими их особенностями — *разная* степень наличности «материальных предпосылок» и для пролетарского переворота и для строительства социализма.

[1]) Мы не касаемся здесь чрезвычайно важной для колониальных и полуколониальных стран стороны вопроса—*национально-освободительного* характера революций в них.

лизма. И поэтому для них программа Коминтерна рисует возможность *различного темпа* перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую: «более или менее быстрое перерастание» для первой группы и «ряд подготовительных ступеней», «целый период перерастания»—для второй. Мало того, для части стран первой группы программа Коминтерна допускает возможность непосредственно пролетарских революций, «но с большим об'емом задач буржуазно-демократических», т.-е., иначе говоря, пролетарских революций, наподобие русской 1917 г., тоже «походя, мимоходом» довершающих буржуазно-демократическую революцию. Очевидно, эта возможность требует для своего осуществления значительного преобладания капиталистических отношений над полуфеодальными и преобладания пролетарской линии революции над крестьянской в данной стране.

Таким образом, пути к пролетарской революции для стран со «средним уровнем развития капитализма», для колониальных и полуколониальных стран Азии и зависимых стран Южной Америки намечаются программой Коминтерна в полном соответствии с тем учением о перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, которое заложено было Марксом—Энгельсом и развито Лениным, а затем оправдано было историей русской революции.

Программа Коминтерна, опираясь на новый исторический опыт после нашего Октября, в частности на опыт Китайской революции, идет в наметке путей развития революции в странах с пережитками феодализма по стопам Ленина, по-ленински же конкретизируя одну из основных частей его теории пролетарской революции.

(Окончание следует).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая попытка анализа кемализма.

Недавно вышедшая книга тов. Ирандуста «Движущие силы кемалистской революции» (ГИЗ, 1928, М.—Л. Стр. 149) является *первой* марксистской попыткой *обобщения* итогов развития кемализма. Будучи в основном историческим обзором, она в то же время пытается дать подробный анализ отношений классов в различные периоды кемалистского движения.

Эта первая и бесспорно лучшая работа по кемализму все же оказалась не лишенной значительных ошибок. *Переоценка революционности кемалистской буржуазии проходит красной нитью через всю книгу тов. Ирандуста.*

На стр. 18—19 тов. Ирандуст пишет: «*Кемализм на настоящей стадии остается революционным, так как национальная турецкая буржуазия еще не закончила борьбы с империализмом и является гегемоном движения*» [1]). Турецкой «кемалистской революции в настоящее время не противопоставляется какой-нибудь другой высший этап революции, там не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о гегемонии турецкого пролетариата. Именно поэтому кемалистская революция, еще не исчерпавшая своей программы и продолжающая борьбу с империализмом, сохраняет свое революционное значение». В подтверждение своих положений тов. Ирандуст ссылается на тов. Пеппера, который пишет (стр. 19): «Господство кемалистов в Турции отличается следующими тремя основными свойствами: 1) победа буржуазии над феодализмом и господство национальной буржуазии; 2) слабость пролетариата; 3) независимость страны от иностранных империалистов».

Автор не отмечает, что на фронте борьбы с империализмом в последнее время турецкая буржуазия идет вспять и находится перед сдачей всех своих позиций. Утверждение, что буржуазия «победила» феодализм, в такой категорической форме неверно. В восточных провинциях феодализм попрежнему цел и невредим. Даже подавив восстание шейха Саида (1925 г.), турецкое правительство не посмело тронуть курдских феодалов, не роздало крестьянам их земли. Феодальные пережитки в виде, хотя бы, кабальной аренды, живы еще по всей Турции.

Весьма мало убеждает и декламация о «*национальной*» буржуазии, якобы «*независимой*» от иностранного империализма. Железные законы экономического развития все плотнее привязывают эту «национальную» буржуазию к колеснице империализма. Тов. Ирандуст обнаруживает простое незнакомство с фактами, уверенно убеждая, что турецкая буржуазия «считает необходимым продолжать свой путь самостоятельного строительства и экономического развития своими внутренними силами, не ставя себя в зависимость от иностранного капитала и опасаясь связать самостоятельность своей политики внешним давлением и международными обязательствами». В частности, тов. Ирандуст считает существующие в Турции монополии проявлением этой самостоятельной политики, сравнивая их с нашей монополией внешней торговли. На самом деле, ряд монополий по импорту находится в руках иностранных групп, которые платят правительству небольшой монопольный налог (8% с цены товаров). Монополии учреждены исключительно с фискальными целями; здесь нет абсолютно никакого подобия монополии внешней торговли, с которой пытается сравнить это положе-

[1]) Подчеркнуто автором.

ние дела тов. Ирандуст (стр. 87, 88, в особенности 14). Факт признания дореволюционных долгов Турции в золоте летом этого года весьма показателен, как признак отсутствия той абсолютно независимой экономической политики, о которой говорит тов. Ирандуст.

Довольно оригинален другой способ доказательства революционности кемализма, который пускает в ход тов. Ирандуст: так как в Турции в данный момент не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о диктатуре пролетариата, и так как у власти находится кемализм, значит, этот кемализм революционен. Положительный вывод из этого положения тов. Ирандуста может быть только таков: турецкие коммунисты должны призывать рабочих и крестьян поддерживать кемализм, ибо кемализм еще революционен, он продолжает бороться с империализмом; к тому же, все равно нет никакой возможности перевести революцию в высший этап. Иначе, как чистейшим оппортунизмом, нельзя считать упорное утверждение тов. Ирандуста о революционности кемализма во все периоды, в том числе и теперь.

Кемализм сыграл в свое время роль революционного фактора, поскольку он возглавил движение народных масс против империализма, добился сохранения Турции как национально-государственного целого, поскольку он пытался произвести попытку самостоятельного хозяйственного строительства, поскольку он в свое время боролся против внутренней реакции, против султаната и халифата, поскольку он ускорил развитие товарно-капиталистических отношений, наконец, поскольку кемалистская революция в свое время явилась звеном в единой цепи борьбы советских республик и трудящихся колоний против империализма.

Кемализм превратился в буржуазно-реформистский и, с ходом событий, превращается в контрреволюционный фактор, поскольку кемалисты нашли в конце концов общий язык с помещиками и компрадорской буржуазией, ибо сама, так называемая кемалистская буржуазия, чем дальше, тем больше перерождается, впитывая в себя элементы компрадорства; ибо кемализм не допустил революционного разрешения аграрного вопроса и борется против аграрной революции, ибо кемалистская диктатура подавляет движение народных масс, ибо кемалисты отходят от политики самостоятельного строительства и идут на поклон к империализму.

Все остальные ошибки тов. Ирандуста являются следствием первой ошибки и в свою очередь обосновывают ее. Эти ошибки вытекают из неясного понимания особых условий победы турецкой буржуазии и эволюции «кемалистской» буржуазии, из незнания или неверного толкования тех процессов, которые происходят в экономике Турции и воздействуют как на соотношение различных классов внутри Турции, так и на отношения между Турцией и мировым империализмом.

Тов. Ирандуст приводит цитату из речи тов. Сталина (не делая из нее надлежащих выводов), где тов. Сталин определяет *кемалистский тип* революции так:

«Кемалистская революция возможна лишь в таких странах, как Турция, Персия, Афганистан, где нет или почти нет промышленного пролетариата и где не имеется могучей аграрно-крестьянской революции. Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная *в своем дальнейшем развитии*, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самых возможностей аграрной революции».

Уже на первом этапе революции было ясно, каково будет «*дальнейшее развитие*», о котором с такой ясностью говорит тов. Сталин. Тов. Ирандуст и этого не понял: он считает, что «*это дальнейшее развитие*» (против рабочих и крестьян) «уже» *намечается* (!) лишь теперь, т. е. в 1928 году (стр. 20). На самом деле, уже в начале этого деся-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Новая попытка анализа кемализма.

Недавно вышедшая книга тов. Ирандуста «Движущие силы кемалистской революции» (ГИЗ, 1928, М.—Л. Стр. 149) является первой марксистской попыткой обобщения итогов развития кемализма. Будучи в основном историческим обзором, она в то же время пытается дать подробный анализ отношений классов в различные периоды кемалистского движения.

Эта первая и бесспорно лучшая работа по кемализму все же оказалась не лишенной значительных ошибок. Переоценка революционности кемалистской буржуазии проходит красной нитью через всю книгу тов. Ирандуста.

На стр. 18—19 тов. Ирандуст пишет: «Кемализм на настоящей стадии остается революционным, так как национальная турецкая буржуазия еще не закончила борьбы с империализмом и является гегемоном движения» [1]. Турецкой «кемалистской революции в настоящее время не противопоставляется какой-нибудь другой высший этап революции, там не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о гегемонии турецкого пролетариата. Именно поэтому кемалистская революция, еще не исчерпавшая своей программы и продолжающая борьбу с империализмом, сохраняет свое революционное значение». В подтверждение своих положений тов. Ирандуст ссылается на тов. Пеппера, который пишет (стр. 19): «Господство кемалистов в Турции отличается следующими тремя основными свойствами: 1) победа буржуазии над феодализмом и господство национальной буржуазии; 2) слабость пролетариата; 3) независимость страны от иностранных империалистов.

Автор не отмечает, что на фронте борьбы с империализмом в последнее время турецкая буржуазия идет вспять и находится перед сдачей всех своих позиций. Утверждение, что буржуазия «победила» феодализм, в такой категорической форме неверно. В восточных провинциях феодализм попрежнему цел и невредим. Даже подавив восстание шейха Саида (1925 г.), турецкое правительство не посмело тронуть курдских феодалов, не роздало крестьянам их земли. Феодальные пережитки в виде, хотя бы, кабальной аренды, живы еще по всей Турции.

Весьма мало убеждает и декламация о «национальной» буржуазии, якобы «независимой» от иностранного империализма. Железные законы экономического развития все плотнее привязывают эту «национальную» буржуазию к колеснице империализма. Тов. Ирандуст обнаруживает простое незнакомство с фактами, уверенно убеждая, что турецкая буржуазия «считает необходимым продолжать свой путь самостоятельного строительства и экономического развития своими внутренними силами, не ставя себя в зависимость от иностранного капитала и опасаясь связать самостоятельность своей политики внешним давлением и международными обязательствами». В частности, тов. Ирандуст считает существующие в Турции монополии проявлением этой самостоятельной политики, сравнивая их с нашей монополией внешней торговли. На самом деле, ряд монополий по импорту находится в руках иностранных групп, которые платят правительству небольшой монопольный налог (8% с цены товаров). Монополии учреждены исключительно с фискальными целями; здесь нет абсолютно никакого подобия монополии внешней торговли, с которой пытается сравнить это положе-

[1]) Подчеркнуто автором.

ние дела тов. Ирандуст (стр. 87, 88, в особенности 14). Факт признания довоенных долгов Турции в золоте летом этого года весьма показателен, как признак отсутствия той абсолютно независимой экономической политики, о которой говорит тов. Ирандуст.

Довольно оригинален другой способ доказательства революционности кемализма, который пускает в ход тов. Ирандуст: так как в Турции в данный момент не возникает аграрной революции и не ставится вопрос о диктатуре пролетариата, и так как у власти находится кемализм, значит, этот кемализм революционен. Положительный вывод из этого положения тов. Ирандуста может быть только таков: турецкие коммунисты должны призывать рабочих и крестьян поддерживать кемализм, ибо кемализм еще революционен, он продолжает бороться с империализмом; к тому же, все равно нет никакой возможности перевести революцию в высший этап. Иначе, как чистейшим оппортунизмом, нельзя считать упорное утверждение тов. Ирандуста о революционности кемализма во все периоды, в том числе и теперь.

Кемализм сыграл в свое время роль революционного фактора, поскольку он возглавил движение народных масс против империализма, добился сохранения Турции как национально-государственного целого, поскольку он пытался произвести попытку самостоятельного хозяйственного строительства, поскольку он в свое время боролся против внутренней реакции, против султаната и халифата, поскольку он ускорил развитие товарно-капиталистических отношений, наконец, поскольку кемалистская революция в свое время явилась звеном в единой цепи борьбы советских республик и трудящихся колоний против империализма.

Кемализм превратился в буржуазно-реформистский и, с ходом событий, превращается в контрреволюционный фактор, поскольку кемалисты нашли в конце концов общий язык с помещиками и компрадорской буржуазией, ибо сама, так называемая кемалистская буржуазия, чем дальше, тем больше перерождается, впитывая в себя элементы компрадорства; ибо кемализм не допустил революционного разрешения аграрного вопроса и борется против аграрной революции, ибо кемалистская диктатура подавляет движение народных масс, ибо кемалисты отходят от политики самостоятельного строительства и идут на поклон к империализму.

Все остальные ошибки тов. Ирандуста являются следствием первой ошибки и в свою очередь обосновывают ее. Эти ошибки вытекают из неясного понимания особых условий победы турецкой буржуазии и эволюции «кемалистской» буржуазии, из незнания или неверного толкования тех процессов, которые происходят в экономике Турции и воздействуют как на соотношение различных классов внутри Турции, так и на отношения между Турцией и мировым империализмом.

Тов. Ирандуст приводит цитату из речи тов. Сталина (не делая из нее надлежащих выводов), где тов. Сталин определяет кемалистский тип революции так:

«Кемалистская революция возможна лишь в таких странах, как Турция, Персия, Афганистан, где нет или почти нет промышленного пролетариата и где не имеется могучей аграрно-крестьянской революции. Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своем дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самых возможностей аграрной революции».

Уже на первом этапе революции было ясно, каково будет «дальнейшее развитие», о котором с такой ясностью говорит тов. Сталин. Тов. Ирандуст и этого не понял: он считает, что «это дальнейшее развитие» (против рабочих и крестьян) «уже» намечается (!) лишь теперь, т.-е. в 1928 году (стр. 20). На самом деле, уже в начале этого деся-

тилетия «дальнейшее развитие» дало себя знать в форме преследования коммунистического и рабочего движения, отказа от радикального разрешения аграрного вопроса и соглашения с мировым империализмом.

У тов. Ирандуста получается, что «основной социальной базой блока [1]) являлось крестьянство». «Основной движущей силой турецкой революции, — говорит тов. Ирандуст на стр. 21, — являлось крестьянство, которое выступило на защиту своего существования за улучшение условий последнего». На самом деле, крестьянское движение не имело ясных социальных лозунгов, не имело пролетарского руководства. Крестьянское недовольство было, под национальными лозунгами, лишь использовано на потребу торговой буржуазии.

Как о движущей силе кемалистской революции, можно говорить лишь о той части деревни, которая или сливается, или же смыкается с торговой буржуазией.

Знаменитый «национальный обет», который «стал знаменем и программой анатолийской революции», прямо говорит, что «все части территорий» связаны «священным для населения национальным и общественным укладом» (стр. 82, 83). Это можно понять только так: не перестраивая внутреннего уклада, бороться с инонациональными конкурентами.

Сам тов. Ирандуст наперекор самому себе в другом месте совершенно правильно указывает: «Экономически самой сильной прослойкой анатолийского блока стали немногочисленные, но влиятельные группы анатолийского торгового землевладения, помещики и торговцы зерном таких, напр., районов,как Копия, Айдин, Эскишеир» (стр. 74).

В других местах, однако, по тов. Ирандусту получается и иная социальная база, и другое руководство. Говоря о том, что, благодаря союзнической оккупации в первый период революции из национального блока, выпали пролетариат и портовая буржуазия, автор почему-то считает нужным вообще изменить свою оценку движущих сил революции.

«Поэтому, в первый период турецкой революции, завершившийся занятием Смирны и Константинополя, национально-освободительное движение имело более простую социальную базу из анатолийского крестьянства, мелкой и средней буржуазии. Руководящая роль в революционном блоке находилась в руках мелкой и средней национальной буржуазии».

При желании у тов. Ирандуста можно выискать формулировки, в свою очередь, противоречащие всем предшествующим. Так, на стр. 33 он пишет: «Руководящая роль в этом блоке принадлежала военным, интеллигентским и буржуазным группировкам, к которым в этом (начальном, т.-е. в том же самом *А. Ш.)* периоде примыкают также некоторые феодальные элементы и духовенство». Нужно отметить, что вся вообще книга тов. Ирандуста отличается исключительно спокойным сожительством неразрешенных противоречий.

У тов. Ирандуста самое понятие «национальной» буржуазии слишком расплывчато. Нужно ясно сказать, что речь идет о торговой буржуазии, притом связанной с аграрным капиталом, ибо это сыграло колоссальную роль в дальнейшей эволюции кемализма. Что касается национально-промышленной буржуазии, то она была в зачаточном состоянии (ибо огромное большинство немногочисленных предприятий Турции принадлежит иностранцам) и сколько-либо серьезной роли в революционном блоке не играла.

---

[1]) Речь идет об анатолийском революционном блоке первого периода революции—1919—1922 гг.

Тов. Ирандуст всюду называет эту национальную буржуазию или анатолийской, или анатолийской средней и мелкой буржуазией. Это недостаточно, и потому не решает дела. Сам по себе географический признак малозначащ. В дальнейшем же постепенная эволюция превратила буржуазию «анатолийскую» в буржуазию всетурецкую. Определение тов. Ирандуста экономически неправильно, ибо сам по себе внутренний рынок Анатолии при существующей структуре турецкого хозяйства может являться базой накопления для турецкой буржуазии лишь в особо ненормальных условиях блокады.

Правда, внепортовая торговля буржуазии была в значительно большей степени связана с внутренним рынком, ибо она имела дело с непосредственным производителем и потребителем, а потому заинтересована в развитии национального хозяйства, в отличие от компрадорской буржуазии портовых городов, работавшей прямо на иностранные фирмы и банки. Однако, только этим дело еще не решается, ибо анатолийский непосредственный потребитель производит преимущественно экспортную товарную продукцию, а потребитель потребляет почти исключительно импортные промышленные товары. За границу вывозится третья часть всего валового сбора с.-х. продуктов [1]), при чем основная часть вывоза падает на культуры, специально производимые для экспорта: табак, инжир, валонея, хлопок и др. (Хлеб до сих пор в Турцию ввозится). Чрезвычайно слабая турецкая промышленность занимается или разработкой горных недр, или производством сельскохозяйственных полуфабрикатов для вывоза. Поэтому и теперь почти все предметы как личного, так и в особенности производственного потребления ввозятся из-за границы. Так, в настоящее время Турция производит 15 млн. метров текстиля в год, стоимостью $5\frac{1}{2}$ млн. турецких лир. Из-за границы ввозится шерстяных материалов на 38 млн. лир, тонких сукон—на 32 млн. и хлопчато-бумажных изделий—на 86 млн. лир, всего на 156 млн. лир. («Заря Востока» от 22 сентября 1928 г.).

В 1926 г. Турция потребляла 7.000 тонн своего и 70.000 привозного сахара («Бюллетень Торгпредства СССР в Турции», № 12, за 1927 г.). По двум основным товарам, составляющим половину всей стоимости импорта, внутри страны производится $^1/_{10}$ часть потребляемого количества. Далее, около 15% импорта составляют металлы и машины, которые в Турции почти не производятся.

Какая конкретная ситуация дала возможность победы кемалистской революции?

Тов. Ирандуст дает этому такие об'яснения.

Помимо малочисленности турецкого пролетариата (удельный вес пролетариата по отношению ко всему населению в Китае 1,1%, в Турции — 0,9%), оккупация союзниками Смирны, Константинополя и других крупных центров изолировала основные кадры турецкого пролетариата от крестьянства и от руководства национально-освободительным движением. Социальная борьба крестьянства против ростовщиков и иностранного капитала вылилась в национальную борьбу против греков и армян: последние большей частью и являлись ростовщиками и посредниками иностранных фирм. Иностранный капитал, занявший своими войсками важнейшие порты Турции и тем лишивший крестьянство возможности экспортировать свои сельско-хозяйственные продукты, выступил в слишком неприкрытом виде. Вот почему турецкой буржуазии удалось в то время удовлетворить крестьянство либеральными обещаниями и избежать дальнейшего развития аграрной революции.

---

[1]) «Deutsche Bank Wirtschaftliche Mitteilungen» № 12 за 1927 г.

45500

Правильные мысли здесь перемешаны с путаницей и просто непониманием существа дела. Неверно, что крестьяне имели перед собою греко-армянских ростовщиков и посредников: таковые были перебиты или же бежали во время мировой войны; во время мировой войны туземный (турецкий) торговый капитал заместил греко-армянский, забрав в свои руки продовольственные и др. поставки на армию, торговое посредничество и т. п. Национальное освободительное движение было для турецкого капитала *прямой борьбой за самосохранение*. Связь торгового капитала с деревенской верхушкой предопределила его заинтересованность в возвращении портов для свободного вывоза с.-х. продуктов и облегчения налогового пресса в деревне, что и позволило на определенной стадии развития увлечь за собой крестьянство.

Для понимания особых условий побед кемалистской революции абсолютно необходимо уяснить, почему империалистическая буржуазия смогла *примириться* с победой национальной, антиимпериалистической революции?

Этот весьма существенный вопрос тов. Ирандуст не сумел разрешить. Не будучи в состоянии отрицать очевидных фактов противоречий международного порядка, он останавливается на них весьма бегло; весь упор т. Ирандуст делает на том, что в турецкую экономику иностранный капитал не внедрился так серьезно, как в Китае, где он завоевал основные экономические высоты. Это утверждение может быть легко опровергнуто фактами.

Империалистам было за что повоевать в Турции: сотни миллионов государственного долга; примерно, 90% всех капиталов банков, промышленных и торговых обществ было в руках иностранцев; последним принадлежала вся ж.-д. сеть; капитуляции, отмененные односторонним актом Турции во время мировой войны, предоставляли иностранным капиталистам условия, ставившие их фактически вне конкуренции. Наконец, через ростовщиков и посредников иностранный капитал оплел тесной и клейкой паутиной все сельское хозяйство Турции.

Нельзя об'яснить неудачу империалистической интервенции как в России, так и в Турции тем, что иностранный капитал решил благородно поступиться своими интересами. Дело решалось, во-первых, тем, что в 1920/21 г.г. империалистам трудно было заставить воевать массы; во-вторых, тем, что единый империалистский фронт разладился вследствие противоречий между «великими державами». Ни одна из них не желала усиливать свою возможную будущую соперницу таким жирным куском, как Константинополь и Анатолия,—средоточие важнейших торговых и стратегических путей.

В-третьих, одна за другой державы уяснили себе, что с кемалистской буржуазией *удастся сговориться*, если не дубьем, так *рублем*. В этом дальновидные буржуазные империалистические политики не ошиблись: слабосильной Турции не так-то просто самостоятельно перестроить свою экономику, являющуюся экономикой *полуколонии*, т.-е. страны, экономически целиком зависимой от империализма.

Прекращение борьбы с империалистами, мирная сделка с ними значительно содействовали тому, что в следующий этап турецкая революция не перешла.

Кемализм не есть путь, обеспечивающий сохранение независимости страны от иностранных капиталистов. В конечном итоге кемализм есть путь повторного *закабаления* империалистами бывших колоний и полуколоний. Вот что надо неустанно раз'яснять трудящимся Турции и других стран.

А. Шнеерсон.

П. ШАРОВ. ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКИ НА ИСХОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—15 ГГ., с предисловием В. Е. ГАРФА. Серия «Война и Экономика». Госиздат, отдел военной литературы. 1928 г., стр. 174, тир. 3.000 экз., **цена 1 р. 50 к.**

В задачу автора входило показать, как экономика повлияла на исход мировой войны. Выполнение этой задачи нам представляется в следующем виде. Прежде всего, автор должен дать основную линию развития хозяйства стран—участниц войны, выявляя все своеобразие темпа и направления этого развития. Во-вторых, дается краткая характеристика экономики стран по ее главнейшим отраслям к началу войны. В-третьих, автор показывает, как отразился разрыв хозяйственных связей, существовавших между странами с началом военных действий. В-четвертых, при учете этих изменений, автор прослеживает этапы приспособления экономики стран к нуждам войны. В соответствии с этими этапами характеризуется состояние боеспособности сторон, влияющее на ход боевых операций. В-пятых, роль государственно-регулирующего воздействия на экономику страны и степень его эффективности. В-шестых, экономическое положение воюющих сторон к концу войны, повлиявшее на исход ее. И, наконец, выводы.

У автора несколько иная схема изложения. Дав в первой главе понятие об экономическом размахе мировой войны, он приходит во второй главе к выявлению факторов военной мощи. Следующие шесть глав посвящены краткой характеристике экономических ресурсов стран—участниц войны. 9-я глава дает сравнение боеспособности сторон. В десятой делаются выводы—общие, и в 11-й—применительно к нашим советским условиям.

В первой главе речь идет о двух периодах, на которые распадается мировая война: период маневренной и период позиционной войны. Первый интересен и поучителен для «чисто военного искусства», второй—«не только для стратега и командира, но не в меньшей степени для каждого ученого, инженера и техника». Именно второй период выдвинул экономику, как решающий фактор победы.

Весьма, однако, неясно у автора обстоит дело с понятием «экономика». То он говорит просто об экономике, то об экономике в широком смысле слова в кавычках и без кавычек, то о военной экономике, не устанавливая грани между этими понятиями. Иногда автор ставит знак равенства между понятиями «экономика» и «экономические ресурсы», что не совсем правильно. На странице 11-й «орудия истребления, представленные на фронте», у автора тоже «экономика», хотя это есть военная техника, т.-е. средства и орудия разрушения экономики. Назовите их средствами военного производства, дело от этого не изменится; эти средства производства являются не «созидателями», а «разрушителями» материальных и людских ценностей. Автор, по сути дела, опровергает свою же собственную мысль, высказанную им в конце предисловия о том, что «мы не пытаемся создать особое воззрение на экономику». Получается как раз обратное. И это вынуждает нас сделать ряд дальнейших замечаний.

Выясним, прежде всего, что следует понимать под словом экономика. Под экономикой или экономическим положением страны мы привыкли понимать состояние отраслей народного хозяйства в их взаимной связи и зависимости, определяемое уровнем развития производительных сил. Составной и, разумеется, центральной частью последних, на ряду с массой произведенных продуктов, массой рабочих сил и массой сырых материалов—является техника. Таким образом, понятие экономики в известной степени неотделимо от понятия техники. И говорить, в огромном большинстве случаев, об изменениях в области экономики без соответствующих сдвигов в области техники—это равносильно, скажем, говорить о движении телеги без колес.

Больше того—нельзя никогда забывать, что при сочетании одних и тех же экономических условий с разными, по степени развитости, техническими условиями видоизменяется не только все лицо экономики страны, но происходит своеобразная переоценка всех экономических ценностей, вплоть до сырьевых. У автора же вопрос о роли техники совершенно не оттенен. Между тем мы имеем достаточно примеров того, как при всех экономических возможностях пределом их развертывания являлось отсутствие техники или технического опыта при наличии техники. Приведем примеры, имеющиеся хотя бы в книжке. Один пример: «В вопросе изготовления орудий еще в довоенное время мощный Обуховский завод не мог успешно справиться со стальным литьем из хромо-никкелевой стали для орудий крупных калибров». Другой пример: «Путиловский завод не мог изготовить легких пушек образца 1913 г. системы Шнейдера только потому, что не мог справиться с изготовлением специальных сортов стали». Третий пример: «Вообще же изготовление предметов боевого снабжения, требующее точности работ, к какой не привыкла наша гражданская промышленность, было особо затруднено. В России имела место большая задержка с изготовлением 22-секундных дистанционных трубок».

Таких примеров можно было бы привести достаточное количество.

Глава вторая посвящена выявлению факторов военной мощи. «Изучение опыта мировой войны,—пишет автор,—дает нам вполне отчетливое понимание современных основных факторов победы: 1) политика внутренняя и внешняя, 2) экономика в широком значении этого слова, включая и ту экономическую борьбу *(?—Б. Ж.)*, какая имела место перед войной и явилась первопричиной войны, а в период войны—обеспечение всех потребностей войны и самой страны в отраслях народно-хозяйственной жизни; 3) стратегия—военная подготовка вооруженного народа, руководство ведением самой войны со включением сюда военных элементов, входящих в политику и экономику; 4) тактика—руководство войсковыми соединениями до корпуса включительно и 5) моральные силы войск, доблесть войск—понимая под этим здоровую дисциплину, отличное владение оружием, здоровое тело и здоровый дух,—хорошую физическую подготовку и, главное, понимание бойцами целей и задач войны».

В этой длинной выписке, прежде всего, совершенно неудачна формулировка второго пункта не только в первой его части, где в понятие экономики включена предвоенная «борьба», но и во второй его части. Неясно, что конкретно значит «обеспечение всех потребностей войны в отраслях народно-хозяйственной жизни»? Во-вторых, совершенно не ясно, что имеет в виду автор, говоря в первом пункте о внутренней и внешней политике, как факторе военной мощи. Автор отделывается общими фразами, когда он ссылается на Германию, которая приобрела себе противников «в виду ее ошибок военно-политического характера, выразившихся в некотором пренебрежении к этому фактору военной мощи».

Далее, неясно, в каком соотношении находится такой сравнительно небольшой фактор военной мощи, как тактика (к тому же ограниченная действием корпуса) к колоссальному фактору «экономика». Почему автор не относит к факторам военной мощи и такие, как, положим, географические размеры и компактность расположения территории страны, включая сюда и рельеф ее? Не является ли также фактором военной мощи и общая грамотность населения, его культурный уровень?

Наконец, совершенно нельзя обойти молчанием такой фактор военной мощи, как наличие того или иного у р о в н я т е х н и к и и носителей технического и конструктивного опыта. Опыт Германии дает нам блестящие примеры того, как техника давала Германии новые силы и возможности

для борьбы (производство отравляющих веществ, азота из воздуха и пр.). И, наоборот, при богатейшей экономике России по части сырья и рабочих рук, ей, однако, недоставало одного из главнейших составных элементов производительных сил,—машин и механизмов, и в равной степени квалифицированных носителей технических и конструктивных навыков.

По контексту всего изложения эту главу следовало бы отнести в конец книги, к заключительной части ее.

Главы от 3 по 8 включительно дают характеристику экономических ресурсов стран—перед войной и во время войны.

В этой характеристике нет, прежде всего, единообразной схемы, что давало бы возможность читателю производить сравнения. В одних главах подразделение «транспорт» включает в себя и автотранспорт, в других—последний описывается отдельно от главы о транспорте. В одних главах (глава о Германии) встречается подразделение «внешняя торговля», в других (глава о России)—его нет. Наоборот, здесь сведения о внешней торговле включены неизвестно почему в подзаголовок «финансовое положение» и рассмотрены под фискальным углом зрения, тогда как интереснее было бы дать сведения о том, какие статьи вывоза и ввоза выпали и почему и как это отразилось на экономическом положении страны.

В главе о Германии на стр. 62, вместо таблицы ценностного соотношения ввоза и вывоза, ничего не говорящей, автору следовало бы дать ту же таблицу в натуральном выражении с номенклатурой ст.ст. ввоза и вывоза, из которой бы со всей очевидностью явствовало, в к а к и х категориях товаров Германия нуждалась и, следовательно, по каким именно больным местам била блокада немецкое хозяйство.

Та же картина получается в главе об Англии. Здесь внешний торговый оборот попадает в подзаголовок «транспорт». На стр. 108 дается ценная таблица ввоза. Из этой таблицы можно сделать ряд поучительных выводов. Но зачем понадобилась автору приведенная на стр. 109 таблица? Вряд ли это оправдывалось тем, чтобы высказать ничего не говорящее положение, что ввоз и вывоз уменьшился и только. Для целей анализа экономического положения страны этого маловато.

Нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что описание экономики стран всюду начинается с описания финансового положения. Получается впечатление, что автор придает деньгам г л а в н о е значение в хозяйстве страны. В России он находит «неудачную финансовую систему». Говоря об Англии, он указывает на «блестящую финансовую систему», которая спасает деньги от обесценения. Автор чувствует, что это—несколько слабоватое об'яснение, и он спешит подкрепить его «общим богатством страны». Дело, конечно, не в общем богатстве страны, а в том, что пока крепок производственный базис—крепка и финансовая система. Развал производственного базиса знаменует собою и развал денежной системы, какой бы архиблестящей она ни была. Неискушенный же читатель может соблазниться на подчеркивание, которое делает автор, и сделать вывод: не в финансовой ли системе все дело? Правда, §§ 5 и 13 10-й главы в качестве вывода устанавливают правильную точку зрения на роль денег в хозяйстве страны, но этот вывод не напрашивается сам собою из описания финансового положения стран.

Совершенно недостаточно разработан у автора вопрос о сельском хозяйстве, другими словами, вопрос о п р о д о в о л ь с т в и и и с ы р ь е. Сырьевую проблему, так же, как и продовольственную, следовало бы особо подчеркнуть, ибо обе они были исходным моментом в определении степени устойчивости отдельных звеньев хозяйственной системы и всей системы в целом. На стр. 28-й автор пишет: «Командными экономическими факторами

в деле войны являлись: 1) промышленность, более узкая военная промышленность, металлургия, химпромышленность и 2) транспорт, главным образом, железнодорожный». А сырье, разве это не командный фактор? И как бы спохватившись несколькими строками ниже, он заявляет: «Проблема сырья являлась одной из самых центральных проблем во время мировой войны». Так почему же не поставить ее третьим пунктом при перечислении командных экономических факторов?

Есть главы, где продовольственный вопрос освещен под особым подзаголовком, в других—ему отводится две—три строчки. В частности, глава о сельском хозяйстве России уложилась у автора на полутора страничках.

Вопрос о государственном регулировании хозяйства во время войны являлся немаловажным фактором в деле поддержания экономической устойчивости страны. Это, конечно, не экономика, но это мощное воздействие на экономику, без которого не обошлась ни одна из воюющих стран. Автор не обходит этого вопроса, но он говорит о нем как-то мимоходом и почему-то в разделе «промышленность», хотя регулирующая деятельность государства не ограничивалась областью одной лишь промышленности. Вопрос о регулировании следовало бы выделить в конец каждой главы (дающей характеристику экономических ресурсов той или иной страны), с тем, чтобы выявить возможности, которые этим регулированием достигались, а равно и пределы его.

Экономика является сложной цепью звеньев хозяйственного целого страны, где нарушение отдельного звена передается всей цепи. Вот такого анализа, который показал бы эту взаимозависимость и взаимовлияние отдельных отраслей народно-хозяйственной жизни, у автора и не хватает. Он обильно приводит цифровой материал и таблицы, но все эти цифры и таблицы плохо увязаны между собой так же, как и описание отдельных отраслей хозяйственной жизни, стоящих совершенно особняком друг от друга. Цифры и таблицы подавляют читателя, но они не убеждают его.

В изложении чувствуется какая-то торопливость, которая приводит автора просто к небрежному изложению. Так, например, вместо того, чтобы написать: «не нуждается в особом пояснении и такой важнейший фактор, как проблема сырья, которая являлась одной из самых центральных проблем во время мировой войны»,—автор эту мысль излагает так: «не нуждается в особом пояснении и такой важнейший экономический фактор, что проблема сырья являлась одной из самых центральных проблем во время мировой войны».

На стр. 59, повествуя о национальном богатстве Германии, автор говорит, что оно «оценивалось по разным причинам от 160 до 180 миллиардов» (чего—рублей или марок?). На следующей странице он пишет: «Ежегодный доход—21 миллиард рубл. Золотой запас перед войной 1.160 миллионов марок».

Эта небрежность иногда граничит с неточностью. Так, на стр. 55-й автор утверждает, что «ухудшение сельскохозяйственного инвентаря» есть следствие упадка производства сельскохозяйственных машин и орудий. Это неточно. Ухудшение явилось следствием не только упадка производства сельскохозяйственных машин, но и отсутствия ввоза (50% удовлетворялось ввозом), а равно и ремонта их.

Или на стр. 77 автор пишет: «Воспроизводство отставало от производства, начиналась разруха». Воспроизводство не может «отставать» от производства так же, как человек не может сам себя поднимать за волосы, ибо «каждый общественный процесс производства в то же самое время есть процесс воспроизводства» (К. Маркс, т. I, гл. 21). Речь может итти о производстве, которое протекает либо в условиях простого воспроизводства, либо в условиях воспроизводства расширенного, либо просто быть недостаточным. В последнем случае по формулировке тов. Бухарина мы имеем воспроизводство с отрицательным знаком, т.-е. проедание основного капитала. Об этом, видимо, и хотел сказать автор.

Выводы, даваемые автором в двух последних главах, интересны сами по себе и не вызывают особых возражений, если не считать того, что автор часто повторяется и зачем-то выделяет «главные» выводы от «практических». Если первые не имеют практической ценности, то грош им цена. Видимо, автора и здесь подвела спешка.

Подводя итоги вышеизложенному, мы должны сказать, что автор не справился с поставленной себе задачей—дать стройный и исчерпывающий анализ влияния экономики на исход мировой войны. Книга т. Шарова, это— недоработанная компиляция. Попытку автора все же надо приветствовать, ибо стоявшая перед ним задача была далеко не из легких.

Б. Жуков.

От редакции.

Помещенная в № 23—24 «Большевика» за 1928 г. статья Космина «Украинские планы польского фашизма» напечатана с некоторыми пропусками и ошибками, искажающими соответствующие места статьи.

На стр. 122 (стр. 18 св.) напечатано «украинцев», следует читать «украинцев белоэмигрантов».

На стр. 126 (стр. 6 св.) напечатано «революционного национализма», следует читать «лже революционного национализма».

На стр. 127 (стр. 7 св.) напечатано «последовательную революционную линию», следует читать «последовательную оппозиционную линию».

На стр. 127 (стр. 22—23 св.) напечатано «Газета партии «Воля Народа» (теперь «Сельроб») являлась и является за последние годы самой популярной, самой распространенной украинской газетой в Польше». Следует читать «Газета партии «Воля Народа» являлась за последние годы одной из популярных и распространенных украинских газет в Польше».

На стр. 127 (стр. 18 снизу) напечатано «революционной части Сельроба», следует читать «части Сельроба».

После стр. 40 св. пропущен абзац «Весной 1928 года на с'езде произошло об'единение Сельроб-левицы (бывшей «Воли Народа») с рядом местных организаций, входивших раньше в об'единенную партию Сельроб и некоторыми из бывших сельсоюзников. С'езд решительно осудил прежние оппортунистические и националистические ошибки как бывших сельсоюзников, так и бывших воленародцев. Часть бывших сельсоюзников осталась за пределами об'единенной организации. Продолжая пользоваться революционной фразеологией, она фактически все более и более приближается к антисоветской платформе радикалов».

На 127 стр. (стр. 6 снизу) напечатано «Корни оппортунизма», следует читать «суб'ективные корни оппортунизма».

На 127 стр. (стр. 25 сверху) напечатано «преобладание», следует читать «пребывание».

Редколлегия:
Астров, В.
Бауман, К.
Бухарин, Н.
Криницкий, А.
Молотов, В.
Попов, Н.
Ярославский, Е.